

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2019. № 3(123)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2019
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кукина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

6 От главного редактора

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 **ШАМАХОВ В. А., ЕРЕМИНА Н. В., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Основные характеристики политического развития стран Прибалтики и их экономические последствия
- 24 **КЕФЕЛИ И. Ф., МАЛЬМБЕРГ С. А.**
Информационный потенциал как решающий фактор в информационном противоборстве государств
- 34 **ГАФФОРЗОДА А. С.**
Роль института лидерства в формировании политической культуры в условиях суверенитета

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 41 **ИСАЕВ А. П., ВАСИЛЬЕВА Т. В.**
Система инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России
- 49 **МИРЗИЁЕВА С. Ш.**
Анализ опыта Узбекистана по разработке стратегий развития страны и регионов

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 62 **АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
О понятиях общественного бытия, социальной реальности и общественного сознания
- 72 **БАЙЕР Ю. П.**
Акторный подход к исследованию глобальной образовательной политики
- 79 **КОШЕЛЕВА О. Э., НИКОЛАЕВ В. В.**
Оценка конкурентоспособности российских косметических средств в целях импортозамещения
- 87 **КРАШЕНИННИКОВА Ю. А.**
Проблемы обеспечения качества экспертной деятельности (на материале экспертизы информационной продукции в РФ)
- 104 **ХЛОБИСТОВА А. О., АБРАМОВ М. В., ТУЛУПЬЕВА Т. В., ТУЛУПЬЕВ А. Л.**
Социальное влияние на пользователя в социальной сети: типы связей в оценке поведенческих рисков, связанных с социоинженерными атаками
- 118 **ДОАН Т. М. Х., НУГЕН В. Л.**
Обучение за рубежом и зарубежные стажировки студентов и специалистов как эффективный стимул повышения уровня развития человеческого капитала в лесной отрасли Вьетнама

A LINEA

- 127 **ГУСЕЙНОВ С. А.**
Перспективы государственно-частного партнерства в развитии отрасли электроснабжения на основе экологических и интеллектуальных технологий
- 138 **КОЛМЫКОВ А.**
Управление международной компанией в виртуальном пространстве

EDITOR'S COLUMN

6 From the Chief Editor

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 **VLADIMIR A. SHAMAKHOV , NATALIA V. EREMINA, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Main Characteristics of the Baltic Countries Political Development and their Economic Consequences
- 24 **IGOR F. KEFELI, SERGEY A. MALMBERG**
Information Capacity as a Decision Factor in Information Confrontation of States
- 34 **ABDUJABBOR S. GAFFORZODA**
Role of Institute of Leadership in Formation of Political Culture in the Conditions of Sovereignty

POWER AND ECONOMY

- 41 **ALEXEY P. ISAEV, TATYANA V. VASILYEVA**
The System of Infrastructure Ensuring Business Activity in the Market of Mobile Commerce of Russia
- 50 **SAIDA Sh. MIRZIYOIEVA**
Analysis of Uzbekistan's Experience in Development of National and Regional Strategies

SOCIETY AND REFORMS

- 62 **ALEKSANDROV V. B.**
About Concepts of Social Being, Social Reality and Social Consciousness
- 72 **JULIA P. BAYER**
Actor Approach to Researching Global Educational Policy
- 79 **OLGA E. KOSHELEVA, VLADIMIR. V. NIKOLAEV**
Assessment of Competitiveness of the Russian Cosmetic Means in Order to Import Substitution
- 87 **YULIA A. KRASHENINNIKOVA**
The Problems of Ensuring the Quality of Experts' Work: the Case of Media Content Evaluation in the Russian Federation
- 104 **ANASTASIYA O. KHLOBYSTOVA, MAXIM V. ABRAMOV, TATIANA V. TULUPYEVA, ALEXANDER L. TULUPYEV**
Social Influence on the User in Social Network: Types of Communications in Assessment of the Behavioral Risks connected with the Socio-engineering Attacks
- 118 **DOAN T. M. H., NGUYENV. L.,**
Education Abroad and Foreign Training of Students and Specialists as an Effective Incentive of Increasing the Level of Human Capital Development in the Forestry of Vietnam

A LINEA

- 127 **SAMIR A. GUSEINOV**
Prospects for Public-private Partnership in the Development of the Electricity Supply Sector Based on Environmental and Intelligent Technologies
- 138 **ALAN KOLMYKOV**
Management of the International Company in Virtual Space

От главного редактора

V Международный арктический форум — 2019 завершен.

Текущий год обозначен на календаре как год прорыва в освоении Арктики. Еще 3 апреля 2019 года специальная подкомиссия ООН признала геологическую принадлежность части арктических территорий к продолжению континентального шельфа России. Однако признать принадлежность не значит эффективно освоить. Для этого нужны проекты, соглашения, деньги. Итоги форума измеряются не только деньгами. При этом о деньгах не только говорили, но и подписывали соглашения — 45 соглашений на общую сумму 69,8 млрд рублей. В работе форума приняли участие 3,6 тысячи представителей российского и международного бизнеса, правительств и органов управления различных стран — укажем, что это в 1,5 раза больше, чем в прошлом году.

Президент России В.В. Путин сообщил, что наша страна намерена подготовить и принять новую стратегию развития российской Арктики до 2035 года. Закладывается долгосрочная стратегия, определяющая перспективы всей России, всех ее регионов. «По ключевым социально-экономическим показателям, по качеству жизни людей все арктические регионы необходимо вывести на уровень не ниже среднероссийского. Обращаю внимание: именно такая задача должна быть не только четко обозначена в новой стратегии развития Арктики, но и служить ориентиром для работы всех федеральных ведомств и региональных властей России», — так сказал Президент России на пленарном заседании Арктического форума.

Вытянутая с запада на восток, наша страна объединена Арктикой. БАМ и Арктика — опорные линии развития. Три четверти страны находятся между побережьем арктических морей и линией БАМ. Арктическая стратегия, модель развития Дальнего Востока — механизм интеграции России в глобальное развитие.

Самое главное в том, что Арктический форум показал — никакой международной изоляции России нет. Более того, Арктика, арктическая тематика, не являясь примирительной, становится центральной и объединительной для Европейского Севера и России. Отсутствие высоких представителей США и Канады говорит о недальновидности первой упомянутой страны и десоверенизации второй. В Форуме приняли участие Президент Российской Федерации Владимир Путин и его высокие гости: Президент Финляндии Саули Ниинистё, Президент Исландии Гудни Торлаксиус Йоханнессон, Премьер-министр Норвегии Эрна Сульберг, Премьер-министр Швеции Стефан Лёвен, министры иностранных дел Дании и Норвегии Андерс Самуэльсен и Ине Мари Эриксен-Сёрэйде.

В этом контексте вызывает недоумение политика тех стран, которые расположены на другом, южном берегу Балтийского моря. Если скандинавские страны и Финляндия осторожно сотрудничают с Россией, то государства Прибалтики ориентированы на углубление экономической и политической напряженности. Почему это происходит? Ответ в одной из статей этого номера.

В предлагаемом номере содержатся еще несколько статей по международной проблематике. Это представляется весьма логичным. В XXI веке граница между внешней и внутренней политикой становится еще более условной, чем в прошлом. Эффективное развитие «внутри» становится императивом успеха во внешней политике.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Основные характеристики политического развития стран Прибалтики и их экономические последствия

Шамахов В. А.¹, Еремина Н. В.², Межевич Н. М.^{3, *}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

*mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Изучение социально-экономических процессов на постсоветском пространстве имеет не только академическое значение. Оценить итоги трансформации в экономике и политике России можно лишь в сравнении с государствами, так или иначе двигавшимися в том же направлении. Трансформационная модель Республики Беларусь, как указание на иную модель развития, при тех же стартовых условиях, представляет для нас значительный интерес. Однако не меньшее значение имеет для нас практика социально-экономического развития государств Прибалтики: Эстонии, Латвии, Литвы. Их успехи на этапе 1991–2007 гг. и еще более очевидные современные проблемы являются для нас своеобразным антиуказателем реформирования, компасом, стрелка которого направлена на юг. Провозгласив демократию и свободный рынок, как в государствах Прибалтики, постепенно потеряли как первое, так и второе? Почему это произошло? Ответ предлагается в данной статье.

Ключевые слова: Беларусь, государства Прибалтики, Россия, международные отношения, экономическая политика, теория роста, итоги реформ

Main Characteristics of the Baltic Countries Political Development and their Economic Consequences

Vladimir A. Shamakhov^a, Natalia V. Eremina^b, Nikolay M. Mezhevich^c

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation

^bSaint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

^cInstitute of Problems of Regional Economy of Russian Academy of Science; St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Studying of social and economic processes in the former Soviet Union has not only the academic value. Estimation of transformation results in economy and policy of Russia is possible only in comparison with the states anyway moving in the same direction. The transformational model of Republic of Belarus as the instruction on other model of development, under the same starting conditions, is of considerable interest to us. Practice of social and economic development of the Baltic Countries has however not smaller value for us: Estonia, Latvia, and Lithuania. Their progress during 1991-2007 and even more obvious modern problems is for us a peculiar anti-index of reforming, a compass which arrow is directed to the south. Having proclaimed democracy and the free market how the Baltic Countries lost both the first, and the second? Why it occurred? The answer is offered in this article.

Keywords: Belarus, Baltic Countries, Russia, international relations, economic policy, theory of growth, results of reforms

Введение

Страны Прибалтики вошли в состав Европейского союза (ЕС) в 2004 г. в ходе масштабного пятого расширения интеграционной группы на страны Восточной Европы. С нашей точки зрения, вступление стран Прибалтики в ЕС преследовало не только и не столько экономические, сколько политические цели, связанные с разрывом с Россией. При этом процесс политической интеграции в ЕС был реализован через комплекс экономических мероприятий, нацеленных на разрыв множественных хозяйственных и энергетических связей с Россией, хотя от российских инвестиций и транзита в странах Прибалтики длительное время не отказывались. Кроме того, за нарастание антироссийской политики ЕС в целом несут ответственность правительства прибалтийских государств.

Задача политического дистанцирования от России реализовывалась экономическими методами, в то время как политическая интеграция этих стран в ЕС не сопровождалась повышением уровня демократии и решением проблем прав человека. Совокупно эти тенденции привели к ужесточению как общественно-политической, так и экономической ситуации в прибалтийских государствах. Соответственно, страны Прибалтики демонстрируют, как политика и идеологический курс приводят к определенным экономическим последствиям, а экономика решает политические задачи. При этом даже если экономическая политика приносит не всегда благоприятные последствия, ее невозможно изменить без смены именно политического курса страны. Экономика в такой ситуации оказывает на политику наименьшее воздействие. А значит, вопросы экономической целесообразности и прагматизма не рассматриваются вовсе.

Цель данной статьи — определить особенности влияния политического курса стран Прибалтики на их экономическое развитие, что в настоящее время актуально с учетом отношений России и ЕС. Это необходимо для того, чтобы ответить на следующие вопросы: как происходила интеграция стран Прибалтики в ЕС; какие аспекты политики и государственной идеологии фактически повлияли на принятие экономических решений в странах Прибалтики; как данные процессы влияют на текущее развитие экономики, каковы ее перспективы.

Теоретические и методологические аспекты исследования

Вопрос о том, как политика и идеология (или ее отсутствие) влияют на экономическое и социальное развитие стран, всегда интересовал ученых. Политика, безусловно, влияет на экономику, так как экономические решения принимают те или иные властные структуры. Система их взаимодействия, лоббизм и общественные группы совокупно влияют на процесс принятия экономических решений и перераспределения финансовых и экономических ресурсов. Более того, экономические проблемы оцениваются, так или иначе, через призму определенных политических убеждений. И в целом экономическое развитие зависит от политических задач и государственной политико-экономической идеологии (например, неолиберализма).

Любое экономическое решение несет в себе как позитивные, так и негативные моменты, однако именно политические интересы оправдывают определенный выбор. Сейчас очевидно, что, когда в США или Великобритании ставилась задача осуществить реформирование на принципах монетаризма, политические лидеры этих государств обратились именно к тем экономистам, которые могли дать теоретическое подтверждение правильности данного выбора. Да и сама экономика нуждается в поддержке со стороны политиков, которые должны объяснить населению политический смысл принятых решений. Именно политика определяет весь

комплекс вопросов, от приватизации до налоговых реформ во всех государствах мира¹.

Ученые-экономисты А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс изначально отмечали важность ценностей (культурных и политических) в развитии экономики. В своих работах они уже говорили, по сути, о принципах политэкономии, в рамках которой огромное внимание уделяется государственным структурам. Сам термин «политическая экономика» относится к XVIII в., когда перераспределение экономических ресурсов и транзакции постепенно превращались в политический инструмент и становились предметом государственной политики. Здесь экономика предстает как часть более обширной социальной системы, где именно экономические взаимодействия между ее субъектами позволяют раскрыть ее смысл и значение в зависимости от организации политико-экономических структур; и нельзя сказать, что политика и экономика относятся к качественно разным объектам.

К настоящему времени появилось множество исследований, посвященных данной проблеме. Например, Каплан и Стромберг [3] анализируют теоретические связи между компаниями и политическими результатами, предлагая модель, в которой именно политическая информация вынуждает принять конкретное решение. В. Багдасарян проводит прямую параллель неэффективного экономического развития для стран, которые не имеют идеологии, поскольку идеология обладает интегрирующей и консолидирующей силой в государстве, а также определяет стратегию государственного развития². Однако он не анализирует экономическую успешность, оценивая саму идеологию, но просто указывает на ее необходимость для экономики страны.

В исследовании влияния политики на экономику в странах Прибалтики в качестве рабочего инструмента может быть использована теория политических рынков, так как она предлагает методы анализа процесса принятия решений. В ее рамках указывается, что политические рынки прямо влияют на экономические рынки. Она объясняет принятие нерациональных экономических решений тем, что за ними стоят определенные политические фигуры. Поэтому также объяснимо, почему правительства могут не учитывать позицию бизнес-структур, лоббирующих то или иное решение. Данная теория также объясняет, почему не исполняются решения внутри ЕС, связанные, например, с бюджетной дисциплиной и сокращением госдолга, так как это не выгодно политическим рынкам; данные решения блокируются политическими акторами, интересам которых они противоречат. Более того, теория указывает, что невозможно предлагать «правильные» экономические решения, оторванные от политического процесса.

Второй теорией, которая легла в основу представленного исследования, стала теория роста. Данная теория предлагает учитывать массу политических и правовых переменных в оценках экономического развития страны, связанных с «жесткой или нежесткой политической системой».

Исходя из требований данных теоретических подходов, в исследовании влияния политического курса на экономику стран Прибалтики в контексте интеграции, необходимо обратить внимание на такие показатели, как объем инвестиций и субсидий; окупаемость инвестиций; возможности национальных бюджетов; структурные изменения в экономике; взаимосвязь экономических и политических интересов; общественно-политическое развитие и состояние.

¹ *Pettinger T.* The relationship between economics and politics [Electronic resource] // Economics. 14 July 2017. URL: <https://www.economicshelp.org/blog/11298/concepts/the-relationship-between-economics-and-politics>.

² *Багдасарян В.* Идеология как фактор государственной успешности: сравнительный, исторический, страновой анализ [Электронный ресурс]. 20 ноября 2014. URL: <http://rusrand.ru/docconf/ideologija-kak-faktor-gosudarstvennoj-uspeshnosti-sravnitelnyj-istoricheskij-stranovyj-analiz>.

Характеристики интеграционного процесса для Прибалтики

Тренды, связанные с процессами интернационализации хозяйственной жизни в государстве, по-прежнему рассматриваются как основные показатели успешности экономического развития. По сути, успешными в данной логике называют государства, в наибольшей степени интегрированные в мировой рынок. ЕС можно назвать макрорегиональным примером глобального рынка, к тому же на его страже стоят как раз государства — члены ЕС: ФРГ и Франция прежде всего.

Сам по себе интеграционный процесс в экономическом измерении имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Априори считается, что в рамках интегрирующихся экономик осуществляется рост доходов, благодаря образованию новых торговых и финансовых потоков, снижению издержек производства, общему снижению цен, росту межрегиональных связей, а также торговых возможностей, если государства представляют свои позиции совместно на внешнем рынке.

Но при этом для более слабых экономик в рамках союза интеграция несет значительные негативные последствия — происходит отток разнообразных ресурсов, включая отъезд населения, закрываются производства. Слабые экономики не способны служить дополнением более сильных и практически всегда начинают исполнять роль потребительского рынка, который необходимо постоянно субсидировать через различные программы перераспределения финансов. Кроме того, сохраняющиеся экономические диспропорции впоследствии становятся еще более ярко выраженными, что постепенно влияет негативно на сам интеграционный процесс и также негативно сказывается на политической стабильности как внутри государств, так и в интеграционном объединении в целом.

Страны Прибалтики в полной мере столкнулись с негативными аспектами интеграционного движения. Брюссель выдвинул множество условий для вступления прибалтийских государств в ЕС. Например, по его требованию была остановлена Игналинская АЭС в Литве; в Латвии были закрыты заводы по производству сахара; во всех странах закрылись наукоемкие производства; практически была уничтожена рыболовная отрасль; произошло сокращение сельскохозяйственного производства. В странах Прибалтики согласились с деятельностью других компаний на национальных рынках, например, шведских и немецких, высказали согласие с растущей специализацией и даже ее потерей. Особенно негативные последствия оказала необходимость закупать электроэнергию у других стран. Поэтому даже рост ВВП не решает проблему дефицита бюджетов Латвии, Литвы и Эстонии.

При этом сами страны Прибалтики, отказавшись от крупных производств, не создали основания для выхода на общий рынок с конкурентоспособной продукцией. Это привело к изменению структуры внутреннего рынка. Данный процесс эффективно способствует перераспределению человеческих, материальных, финансовых ресурсов не в пользу стран Прибалтики. Тем не менее, правительства Латвии, Литвы и Эстонии указывают на успешное экономическое развитие, апеллируя к полной интеграции внутренних рынков в Общий рынок. Другим критерием, свидетельствующим, с точки зрения прибалтийских государств, об эффективном развитии экономики, служит исключительно политика русофобии и противодействия России. По этой логике, чем больше действий предпринято против России, тем успешнее развиваются государства и их экономика.

Соответственно, экономическая политика была предопределена не только условиями интеграции, но и жестким политическим курсом, который выбрали для себя данные государства по отношению к России и российскому рынку. В дальнейшем этот подход предлагался ими, в частности Литвой, в продвижении программ Восточного партнерства, для других государств постсоветского пространства.

Страны Прибалтики в ЕС: основные проблемы экономического развития

Для решения проблем региональных диспропорций и структурных реформ, в том числе и в странах Прибалтики, из коммунитарного бюджета выделяются субсидии по различным программам. Две основные статьи расходов для коммунитарного бюджета:

- 1) сельское хозяйство (при этом аграрная политика осуществляется практически полностью на деньги ЕС);
- 2) региональная политика совокупно с политикой сплочения (программы которых софинансируются структурными фондами и национальными бюджетами в разных пропорциях, в зависимости от проекта, страны и ее региона). В отношении стран Прибалтики структурные фонды, которые работают на основании принципа «дополнительности», т. е. софинансирования проектов совместно с национальными бюджетами, оплачивают более 70% стоимости проектов. Нередко структурные фонды выплачивают до 90% стоимости проекта.

С течением времени это привело к зависимости не только бюджета прибалтийских государств, но и возможностей их экономического роста от структурных фондов. Прежде всего, страны Прибалтики получают помощь из Фонда сплочения и Европейского фонда регионального развития (здесь действует критерий — страна имеет право на финансирование, если ВВП на душу населения не превышает 75% от среднего по ЕС). Основная масса средств идет на поддержку инфраструктурных проектов, включая коммуникационные программы, помощь сельскому хозяйству и программы обучения или повышения квалификации персонала.

При этом именно программы региональной политики выходят в прибалтийских странах на первое место, опережая по выделяемым субсидиям программы аграрной политики. Инвестиции ЕС в экономику Эстонии, Латвии и Литвы часто указываются как основные инструменты в экономическом развитии стран¹. Об этом свидетельствуют цифры дотаций, выделяемых странам Прибалтики в текущий бюджетный период (2014–2020 гг.).

Например, ЕС профинансировал строительство Таллинского аэропорта и городского транспортного сектора в размере 800 млн евро за период 2007–2013 гг.² Эстонские эксперты указывают, что экономический рост в стране возможен в основном благодаря Европейскому фонду сплочения³. В Латвии крупнейшим проектом стали инвестиции в аэропорт Риги (71,4 млн евро)⁴. В Литве главными проектами, осуществленными именно благодаря инвестициям ЕС, стали модернизация аэропорта в Каунасе и строительство спортивного центра в Друскининкае⁵. Проблема использования выделяемых средств также остается на повестке дня. Например, в Литве правящие партии грозят провести расследование о ситуации в сельском хозяйстве с 1991 по 2016 гг. Задача — проверить прозрачность субсидий из ЕС в сельское хозяйство страны⁶.

¹ Estonia. Financial programming and budget [Electronic resource] // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/budget/mycountry/EE/index_en.cfm

² Estonia. Financial programming and budget [Electronic resource] // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/budget/mycountry/EE/index_en.cfm

³ Estonia Economic Outlook. 20.11.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.focus-economics.com/countries/estonia>

⁴ European structural and investment funds in Latvia [Electronic resource] // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/investment-policy/esif-country-factsheet/esi_funds_country_factsheet_lv_en.pdf

⁵ Lithuania. Financial programming and budget [Electronic resource] // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/budget/mycountry/LT/index_en.cfm

⁶ Lithuanian ruling party moves for parliamentary probe into 1991–2016 agriculture situation [Electronic resource] // Baltic Times. 2018-10-22. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142311/>

Прибалтийские страны традиционно рассматривают еврофонды как основного инвестора. Кроме того, они получают финансовую поддержку из ЕС в разы больше, нежели вносят в коммунитарный бюджет. Так, субсидии ЕС превосходят взнос Эстонии в три раза, Латвии — в четыре раза, а Литвы — в семь раз [1, с. 17]. Данное соотношение сохраняется и, более того, правительства Прибалтики стремятся его сохранить в дальнейшем.

Например, с 2014 г. по 2020 г. эстонский бюджет может рассчитывать на сумму 5,89 млрд евро, а внесет в бюджет ЕС 1,4 млрд¹. В целом благодаря трем национальным и региональным программам Латвия получит от ЕС 5,63 млрд евро за период 2014–2020 гг., в то время как внесет в коммунитарный бюджет взнос в размере 1,27 млрд евро². Из региональных фондов Литва получит на период с 2014 г. по 2020 г. 8,4 млрд евро³. При этом взнос Литвы в коммунитарный бюджет составит 1,56 млрд евро⁴.

Сохраняется также существенная зависимость прибалтийских стран от инвестиций, 50–70% которых — это инвестиции из стран ЕС⁵. Однако их инвестиционная активность уже замедлилась, и этот тренд сохранит актуальность на ближайшее время⁶. Интересно, что руководство прибалтийских стран при этом принимает в некотором роде экспансионистские инфраструктурные планы, невзирая на бюджетные проблемы.

По причине политики русофобии, приведшей к отказу от экономического взаимодействия с Россией, у прибалтийских стран не так много возможностей для самостоятельного решения данных проблем. Латвия, Литва и Эстония в их решении предпочитают обращаться за помощью к институтам ЕС. Помощь ЕС в развитии экономик государств региона пока сохраняется, хотя и продолжает сокращаться. Например, исключительно благодаря поддержке ЕС, а конкретно — субсидиям из Европейского социального фонда — за первые 8 месяцев 2018 г. в Латвии были созданы 484 рабочих места; 237 из них были созданы в Латгалии, а 53 — в Риге, в основном в области сельского хозяйства, рыболовства, лесного хозяйства. Рабочие места были ориентированы на трудоустройство безработных, которые длительное время не могли найти работу, а также на лиц старше 55 лет⁷.

Однако, при этом, в Риге с трудом находят средства для обеспечения роста зарплат, так как для этого необходим 1 млрд евро, а расходная часть бюджета Латвии в 2019 г. будет сокращена, как минимум, на 300 млн евро⁸. Кроме того,

¹ Estonia in the European Union [Electronic resource] // Republic of Estonia. Ministry of Foreign Affairs. 13.11. 2015. URL: <http://vm.ee/en/estonia-european-union>; European structural and investment funds in Estonia [Electronic resource] // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/investment-policy/esif-country-factsheet/esi_funds_country_factsheet_ee_en.pdf

² European structural and investment funds in Latvia [Electronic resource] // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/investment-policy/esif-country-factsheet/esi_funds_country_factsheet_lv_en.pdf

³ European funds in Lithuania [Electronic resource]. URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/countries/LT>

⁴ EU structural funds for 2014–2020: Which funds are available [Electronic resource]. URL: <https://ebn.lt/gallery/eu-structural-funds-2014-2020-which-funds-are-available/>

⁵ Latvia. Report 2017 [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/2017-european-semester-country-report-latvia-en.pdf>

⁶ European structural and investment funds. Latvia [Electronic resource]. URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/countries/LV>

⁷ Nearly 500 EU-funded jobs created in 8 months. 2018.09.10. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142033>

⁸ Saeima decides to divide EUR 8.3 million. 2018.09.18. [Electronic resource]. URL: <https://bnn-news.com/saeima-decides-to-divide-eur-8-3-million-of-healthcare-budget-funds-to-finance-reforms-191056>

все доходы свыше 2,5% роста должны пойти на обслуживание государственного долга¹. Поэтому Латвия рассчитывает на дополнительную финансовую поддержку ЕС в размере 232 млн евро на разные проекты до конца этого года².

Литва, как и Латвия, также напрямую обратилась к Европарламенту с просьбой выделить стране 780 млн евро. В данном случае средства пойдут на закрытие Игналинской АЭС³. При этом в Литве не готовы инвестировать свои финансы в инфраструктурные и энергетические проекты, а, наоборот, высказывают недовольство сокращением инвестиций из ЕС на данные задачи — всего 1 млрд евро вместо ожидаемых 6 млрд евро⁴.

При этом изменения в программах финансирования Фонда сплочения и Фонда регионального развития, которые проводит ЕС, главы Прибалтийских государств активно критикуют. Например, Эстония заявила, что не желает увеличения финансирования агентства Фронтекс за счет ликвидации существующих региональных программ⁵. Кроме того, представители государств Прибалтики подписали обращение к Еврокомиссии с просьбой не сокращать расходы на политику сплочения. Например, по словам министра финансов Латвии, уровень жизни в стране составляет 64% от среднего по ЕС, и она по-прежнему нуждается в данных инвестициях⁶.

В настоящее время финансовая поддержка со стороны Брюсселя особенно важна. Важнейшим фактором негативного влияния на социально-экономическое развитие Прибалтики оказывает постепенное сокращение дотаций из бюджета ЕС. В частности, уже сейчас Еврокомиссия объявила о сокращении финансовой поддержки по обеспечению школьников стран-членов качественным питанием на 29,2 млн евро⁷.

Стремление противодействовать сокращению дотаций привело к активизации совместных усилий представителей стран Прибалтики. Например, около 200 фермеров из Прибалтики присоединились к акциям протеста фермеров из Чехии, Словакии и Польши с требованием продолжить прямое субсидирование фермерских хозяйств из Брюсселя⁸.

Прибалтийские государства также согласились объединить усилия в давлении на Брюссель с тем, чтобы получить максимум финансирования на проект Rail Baltica в следующем финансовом периоде с 2021 по 2027 г.⁹. Министр иностранных дел

¹ Many promises will drop out. 2018.09.03. [Electronic resource]. URL: <https://bnn-news.com/many-promises-will-drop-out-latvia-s-budget-to-be-cut-by-eur-300-million-190085>

² Additional funding of EUR 232 million to be allocated for EU projects in 2018. 11.10.2018. [Electronic resource]. URL: <https://bnn-news.com/additional-funding-of-eur-232-million-to-be-allocated-for-eu-projects-in-2018-192499>

³ Chances for Lithuania to get more funding for N-plant closure increasing. 2018.09.26. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142133/>

⁴ Sapoka: Only EUR 1 billion out of EUR 6 billion. How to attract other institutional investors' money? 04.10.2014. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142215/>

⁵ Estonia does not support strengthening Frontex at the expense of existing border guard. 2018.09.26. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142158/>

⁶ Baltic States call on European Commission not to cut cohesion funds after 2020. 2018.09.14. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142058/>

⁷ EC wants to reduce funding for supplies of fruits, vegetables and milk to schools [Electronic resource] // Baltic News Network. November 16, 2018. [Electronic resource]. URL: <https://bnn-news.com/ec-wants-to-reduce-funding-for-supplies-of-fruits-vegetables-and-milk-to-schools-193959>

⁸ Around 200 Baltic farmers demanded fair direct payments in Brussels [Electronic resource] // Baltic Times. 2018-12-20. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142755/>.

⁹ Baltic countries have to achieve higher EU co-financing for Rail Baltica project - Kucinskis // Baltic Times. 2018-12-18. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142717/>

Латвии прямо заявил, что Brexit не может служить оправданием для прекращения прямых субсидий из Брюсселя, ведь без них не могут быть реализованы инфраструктурные проекты¹. В Латвии в связи с сокращением дотаций также разбирались с проблемой ремонта и дорожного строительства. Все это время правительство направляло на развитие дорожной сети страны финансы из Фонда сплочения и Регионального развития ЕС, но данные средства заканчиваются одновременно с окончанием работ по трем дорожным проектам в 2019 г. Поэтому уже с 2020 г. ожидается сокращение финансовой поддержки дорожной инфраструктуры Латвии со стороны ЕС².

Все страны Прибалтики не только протестуют против сокращения субсидий из ЕС, но и прямо требуют увеличения расходов из коммунитарного бюджета на свою аграрную политику, говоря о том, что именно балтийские фермеры находятся в самом сложном положении в ЕС. Но сделать это невозможно в условиях необходимости оплачивать реализацию программ в области миграции и безопасности. Кроме того, двадцатипроцентное сокращение по программам региональной и аграрной политики неизбежно. Таким образом, зависимость экономического роста от субсидий ЕС представляет основную и главную проблему в развитии стран Прибалтики.

Вступление в еврозону Эстонии в 2011 г., Латвии в 2014 г. и Литвы в 2015 г. также выявило целый комплекс проблем: рост инфляции, проблема бюджетного баланса и государственного долга. Например, в Латвии госдолг на конец 2016 г. составил 40% от ВВП³. В Литве госдолг составляет так же, как и у Латвии, 40% от ВВП⁴. Однако в Эстонии уровень госдолга низкий (около 9%), а Латвия и Литва в 2018 г. сокращали госдолг быстрее других государств еврозоны⁵, хотя весь прежний период в Латвии и Литве совокупно внешний и внутренний госдолг по отношению к ВВП рос наибольшими темпами. При этом ВВП всех трех государств равняется 40% от ВВП Финляндии. А Санкт-Петербург, так же как Ленинградская область или, например, Калининград, производит больше продукции, нежели все три республики вместе взятые⁶.

Одновременно с этим по странам Прибалтики ударила инфляция. По данным 2018 г., в Латвии инфляция выше, чем в среднем по ЕС и в еврозоне (2,9%). Наиболее высокий уровень инфляции был зафиксирован в Румынии, Венгрии, Эстонии, Болгарии. В Литве инфляция зафиксирована на уровне 2,4%⁷.

¹ Minister: Brexit cannot be a reason to reduce cohesion volume for next EU multi-year budget [Electronic resource] // Baltic News Network. December 12, 2018. URL: <https://bnn-news.com/minister-brexit-cannot-be-a-reason-to-reduce-cohesion-volume-for-next-eu-multi-year-budget-194997>

² LRB: there are a number of idle plans with a possible goal to acquire EU money and divert attention // Baltic Times. December 17, 2018. [Electronic resource]. URL: <https://bnn-news.com/lrb-there-are-a-number-of-idle-plans-with-a-possible-goal-to-acquire-eu-money-and-divert-attention-195196>

³ Latvia. Report 2017. [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/2017-european-semester-country-report-latvia-en.pdf>

⁴ Lithuania. Report 2017. [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/2017-european-semester-country-report-lithuania-en.pdf>

⁵ Eurostat News Release. 122/2018 — 20 July 2018. [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/9087362/2-20072018-AP-EN.pdf/d9ca7f92-ea01-4a6d-a6d1-f64445be272a>

⁶ Poissonier A. The Baltics: three countries, one economy? [Electronic resource]. Luxembourg, 2017. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/eb024_en.pdf

⁷ Inflation in Latvia was higher than average in EU and Eurozone in November [Electronic resource] // Baltic News Network. December 17, 2018. URL: <https://bnn-news.com/inflation-in-latvia-was-higher-than-average-in-eu-and-eurozone-in-november-195233>

Инфляция сопровождается замедлением роста доходов при росте расходов. Это касается домохозяйств и каждого гражданина. Так, эксперты фиксируют постоянный рост цен на топливо (цена 95-го бензина в Риге достигла 1,325 евро за литр, 1,439 в Таллине и 1,25 в Вильнюсе)¹. Прибалтийские экономисты также говорят о росте цен на электричество и газ в Литве на 15–20%, что приводит к росту цен². Уже к настоящему времени в Литве цена на электроэнергию поднялась на 11%, в Латвии на 10%, на третьем месте Эстония с ростом 9%³. Весь осенний период 2018 г. цена на электроэнергию стабильно росла. Так, в сентябре Литва и Латвия зафиксировали самую высокую среднюю цену на электричество в регионе на уровне 63,7 евро за МВт/ч. При этом в среднем цена на электричество за день в Литве на 5% выше, чем в Швеции. Объяснение этому довольно простое: растет импорт электричества из других стран из-за сокращения числа дешевых гидроэлектростанций и недостаточного роста ветряных электростанций. Конечно, цена на электричество выросла повсеместно в регионе. Например, на 3,6% в Литве и на 3,2% в Латвии⁴.

Также существует проблема платежеспособности населения Прибалтики. Так, именно в Литве был признан самым значительным разрыв в занятости между городским и сельским населением (14%) среди всех государств-членов ЕС⁵. И именно в Литве правительство и профсоюзы не достигли единства в вопросе роста заработных плат⁶.

Еще одной проблемой стало замедление темпов экономического роста после 2007 г. Согласно прогнозам, эта тенденция продолжится в дальнейшем [5]. Средние показатели роста, согласно данным Евростата, у стран Прибалтики невысоки: в Эстонии — 0,7%; в Латвии — 0,6%; в Литве — 1,9%. При этом самый высокий рост ВВП был зафиксирован в 2006 г., а также в 2007 и 2011 гг.⁷. Причина этого заключается в том, что страны Прибалтики остались пространством производства низкотехнологичной продукции, а финансовые и бизнес-услуги составляют незначительный сектор [4].

Негативным фактором экономического развития стран Прибалтики являются и сложности в развитии банковского сектора, важнейшего для экономики инструмента. Ситуация усугубилась, когда в Латвии началась процедура ликвидации банка ABLV, третьего крупнейшего банка в стране⁸. Важно, что лихорадка в банковском секторе мешает экономическому росту в целом.

Еще одной проблемой перераспределения финансовых, производственных, человеческих ресурсов в ходе интеграции стран Прибалтики стал отток населения. При этом демографический фактор оказывает негативное долгосрочное воздействие на экономику стран.

После вступления в ЕС страны Прибалтики покинул каждый пятый житель. Население данных стран начало сокращаться сразу после их выхода из СССР, и этот

¹ Fuel prices continue to rise in Baltic capitals [Electronic resource] // Baltic Times. 2018-10-15. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142270/>

² Electricity, gas prices for Lithuanian households may rise 15–20 pct next year [Electronic resource] // Baltic Times. 2018-11-19. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142510/>

³ Electricity stock market prices up in all Baltic States last week [Electronic resource] // Baltic Times. 2018. <https://bnn-news.com/electricity-stock-market-prices-up-in-all-baltic-states-last-week-193776>

⁴ Lithuania, Latvia last week registered region's highest electricity price. 2018.09.11. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142038/>

⁵ Lithuania has EU's largest gap between urban and rural employment - Eurostat. 2018.09.15. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142065/>

⁶ Lithuania's Tripartite Council fails to reach agreement on minimum wages 2018.09.26. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142160/>

⁷ Eurostat Income distribution statistics. [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Income_distribution_statistics

⁸ <https://bnn-news.com/ablv-bank-successfully-pays-69-of-all-guaranteed-remuneration-amount-192657>; <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142286/>

тренд приобрел высокие темпы после вступления в ЕС. С 1990 г. по 2011 г. население Литвы сократилось с 3,6 млн до 3 млн человек; Латвии — с 2,6 млн до 2 млн, а Эстонии с 1,5 млн до 1,3 млн человек. По всей видимости, в реальности к настоящему времени ситуация стала еще хуже. Причиной сокращения населения следует считать не столько спад рождаемости, сколько именно массовый отъезд наиболее активной части граждан в возрасте от 25 до 45 лет¹.

Все три прибалтийские страны показывают отрицательный демографический рост². Например, в 2016–2017 гг. население Латвии сокращалось на 74 человека каждый день; к началу 2017 г. население Литвы уменьшилось на 39,2 тыс. человек, а ранее оно сокращалось быстрее, чем в какой-либо другой стране ЕС; а эстонцев стало на 309 человек меньше³.

Быстрее всего сокращается население Литвы — на 1,5% в год. Уровень эмиграции из Литвы снизился на 14,2% за 10 месяцев 2018 г. по сравнению с прошлым годом, хотя все равно число эмигрантов превышает число иммигрантов на 4249 человек. Естественный прирост остается отрицательным: за указанный период родилось 24 126 детей, а умерло 33 940 человек⁴.

Этот тренд продолжится, так как по критерию «риск бедности» страны Прибалтики вышли на лидирующие места и располагаются между Грецией и Румынией (более 20% населения). Для данных стран существенной проблемой также остается неравенство в распределении доходов⁵. Согласно прогнозам, по причине быстрого стареющего населения, в течение десяти лет рынок труда балтийских государств сократится, заработная плата уменьшится, а риски для бизнеса, наоборот, возрастут⁶.

Нельзя забывать и о других социальных проблемах. Так, например, Эстония находится на втором месте среди развитых стран по числу летальных исходов в результате передозировки наркотиков⁷.

Все эти негативные сюжеты заставляют экономистов опасаться сжатия экономики стран Прибалтики⁸. Кроме того, согласно рейтингу конкурентоспособности экономик, позиции стран Прибалтики ухудшились. Согласно данным Всемирного экономического форума, Эстония сейчас находится на 32-м месте, Литва на 40-м, Латвия на 42-м месте⁹.

Указанные выше вызовы и тренды в сфере экономики повлияли на споры вокруг обсуждения новых бюджетов на следующий год. В Латвии доходы на 2019 г. были

¹ In the Baltics, Emigration and Demographic Decline [Electronic resource] // Stratfor World View. 2013. URL: <https://www.stratfor.com/analysis/baltics-emigration-and-demographic-decline>

² Estonia in the European Union [Electronic resource] // Republic of Estonia. Ministry of Foreign Affairs. 13. 11. 2015. URL: <http://vm.ee/en/estonia-european-union>

³ McDermott D. Baltic's population continues to shrink and age, Estonia boasts improvement [Electronic resource] // The Baltic Times. 29.06.2017. URL: <https://www.pressreader.com/latvia/the-baltic-times/20170629/281479276430185>

⁴ Liquidators: Versobank deposits will be paid out in full [Electronic resource] // Baltic Times. 2018-08-17. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142470/>

⁵ Eurostat Income distribution statistics. [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Income_distribution_statistics

⁶ Estonia. Report 2017. [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/2017-european-semester-country-report-estonia-en.pdf>

⁷ Estonia ranks second in lethal drug overdoses among wealthy nations [Electronic resource] // Baltic News Network. 2018, November 21. URL: <https://bnn-news.com/estonia-ranks-second-in-lethal-drug-overdoses-among-wealthy-nations-194086>

⁸ Belkin M., Tuul H. Period of rapid growth over [Electronic resource] // Postimees. 15 November, 2018. URL: <https://news.postimees.ee/6455225/period-of-rapid-growth-over>

⁹ Baltic states do slightly worse in Global Competitiveness Report [Electronic resource] // Baltic News Network. October 17, 2018. URL: <https://bnn-news.com/baltic-states-do-slightly-worse-in-global-competitiveness-report-192518>

зафиксированы на уровне 9,178 млрд, на 217 млн больше, чем в 2018 г., а расходы определены на уровне 2,205 млн, на 96 млн больше, чем в этом году¹. В Эстонии также подготовлен проект бюджета на следующий год. Объявлено о росте экономики на 3%, увеличение доходов планируется на 639 млн евро, или на 6,1%² (11,06 млрд евро). Расходы составят 11,31 млрд евро. В Литве после обсуждения нового бюджета депутаты Парламента обвинили правительство в политическом подходе к бюджету. В соответствии с проектом, доходы бюджета должны вырасти на 19,7% или на 1,516 млрд евро, до 10,587 млрд евро, а расходы увеличатся на 22,2% или на 2,121 млрд евро до 11,681 млрд евро. Дефицит госбюджета составит 1,095 млрд евро, т.е. вырастет в 2,2 раза на 605,369 млн евро, в то время как бюджетный дефицит этого года — 489,171 млн евро³. Таким образом, бюджеты стран Прибалтики не решают проблему дефицита.

Стремление стран Прибалтики установить новую зависимость от субсидий ЕС происходит на фоне политики русофобии, когда правительства стран Прибалтики сознательно отказываются от сотрудничества с российскими предприятиями. При этом значение российского рынка для экономического развития стран Прибалтики существенно не только с точки зрения транзитных потоков, прямых российских инвестиций и рынка для сбыта своей сельскохозяйственной продукции. Это важно и в формате взаимодействия рынка ЕС с российским национальным рынком.

Политические императивы экономической политики прибалтийских государств

Именно политика лежит в основе стремления стран Прибалтики разорвать экономические связи с Россией, а конкретные характеристики политической жизни и принятия решений создают сложности в реализации экономических задач. Дело в том, что правительства прибалтийских государств, начиная с 1990-х гг., приступили к выстраиванию государственности на основе принципа этнонационализма, который постоянно поощрял русофобию и продуцировал множество политических и экономических решений, направленных против и России, и русскоязычного населения этих государств, что привело к формированию института «неграждан» в Эстонии и Латвии. Помимо этого, данный подход создал ситуацию, при которой только политически мотивированные решения могли быть приняты, что постепенно привело к сокращению транзита из России и перспектив положительного взаимодействия с Россией. Интересно, что данные страны объясняют свои экономические трудности соседством с Россией. Более того, в отчетах они указывают ослабление российской экономики в качестве причины падения своего ВВП [4]. Здесь также показательно, что, например, глава Совета по экономической конкурентоспособности Латвии уверена, что советское мышление до сих пор остается преобладающим для предпринимателей страны, что мешает им принимать эффективные решения⁴.

¹ Government supports 2019 draft state budget. 16.10.2018. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142272/>.

² Estonian parliament committee starts handling next year's state budget. 09.10.2018. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142241/>; Government distributes €30 million in «protection money». 02.10.2018. URL: <https://news.postimees.ee/6419568/government-distributes-30-million-in-protection-money>

³ Lithuania opposition MP: «The ruling majority muddles through a «foxy» budget». 18.10.2018. [Electronic resource]. URL: <https://bnn-news.com/lithuania-opposition-mp-the-ruling-majority-muddles-through-a-foxy-budget-192626>

⁴ *Sjadite S.* Opinion: minds of high-rank officials still plagued by soviet ideology [Electronic resource] // Baltic News Network. 21 December, 2018. URL: <https://bnn-news.com/opinion-minds-of-high-rank-officials-still-plagued-by-soviet-ideology-195454>

Также политическая практика руководств стран Прибалтики способствовала постоянному укреплению правого фланга партийного спектра, а консервативные движения в данных странах выступают с воззваниями такого рода, которые позволяют их характеризовать как неонацистские. Например, эстонская партия «Союз Отечества и Res Publica», латвийское «Национальное объединение», литовский «Союз народного единства». Нельзя не отметить, что ведущие политические партии в странах Прибалтики неизбежно включались в предложенную игру в русофобию. А русскоязычное население, часть которого вообще не имела права участвовать в выборах, так и не смогло консолидироваться и выступить единым фронтом в борьбе за свои права.

Развитие добрососедских отношений с Россией позволило бы экономикам Прибалтики развиваться в постоянном режиме. И это при том, что вступление данных стран в ЕС было позитивно встречено Россией, которая надеялась, что оно приведет к уничтожению неправового института «неграждан». Однако с течением времени ситуация еще более осложнилась. И если ранее антироссийские позиции представляли именно страны Прибалтики, то впоследствии это же восприятие России проявилось и в Брюсселе. Русофобия повлияла не только на отказ взаимодействия с Россией, но и на появление разных инфраструктурных проектов.

Некоторые грандиозные инфраструктурные проекты презентуются государствами Прибалтики как инструменты противодействия влиянию России, что уже заранее показывает, что эти проекты будут чрезвычайно сложны в реализации, раз мотивированы скорее политическими, нежели экономическими задачами. Именно антироссийская позиция балтийских стран объясняет их запрос на такие крупные проекты, как терминал сжиженного газа, который подавался в качестве инструмента для нивелирования энергетической зависимости от России, также как и формирование общей энергетической системы с Польшей, невзирая на серьезные издержки¹. Очевидно, что выход Прибалтики из системы БРЭЛЛ (энергокольца Белоруссии, России, Эстонии, Латвии и Литвы) несет дополнительные риски и издержки для энергетики стран, хотя, например, латвийские эксперты утверждают обратное². Тем не менее, рост цены на электрификацию железнодорожных сетей в той же Латвии обязательно скажется на ценах транзита и ухудшит конкурентные возможности страны³.

Невзирая на проблему роста стоимости электричества, Литва не только заявляет о выходе из БРЭЛЛ, но и предлагает интенсифицировать энергетическое взаимодействие с США, обращая внимание на то, что ЕС в целом должен более позитивно отнестись к предложениям США в этой области, называя поставки сжиженного газа из США решением энергетических проблем⁴. Решение энергетических задач страны Прибалтики связывают не только с поддержкой США и ЕС, но и с объединением усилий со странами Северной Европы. Так, три прибалтийские страны и Совет министров северных стран начали совместное исследование в области энергетики с бюджетом 2,4 млн евро, рассчитанным на четыре года⁵. Инвестирую-

¹ European structural and investment funds. Lithuania [Electronic resource]. URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/countries/LT>

² Latvian experts see no political risks to Baltic grids' synchronization. 2018.09.18. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142079/>

³ Railway electrification. 2018.09.14. [Electronic resource]. URL: <https://bnn-news.com/baltic-railway-electrification-s-real-price-will-be-at-least-eur-230-million-larger-19077>

⁴ Lithuania needs to make use of US, EU energy. 2018.09.28. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142185/>

⁵ Baltic, Nordic countries to increase energy-related research cooperation. 2018.09.29. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142188/>

вание в цифровую сферу также объясняется прибалтийскими политиками противостоянием России¹.

Антироссийская деятельность стран Прибалтики серьезно ослабила их экономику. Во-первых, они уже потеряли новые источники дохода и огромный российский рынок; и продолжают терять транзит из России. В результате прибалтийские государства несут многомиллионные потери. Например, из-за контрсанкций, введенных Россией, только за 2015 г. Латвия потеряла 200 млн евро. Сокращение транзита грозит сокращением ВВП балтийских стран на 10 и более процентов, одновременно с этим мы говорим о падении экспорта в Россию из стран Прибалтики примерно на 10%². По данным Евростата на 2017 г., в результате российских контрсанкций ЕС потерял около 9 млрд евро. В двадцатке стран, наиболее пострадавших от российских контрсанкций, находятся как раз страны Прибалтики. Так, Литва потеряла 374 млн (6-е место), Эстония — 147 млн евро (16-е место), Латвия — 87 млн (19-е место)³.

Русофобия повлияла на решение правительств стран Прибалтики увеличить собственные расходы на оборону, что является дополнительным бременем для этих государств⁴. Так, в сентябре 2018 г. в парламенте Литвы обсуждался вопрос об увеличении расходов на оборону до 2% ВВП, чтобы соответствовать требованиям НАТО⁵. В своей борьбе против России все три прибалтийских государства согласились еще больше сплотиться в рамках НАТО и тратить на оборону свыше 2% ВВП. В Латвии дополнительно подняли проблему обновления подвижного состава армии⁶. Одновременно Латвия, Литва и Эстония подтвердили необходимость присутствия НАТО в Прибалтике и приветствовали евроатлантические амбиции Грузии и Украины, с которыми готовы активно сотрудничать в этой сфере, для чего также требуется финансирование⁷. Латвийский министр иностранных дел на встрече со своим немецким коллегой сказал, что роль прибалтийских государств будет постоянно расти, подвергнул критике Северный поток-2 и предложил продолжать обороняться против России, усиливая свое присутствие на Балканах, в Грузии и в Молдове⁸.

Эстония, помимо увеличения расходов на оборону, решила еще и увеличить участие в международных военных операциях до 272 человек⁹. Литва также осенью

¹ Estonian minister: Development of nuclear weapons by Russia may affect also Baltics [Electronic resource] // Baltic Times. 2018-10-05. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142220/>

² Из-за разлада отношения с Россией Латвии грозит новый удар [Электронный ресурс] // Южный Федеральный. 26.06.2017. URL: <http://u-f.ru/news/economics/u9/2017/06/26/242604/>; Носович А. В Прибалтике считают убытки от потери транзита [Электронный ресурс] // RUBALTIC.RU. 27.11.2017. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/27112017-v-pribaltike-schitayut-ubytki-ot-poteri-tranzita/>; См. также [2].

³ Потери европейцев от санкций в отношении России и предпринятых ею контрмер [Электронный ресурс] // Спутник 01.07.2017. URL: <https://ru.sputniknewslv.com/infographics/20170701/5206469/samey-bolshie-poteri-sankcii-v-otnoshenii-rossii-kontrmery-germanija.html>

⁴ It is not possible to ensure peace and stability without proper investments — Bergmanis. 2018.09.30. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142191/>

⁵ Lithuania commits to spend 2.5 of GDP on defence. 2018.09. 11. [Electronic resource]. URL: <https://bnn-news.com/lithuania-commits-to-spend-2-5-of-gdp-on-defence-from-2030-190557/>; Lithuanian government asks MPs to allow it to borrow funds for defence spending target. 2018.09.26. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142167/>

⁶ Old, different vehicles are Latvian army's weak spot - Bergmanis. 2018.09.18. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142077/>

⁷ Baltic defense ministers agree to raise defense spending above 2% of GDP. 25.11. 2018. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142542/>

⁸ Due to coordinated position of EU and US, it has been possible to deter Russia from taking further aggressive action in Ukraine - Rinkevics. 2018.09.23. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142104/>

⁹ Estonia prepared to contribute to missions with up to 272 military personnel. 23.11.2018. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142534/>

2018 г. приняла решение отправлять еще больше солдат для участия в различных операциях в течение следующих двух лет — 520 человек в 2019 г. и 670 человек в 2020 г.¹

Подобная тенденция, четко обозначенная в решениях парламентов стран Прибалтики, указывает на изменение приоритетов и переориентацию финансов. Поэтому, хотя страны Прибалтики критикуют ЕС за изменение финансирования политики сплочения и переориентацию данных средств на программы безопасности, сами они приняли аналогичное решение, стремясь во всем противостоять России.

Выводы

Страны Прибалтики начали пересмотр стратегий развития, в большей степени показав приоритетность сотрудничества с НАТО. По этой причине они согласились увеличить выплаты на оборону и нарастить присутствие в воинском контингенте НАТО. Тем более это показательно в условиях постепенного сокращения инвестиций из ЕС по направлениям региональной политики и политики сплочения. При этом комплексные социально-экономические показатели в развитии стран Прибалтики остаются тревожным симптомом для прибалтийских экономик.

Прибалтийские государства в ближайшее время столкнутся с довольно значительным комплексом вопросов и задач, что заставит какую-то часть элиты, с одной стороны, активизировать российский вектор внешней политики, чтобы хотя бы удержать уже значительно ослабший транзитный поток на достигнутом уровне, но, с другой, перенаправит государства в целом на установление еще более тесного взаимодействия с США и НАТО. В данном случае сотрудничество с НАТО позволит получать гарантированный доход и формировать рабочие места, подтверждая сложившийся статус буферной экономики.

Однако русофобия привела к тому, что Россия и российские предприятия отказываются от транзитных услуг Прибалтики, объем инвестиций из России в целом постоянно неуклонно сокращается, при том, что Россия активно реализует собственные программы развития портов. Особенно серьезной эта проблема станет после 2020 г. Кроме того, с учетом того, что некоторые строительные, дорожные и коммуникационные (компьютеризация) проекты не могут быть реализованы полностью, средства, предназначенные по уже одобренным программам, поступят в бюджеты прибалтийских стран уже в меньшем объеме от предусмотренного.

Данные тенденции сокращают экономические и производственные возможности государств, негативно влияют на социальную политику и способствуют уменьшению социальных расходов государства. При этом они оказывают не только краткосрочное, но и долгосрочное воздействие на экономический тренд развития прибалтийских государств, в очередной раз закрепляя их зависимость от субсидий коммунистического бюджета. А с учетом новых общеевропейских проблем, решение которых также требует финансирования из бюджета ЕС, можно говорить о пессимистичных прогнозах экономического развития стран Прибалтики после 2020 г. Очевидно, что это негативно скажется и на внешнеполитической стратегии этих государств в отношении России. Например, страны Прибалтики будут настаивать на активизации политики Восточного партнерства, но предпочтут в большей степени сосредоточиться на консультационной и политической составляющей в осуществлении программ Партнерства.

¹ Parliament allows Lithuania to send more troops to international operations. 07.11.2018. [Electronic resource]. URL: <http://m.baltictimes.com/article/jcms/id/142446/>

Таким образом, мы видим противоречивую картину. С одной стороны, структуры ЕС и правительства прибалтийских государств сообщают о значительных успехах в экономическом развитии, благодаря вступлению этих стран в общий рынок. С другой стороны, достигнутые успехи основываются на значительных субсидиях из коммунитарного бюджета, при том, что сами страны Прибалтики оказались в неравноправном положении, отказавшись от предприятий по производству электроэнергии, а также от наукоемких производств. При этом, не взирая на положительный потенциал торгово-экономического взаимодействия с Россией, страны Прибалтики в лице политического руководства отторгают его и стремятся к так называемой энергетической независимости от России, что влияет на установление негативного тренда социально-экономического развития.

Литература

1. *Межевич Н. М.* Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. М. : РАПИ; Русская книга, 2017.
2. *Смирнов В. А.* Участие стран Прибалтики в политике санкций Евросоюза в отношении России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология, Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 56–61.
3. *Kaplan, Steven N., and Per Stromberg.* 2001. Venture Capitals as Principals: Contracting, Screening, and Monitoring // *American Economic Review*, 91 (2): 426–430.
4. *Poissonier A.* The Baltics: three countries, one economy? [Electronic resource]. Luxembourg, 2017. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/eb024_en.pdf
5. *Staehr K.* Economic Growth and Convergence in the Baltic States: Caught in a Middle Income Trap? [Electronic resource]. Vilnius, 2015. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/events/2015/20150616_vilnius/paper_baltic_states_en.pdf

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Ерёмина Наталья Валерьевна, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Советник президента Российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; nerem78@mail.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), президент Российской ассоциации прибалтийских исследований (РАПИ), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. *Mezhevich N. M.* Problems and prospects of the economic relations of Russia and the Baltic states in the conditions of sanctions regimes. M. : RAPS; Russian book, 2017. (In rus)
2. *Smirnov V. A.* Participation of the Baltic countries in policy of sanctions of the European Union against Russia // *News of the Irkutsk State University. Series: Political science, Religious studies* [Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya, Religiovedenie]. 2017. V. 21. P. 56–61. (In rus)
3. *Kaplan, Steven N., and Per Stromberg.* 2001. Venture Capitals as Principals: Contracting, Screening, and Monitoring // *American Economic Review*, 91 (2): 426–430.
4. *Poissonier A.* The Baltics: three countries, one economy? [Electronic resource]. Luxembourg, 2017. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/eb024_en.pdf
5. *Staehr K.* Economic Growth and Convergence in the Baltic States: Caught in a Middle Income Trap? [Electronic resource]. Vilnius, 2015. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/events/2015/20150616_vilnius/paper_baltic_states_en.pdf

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Natalya V. Eryomina, Associate Professor of the Chair of European Researches of St. Petersburg State University, Adviser to the President of Russian Association of Baltic Studies (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; nerem78@mail.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Problems of Regional Economy of RAS (St. Petersburg, Russian Federation), President of the Russian Association of Baltic Studies, Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Информационный потенциал как решающий фактор в информационном противоборстве государств

Кефели И. Ф. *, Мальмберг С. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; geokefeli@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена информационному противоборству государств в современных условиях. Описаны подходы различных стран к информационному воздействию на внутриполитическую обстановку других государств и меры, предпринимаемые на техническом и законодательном уровне с целью противодействия данной угрозе. Введено понятие «информационный потенциал государства» и описаны его составляющие. Сделан вывод о том, что масштаб информационного противоборства государств напрямую зависит от факторов, коррелирующих с составляющими информационного потенциала государства. Использование введенного понятийного аппарата «информационный потенциал государства» является необходимым условием успешности проведения государственной политики в вопросах информационного противостояния.

Ключевые слова: информационный потенциал, информационное общество, информационная политика, интеллектуальный потенциал, информационное противоборство

Information Capacity as a Decision Factor in Information Confrontation of States

Igor F. Kefeli*, Sergey A. Malmberg

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; geokefeli@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the information confrontation of states in modern conditions. The approaches of various countries to the information impact on the internal political situation of other states and measures taken at the technical and legislative level in order to counter this threat are described. The concept of «information capacity of the state» is introduced and its components are described. It is concluded that the scale of the information confrontation of states depends on factors that correlate with the components of the information capacity of the state. The use of the introduced conceptual apparatus «information capacity of the state» is a necessary condition for the success of the state policy in matters of information confrontation.

Keywords: information capacity, information society, information policy, intellectual capacity, informational confrontation

Введение

Текущий этап развития общества — информационный [14], характеризуется не только широким использованием достижений науки и техники в повседневной жизни и тем психологическим укладом общества, сформировавшимся под влиянием информационных технологий, но и применением информационных технологий и информационного пространства для решения геополитических задач при

противоборстве ведущих мировых акторов. Сущность геополитики на современном этапе¹ можно характеризовать как деятельность акторов по контролю и доминированию в политическом, финансово-экономическом, научном, информационном пространстве посредством использования географического положения государства и его мощи [2; 3]. В настоящее время существенно возрастает роль информационной составляющей геополитики.

Информационное противоборство государств

В современном мире противоборство между ведущими акторами происходит во многих областях, но наиболее активно в последние годы данное соперничество осуществляется в информационной сфере. Как следствие, вопросы обеспечения информационной безопасности стали одними из основополагающих факторов национальной безопасности современного государства [6]. По этой причине в настоящее время широко распространена практика отслеживания государствами деятельности своих граждан в информационном пространстве. Как уже отмечалось ранее [4], в Российской Федерации рядом федеральных законов предусмотрен режим блокировки некоторых интернет-ресурсов, а также предусмотрена необходимость хранения данных и переговоров абонентов сотовой связи. Также подобные законодательные нормы, обеспечивающие правомочность такого нарушения частной жизни граждан, приняты и в других государствах (например, Investigatory Powers Bill в Великобритании и CLOUD Act в США).

Очевидно, что противоборство государств в информационном пространстве не ограничивается введением нормативных и технических мер по контролю внутреннего информационного пространства. Основную роль в информационном противоборстве играет деятельность государства в международном информационном поле. При этом следует уточнить, что под «деятельностью в информационном поле» речь идет не об общепринятых способах распространения информации о точке зрения государства на те или иные события в мире (радио, телевидение, газеты, пресс-релизы и официальные сообщения в сети Интернет), а о средствах целенаправленного информационного воздействия, как правило, применяемых в сети Интернет некоторой организованной группой лиц в интересах определенного мирового актора. Как правило, такая деятельность носит неофициальный характер и проводится, например, неправительственной некоммерческой организацией, источники финансирования которой обычно не всегда прозрачны. С 2006 г. в Великобритании действует Институт государственного управления (Institute for Statecraft), основной целью деятельности которого является совершенствование методов государственного управления и укрепление национальной безопасности Великобритании². Будучи неправительственной организацией, этот Институт в конце 2015 г. запустил проект Integrity Initiative, основной целью которого была обозначена борьба с пропагандой и дезинформацией, в том числе противодействие российскому влиянию³. Антироссийская направленность программы отмечалась многими российскими официальными лицами, в том числе министром иностранных

¹ Баранов Н. А. Ведущие геополитические парадигмы и современная методология геополитики // [Электронный ресурс]. URL: http://nicbar.ru/geoproblemy_lekzia2.htm (дата обращения: 15.12.2018).

² [Электронный ресурс]. The institute for statecraft // Companies House. URL: <https://beta.companieshouse.gov.uk/company/SC312442>; About Institute for Statecraft // The Institute for Statecraft. URL: <https://www.statecraft.org.uk/about-us> (дата обращения: 15.12.2018).

³ [Электронный ресурс]. About Integrity Initiative // Integrity Initiative. URL: <https://www.integrityinitiative.net/index.php/about> (дата обращения: 15.12.2018).

дел Российской Федерации С. В. Лавровым¹. Представители международной группы хакеров-активистов Anonymous регулярно выкладывают в общий доступ информацию о деятельности проекта Integrity Initiative, настаивая на публичном расследовании деятельности Института государственного управления и проекта в частности. Так, в конце 2018 г. и в начале 2019 г. были опубликованы материалы, свидетельствующие об организованной деятельности известных лиц и медийных персон, которые оказывали помощь Правительству Великобритании во вмешательстве во внутренние дела целого ряда государств для поддержания антироссийской риторики в этих странах, а также материалы об анализе действия российских средств массовой информации, действующих за рубежом (Russia Today и Sputnik)².

В настоящее время в некоторых государствах на регулярной основе под эгидой вооруженных сил созданы подразделения, отвечающие за мониторинг средств массовой информации и социальных сетей, проведение психологических операций в социальных сетях. Так в британской армии действует 77-я бригада³. В Российской Федерации существуют Войска информационных операций⁴. В Соединенных Штатах Америки действует Кибернетическое командование США (United States Cyber Command, USCYBERCOM)⁵.

В связи с наличием у ведущих государств постоянно действующих военных формирований, осуществляющих работу в информационном пространстве, очень важным является возможность измерения информационных возможностей государства — информационного потенциала.

Сущность информационного потенциала государства

В экономической теории «потенциал» является одним из базовых понятий, позволяющих определить уровень социально-экономического развития [1]. Данное понятие [5] перешло в экономику из физики, где оно означает величину потенциальной энергии в определенной точке пространства. Использование понятия «информационный потенциал государства» необходимо для оценки эффективности выполнения постановлений Правительства, общих концепций и планов (сформулированных в рамках доктрин и стратегий) при проведении государственной информационной политики, т. е. сущность информационного потенциала государства заключается в возможностях страны в информационном пространстве [9; 10]. Концептуально информационный потенциал можно разделить на следующие составляющие [8]:

- уровень развития информационных технологий;
- объем отечественных информационных продуктов и средств и уровень их применения;
- возможность оперативного доступа к информации из открытых и закрытых источников (в том числе разведывательные данные);

¹ Лавров отметил антироссийскую направленность программы IntegrityInitiative // RT на русском [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/577028-lavrov-integrity-initiative-parizh> (дата обращения: 15.12.2018).

² [Электронный ресурс]. Anonymousblog // Форум CyberGuerrilla. URL: <https://www.cyberguerrilla.org/blog/operation-integrity-initiative-british-informational-war-against-all-part-4/>; Хакеры опубликовали доклады Integrity Initiative о работе Sputnik и RT // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190105/1549042556.html> (дата обращения: 15.12.2018).

³ [Электронный ресурс]. Нероссийское вмешательство: хакеры обнародовали британские инструкции по противодействию Москве // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/world/article/576125-britaniya-trolli-rossiya-razvedka> (дата обращения: 15.12.2018).

⁴ [Электронный ресурс]. В России созданы войска информационных операций // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20170222/1488596879.html> (дата обращения: 15.12.2018).

⁵ [Электронный ресурс]. Mission of USCYBERCOM // USCYBERCOM. URL: <https://www.cybercom.mil/About/Mission-and-Vision/> (дата обращения: 15.12.2018).

- возможность влиять на внешнее информационное поле за счет распространения необходимой информации в мировом информационном пространстве;
- наличие космических информационных технологий;
- уровень обеспечения информационной безопасности.

Рассмотрим данные составляющие более подробно.

1. Уровень развития информационных технологий.

Уровень развития информационных технологий в государстве определяется индексом развития информационно-коммуникационных технологий¹, разработанным Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union, ITU), специализированным подразделением ООН в области информационно-коммуникационных технологий. Данный индекс включает в себя одиннадцать показателей, характеризующих интегрированность телефонной связи, мобильной сотовой связи и интернета в жизнь населения, и состоит из трех субиндексов: субиндекса доступа, субиндекса использования и субиндекса практических навыков, каждый из которых отражает различные аспекты процесса развития информационных технологий.

По данным за 2017 г. Россия занимала 45-е место в рейтинге развития стран в сфере информационных технологий с индексом развития информационно-коммуникационных технологий, равным 7,07².

2. Объем отечественных информационных продуктов и средств и уровень их применения.

К информационным продуктам и средствам относятся:

- ведомственная информация — специализированная информация (экономическая, финансовая, статистическая, научная и т. п.);
- информация для потребительских нужд — информация, содержащаяся в средствах массовой информации;
- информационные системы — автоматизированные средства обработки информации;
- аппаратно-программные средства — средства вычислительной техники, на базе которых возможно использовать информационные системы.

Очевидно, что их качество и объем реализации за счет отечественной материально-технической базы напрямую зависит от уровня образования, уровня квалификации специалистов и, как следствие, технической оснащенности производств и образовательных площадок, т. е. зависит от интеллектуального потенциала государства вообще и от его информационно-технической составляющей в частности [8]. В настоящее время существует несколько основных методик оценки интеллектуального потенциала государства [11]. Первый подход к определению интеллектуального потенциала страны применяется Программой развития ООН при расчете Индекса человеческого развития³. Для его расчета используются следующие исходные данные: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, ожидаемая продолжительность обучения, средняя продолжительность обучения и валовый национальный доход (ВНД) на душу населения (в \$ по паритету покупательской способности). Также сделаны следующие допущения [12; 13; 15]:

- минимально ожидаемая продолжительность жизни составляет 20 лет, макси-

¹ [Электронный ресурс]. The ICT Development Index (IDI): conceptual framework and methodology // International Telecommunication Union. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/misr2017/methodology.aspx> (дата обращения: 15.12.2018).

² [Электронный ресурс]. Measuring the Information Society Report 2017 // International Telecommunication Union. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume 1.pdf (дата обращения: 15.12.2018).

³ [Электронный ресурс]. 2018 Statistical Update // United Nations development programme Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/2018-update> (дата обращения: 15.12.2018).

мально ожидаемая продолжительность жизни составляет 85 лет (реалистичный показатель для многих стран благодаря улучшению условий жизни и достижениям в области медицины);

- ожидаемая продолжительность обучения установлена с рождения (члены современного общества могут существовать без формального образования) до 18 лет;
- средняя продолжительность обучения составляет 15 лет;
- величина валового национального дохода установлена от 100 до 75 000 долл. на душу населения (в настоящее время в Брунее, Лихтенштейне, Катаре и Сингапуре ВНД превышает 75 000 долл. на душу населения).

Для использования разнотипных величин в едином статистическом расчете используется формула линейной нормализации:

$$\tilde{x}_{ik} = \frac{x_{ik} - x_{\min_i}}{x_{\max_i} - x_{\min_i}}.$$

Индекс человеческого развития рассчитывается по формуле¹:

$$\text{ИЧР} = \sqrt[3]{I_{\text{долголет}} I_{\text{обр}} I_{\text{благ}}},$$

где индекс долголетия ($I_{\text{долголет}}$) и индекс образования ($I_{\text{обр}}$) рассчитываются по формуле линейной нормализации, а индекс благосостояния ($I_{\text{благ}}$) по формуле:

$$I_{\text{благ}} = \frac{\ln \text{ВНД} - \ln \text{ВНД}_{\min}}{\ln \text{ВНД}_{\max} - \ln \text{ВНД}_{\min}}.$$

Таким образом, индекс человеческого развития Российской Федерации за 2017 г. составляет 0,816 (49-е место в рейтинге государств).

Второй подход к определению интеллектуального потенциала страны, разработанный В. К. Левашовым (разработка методики измерения интеллектуального потенциала производилась совместно с чл.-корр. РАН М. Н. Руткевичем в рамках гранта РФФИ № 97-06-80255), определяется следующими основными показателями [7]:

- средним уровнем образования населения старше 20 лет (e_1);
- числом студентов вузов на 10 000 человек (e_2);
- уровнем затрат на образование (% от ВВП) (e_3);
- удельным весом занятых в сфере науки и научного обслуживания (% от занятого населения) (s_1);
- расходами на науку из госбюджета и других источников (% от ВВП) (s_2).

На их основе рассчитывается интегральный индекс интеллектуального потенциала страны IP :

$$IP = \frac{EP + SP}{2},$$

$$\text{где } EP = \frac{e_1 + e_2 + e_3}{3}; \quad S = \frac{s_1 + s_2}{2}.$$

¹ [Электронный ресурс]. Technical notes // United Nations development programme Human Development Reports. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2018_technical_notes.pdf (дата обращения: 15.12.2018).

В настоящее время интегральный индекс интеллектуального потенциала России составляет по разным оценкам от 0,5 до 0,76. В то же время *IP* таких стран мира как США, Канада, Япония, Израиль достигает 0,9 [8].

Также неотъемлемой частью интеллектуального потенциала страны, измеряемого в рамках определения ее информационного потенциала, является уровень национального образования в сфере информатизации, связи и инженерии, который наиболее объективно может быть оценен посредством участия национальных учебных заведений в международных образовательных рейтингах, а также уровень цитирования научной литературы. Так, в наиболее престижных мировых рейтингах (500 лучших учебных заведений) в сфере компьютерных наук и инженерии Российская Федерация имеет от одного до 10 представителей¹. А совокупный индекс Хирша российской литературы за 2018 г. в данной сфере составил 115 единиц (36-е место в рейтинге)². Для Российской Федерации интеллектуальный потенциал страны в вопросах увеличения уровня использования российских программных и технических средств на данный момент не дает положительных результатов. Зачастую вместо разработки отечественных систем в сфере информационных технологий «производители», пользуясь лазейками в существующем законодательстве, закупают составные детали продукта за рубежом и собирают готовое изделие на территории России, получая в результате «отечественное» техническое средство. Таким образом, провозглашенная в нашей стране, в том числе в федеральном законодательстве в сфере государственных и муниципальных закупок политика импортозамещения³, в настоящее время в действительности представляет собой «импортоподмену».

1. Возможность оперативного доступа к информации из открытых и закрытых источников (в том числе разведывательные данные).

В современном мире наибольший объем информации содержится в информационно-коммуникационной сети Интернет. Поэтому уровень доступа к информации из открытых источников зависит от количества интернет-пользователей в стране. По числу интернет-пользователей Российская Федерация заняла седьмое место в рейтинге государств с показателем в 109 552 842 пользователей⁴.

Согласно отчету Центральной комиссии по киберпространству Китайской Народной Республики об уровне развития Интернет в различных странах за 2017 г., Россия занимает в нем восемнадцатое место с 30,52 баллов⁵. Гораздо сложнее описать или хотя бы оценить в свободной печати деятельность специализированных государственных служб и ведомств в вопросах добычи информации. Но, как правило, их действия направлены на⁶ добывание и обработку информации, затрагивающей жиз-

¹ [Электронный ресурс]. Shanghai Ranking's Global Ranking of Academic Subjects 2018 — Computer Science & Engineering // Academic ranking of world universities. URL: <http://www.shanghairanking.com/shanghairanking-subject-rankings/computer-science-engineering.html>; Engineering and Technology University Rankings // TopUniversities. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2018/engineering-technology>(дата обращения: 15.12.2018).

² [Электронный ресурс]. Country Rankings // Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?order=h&ord=desc>(дата обращения: 15.12.2018).

³ [Электронный ресурс]. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 15.12.2018).

⁴ [Электронный ресурс]. Top 20 countries with the highest number of internet users // Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm>(дата обращения: 15.12.2018).

⁵ [Электронный ресурс]. Report on World Internet Development 2017 // The Central Cyberspace Affairs Commission. URL: http://www.cac.gov.cn/1122128829_15135790271261n.pdf(дата обращения: 15.12.2018).

⁶ [Электронный ресурс]. Военная разведка // Энциклопедия. URL: http://encyclopaedia.big.ru/enc/science_and_technology/VOENNAYA_RAZVEDKA.html (дата обращения: 15.12.2018).

ненно важные государственные интересы, информации о реальных и потенциальных действиях и намерениях иностранных государств, организаций и лиц.

2. Возможность влиять на внешнее информационное поле за счет распространения необходимой информации в мировом информационном пространстве.

Для современного государства чрезвычайно важным является возможность информирования мировой общественности о собственном взгляде на те или иные мировые политические процессы. Наличие такой возможности при условии достаточного планетарного охвата, т. е. при условии обширности аудитории, крайне усложняет проведение изоляционной и другой ограничивающей политики третьими лицами против данной страны.

Распространение информации в глобальном информационном пространстве с целью защиты национальных интересов является одной из важнейших задач государственной информационной политики России, определенной Концепцией государственной информационной политики Российской Федерации¹.

Аудитория иностранных информационных агентств Российской Федерации RussiaToday и Sputnik составляет около полумиллиарда человек в месяц².

3. Наличие космических информационных технологий.

Информация с систем дистанционного зондирования Земли является неотъемлемой частью информационного потенциала государства, направленной на обеспечение обороноспособности страны, а спутниковые системы связи и геопозиционирования позволяют решать целый спектр задач по управлению транспортными, людскими и иными ресурсами.

В настоящее время только США способны реализовывать космические информационные технологии на более высоком уровне, чем Россия [8]. В той или иной степени космическую деятельность осуществляют Китай, страны Европейского союза, Япония, Индия, Бразилия и некоторые другие.

4. Уровень обеспечения информационной безопасности.

В современных условиях обеспечение информационной безопасности страны (государственные, военные, инфраструктурные объекты; объекты критической информационной инфраструктуры)³ является важнейшим элементом национальной безопасности государства.

Уровень обеспечения информационной безопасности является критически важным показателем с точки зрения обеспечения обороноспособности государства, что весьма затрудняет его оценку в свободной печати. Для этого можно воспользоваться Глобальным индексом кибербезопасности⁴, разработанным Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union). Для его формирования всеми странами-участниками были заполнены анкеты из 157 вопросов, касающихся сферы информационных технологий и защиты информации. Далее эти сведения

¹ [Электронный ресурс]. Информационную политику РФ за рубежом усилят // Newsland. URL: <http://newsland.com/user/4296647989/content/informatsionnuiu-politiku-rf-za-rubezhom-usiliat/4559263> (дата обращения: 15.12.2018).

² [Электронный ресурс]. Около 100 млн зрителей: Еженедельная телеаудитория RT выросла более чем на треть // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3072920/> (дата обращения: 15.12.2018).

³ [Электронный ресурс]. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 15.12.2018).

⁴ [Электронный ресурс]. Global Cybersecurity Index (GCI) 2017 // International Telecommunication Union. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/d-str-gci.01-2017-pdf-e.pdf (дата обращения: 15.12.2018). См. также: Зегжда Д. П., Васильев Ю. С., Полтавцева М. А., Кефели И. Ф., Боровков А. И. Кибербезопасность прогрессивных производственных технологий в эпоху цифровой трансформации // Вопросы кибербезопасности. 2018. №2 (26). С. 2–15 (DOI: 10.21681/2311-3456-2018-2-2-15).

подверглись анализу и проверке по данным из открытых источников. В данном рейтинге за 2017 г. Российская Федерация занимает десятое место с 0,788 баллами.

Обобщая обозначенные выше составляющие информационного потенциала государства, модель его количественного определения может быть представлена как зависимость от следующих элементов:

- ИП (ИРИКТ, ИЧР, ОИТ, РИ, ИСМИ, КТ, ОИБ), где
- ИП — информационный потенциал;
- ИРИКТ — индекс развития информационно-коммуникационных технологий;
- ИЧР — индекс человеческого развития;
- ОИТ — образование в сфере информационных технологий;
- РИ — уровень развития Интернет;
- ИСМИ — СМИ, действующие за рубежом;
- КТ — космические технологии;
- ОИБ — уровень обеспечения информационной безопасности.

Заключение

Информационное противоборство государств характеризуется масштабным информационным потоком, формируемым в информационно-телекоммуникационной сети интернет.

Качество и уровень такого противоборства напрямую зависят от следующих факторов:

- уровень использования и развития сети Интернет в стране;
- уровень образования и научной работы в сфере информационных технологий;
- уровень развития и использования средств вычислительной техники в стране;
- наличие инструментов информационного влияния через средства массовой информации, действующие на иностранную аудиторию.

Данные факторы являются составляющими предложенного и описанного в данной работе понятия «информационный потенциал государства».

Использование данного понятийного аппарата является необходимым условием успешности проведения государственной политики в вопросах информационного противостояния.

Так, например, на данный момент прослеживается комплексное непонимание политических элит Российской Федерации в вопросах информационного противоборства (в части противодействия и нападения). Предлагаемые и применяемые на государственном уровне так называемые «информационные дружины»¹, должны быть заменены профессиональными аналитиками и специализированными инструментами мониторинга и анализа данных.

Формализация и применение понятия «информационный потенциал» специализированными государственными институтами, службами и ведомствами позволит государству занять доминирующее положение в информационном поле, обеспечив, таким образом, благополучный исход информационного противоборства.

Литература

1. *Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К.* Современные механизмы регулирования региональной демографической политики в условиях экономической нестабильности // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 5. С. 433.
2. *Ивашов Л. Г.* Геополитика Русской цивилизации / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2015.

¹ [Электронный ресурс]. Лидер фракции «Единой России» в ЗакСе предложил создать кибердружины // *Фонтанка.ру*. URL: <https://www.fontanka.ru/2018/12/12/053/> (дата обращения: 15.12.2018).

3. Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Евразийский вектор глобальной геополитики. М. : ЮРАЙТ, 2018.
4. Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1. С. 29–39.
5. Колесов С. В. Инновационно-инвестиционный потенциал как экономическая категория и его роль в обеспечении жизнедеятельности предприятия // Научный диалог: экономика и управление. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/2154/discussion_platform (дата обращения: 15.12.2018)
6. Кучерявый М. М., Вовенда Ю. В. Региональная информационная безопасность в рамках евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2016. № 7. С. 19–26.
7. Левашов В. К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 25–36.
8. Левкин И. М. Информационный потенциал России как особый вид ее геополитического потенциала // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. / [сост. и науч. ред.: М. Б. Конашев, Г. А. Мамонтова, Н. Г. Патрушева]; Рос.нац. б-ка, С.-Петерб. фил. Ин-та истории естествознания и техники РАН. СПб. : РНБ, 2017.
9. Мальмберг С. А. Информационный потенциал субъекта Российской Федерации и Ситуационный центр как инструмент управления информационным потенциалом // Информационная безопасность регионов России (ИБРР-2017). Юбилейная X Санкт-Петербургская межрегиональная конференция. СПб., 1–3 ноября 2017 г.: Материалы конференции / СПОИСУ. СПб., 2017. С. 367–369.
10. Мальмберг С. А. Сущность информационного потенциала государства / Сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции Инновации в науке и практике (28 апреля 2018 г., г. Барнаул). В 5 ч. Ч. 5 / Уфа : Дендра, 2018. С. 111–115.
11. Третьякова Т. И. Методологические подходы к оценке интеллектуального потенциала // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: экономические науки. 2014. № 3. С. 106–117.
12. Maddison A. 2010. Historical Statistics of the World Economy. Paris: Organization for Economic Co-operation and Development.
13. Oeppen J., Vaupel J. Broken Limits to Life Expectancy. Science 296, 2002, С. 1029–1031.
14. Page J. R. U. Economics and Politics of Information Technology: Some Trends in its Application to Information for the Professional // IFLA Journal. 1984. N 10. С. 28.
15. Riley J. C. Poverty and Life Expectancy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005.

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; geokefeli@mail.ru

Мальмберг Сергей Александрович, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); smalmberg@mail.ru

References

1. Gatsalova L. B., Parsieva L. K. Modern mechanisms of regulation of regional population policy in the conditions of economic instability // Modern problems of science and education [Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya]. 2013. N 5. P. 433. (In rus)
2. Ivashov L. G. Geopolitics of the Russian civilization / Ex. editor O. A. Platonov. M. : Institute of the Russian civilization, 2015. 800 p. (In rus)
3. Kefeli I. F., Kuznetsov D. I. Eurasian vector of global geopolitics. M. : YuRAYT, 2018. 274 p. (In rus)
4. Kefeli I. F., Malmberg S. A. Information capacity of the state as basis of information sovereignty // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 1. P. 29–39. (In rus)
5. Kolesov S. V. Innovative investment potential as economic category and its role in ensuring activity of the enterprise // Scientific dialogue: economy and management [Nauchnyi dialog: ekonomika i upravlenie]. Cheboksary: Interactive-plus. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/2154/discussion_platform (date of the address: 15.12.2018) (In rus)
6. Kucheryavyy M. M., Vovenda Yu. V. Regional information security within the Eurasian integration // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 7. P. 19–26. (In rus)

7. Levashov V.K. Intellectual potential of society: sociological measurement and forecasting // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2008. N 12. P. 25-36. (In rus)
8. Levkin I.M. Information capacity of Russia as a special type of its geopolitical potential // Censorship in Russia: history and present: collection of articles / [collection and scientific edition: M.B. Konashev, G.A. Mamontova, N.G. Patrusheva]; Russian National Library, SPb branch of the Institute of History of natural sciences and equipment of RAS. St. Petersburg : RNL, 2017. (In rus)
9. Malmberg S.A. Information capacity of the territorial subject of the Russian Federation and Situational center as instrument of management of information potential // Information security of regions of Russia (IBRR-2017). Anniversary X St. Petersburg interregional conference. St. Petersburg, on November 1–3, 2017: Materials of conference / SPOISU. SPb., 2017. P. 367–369. (In rus)
10. Malmberg S.A. Essence of information potential the state / Collection of articles on materials of the VII international scientific and practical conference of the Innovation in science and practice (on April 28, 2018, Barnaul). In 5 parts. Part 5 / Ufa : Dendra, 2018. P. 111–115. (In rus)
11. Tretyakova T.I. Methodological approaches to assessment of intellectual potential // Bulletin of the Samara State Technical University. Series: economic sciences [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser.: ekonomicheskie nauki]. 2014. N 3. P. 106–117. (In rus)
12. Maddison A. 2010. Historical Statistics of the World Economy. Paris : Organization for Economic Co-operation and Development.
13. Oeppen J., Vaupel J. Broken Limits to Life Expectancy. Science 296, 2002, P. 1029–1031.
14. Page J. R. U. Economics and Politics of Information Technology: Some Trends in its Application to Information for the Professional // IFLA Journal. 1984. N 10. P. 28.
15. Riley J. C. Poverty and Life Expectancy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005.

About the authors:

Igor F. Kefeli, Director of the Geopolitical Expertise Center of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; geokefeli@mail.ru

Sergey A. Malmberg, Ggraduate Student of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); smalmberg@mail.ru

Роль института лидерства в формировании политической культуры в условиях суверенитета

Гаффорзода А. С.

Институт государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан; diplomat-ags@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье автор анализирует роль института лидерства в формировании новой политической культуры в условиях суверенитета. Опыт показывает, что институт лидерства имеет большое влияние на ход развития социально-политических процессов в обществе. Кроме того, автор отмечает уровень восприятия новых культурных ценностей, которые зависят от уровня политической культуры самого политического лидера, так как любой лидер выступает отражением той культурной среды, в которой он формировался.

Ключевые слова: политическая культура, политика, общество, лидерство, политическое лидерство, суверенитет, особенности лидерства

Role of Institute of Leadership in Formation of Political Culture in the Conditions of Sovereignty

Abdujabbor S. Gafforzoda

Institute of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; diplomat-ags@mail.ru

ABSTRACT

This article analyzes the role of the institution of leadership in the formation of a new political culture in conditions of sovereignty. It should be noted that experience shows that the institution of leadership has really had a decisive influence on the whole further course of development of social and political processes in society. As a result, an activist type of political culture based on democratic principles emerged and affirmed in society.

The culture of participation as the main element of human culture in general was characterized by rationality, awareness and expediency. At the same time, it is necessary to know that the level of perception of new cultural values depends on the level of political culture of the political leader itself, since any leader is a reflection of the cultural environment in which it was formed.

Keywords: political culture, politics, society, leadership, political leadership, sovereignty, features

Политическая культура представляет собой специфическую форму общественного сознания, особый тип рефлексии на окружающий мир. Особенность этого феномена заключается в том, что в нем аккумулируются содержательные характеристики и отличительные признаки одновременно политики и культуры, проявляется их генетическая взаимосвязь. Культура «включена» в мир политики своими представлениями об идеалах и нравственных эталонах политических отношений. Политика, в свою очередь, определяет содержание и направленность культурного развития общества, условия и возможности пользования ее достижениями. Политика является частью культуры, а политическая культура выступает ее интегральной составляющей [2].

Процесс трансформации и обновления социальных ценностей, который происходит в настоящее время, отличается небывалым динамизмом, кардинальной и скоротечной

сменой социокультурных парадигм. Процесс ломки традиционных ценностей и замены их новыми никогда не происходит безболезненно, сопровождается, как правило, социальными потрясениями и кризисными явлениями. Трансформация политической культуры общества во многом зависит от стиля управления политического лидера.

Утвердившееся в политологии научных концепций обязательное условие лидерства — это обладание властью в конкретных формальных или неформальных организациях самых разных уровней и масштаба — от государства до правительственных учреждений, местного самоуправления или народных и общественных групп и движений. При этом формализованная власть лидера закрепляется законом. Но во всех случаях лидер имеет социальную, психологическую и эмоциональную опору в обществе или в коллективах людей, которые за ним следуют.

Необходимо отметить, что лидерство — это еще и отношение учителя и ученика. Лидер передает своему окружению знания, моральные ценности. Личные достоинства лидера — образец для подражания, предмет уважения. Поэтому нравственный облик лидера привлекает внимание и играет немалую роль в формировании политической культуры общества. Одновременно лидер должен уметь удовлетворять интересы группы, не выходя за пределы прав и гражданских норм и не ставя свое окружение в зависимость от своих благодеяний.

Субъекты управления, политические лидеры, руководители, вожди выступают теми категориями, которые в общности означают людей, занимающих управленческие позиции в обществе и направляющие группы людей и народные массы на достижение определенных целей. От их позиций, политической воли, целеустремленности и умения прогнозировать зависит дальнейший ход событий и явлений. Политические лидеры это, прежде всего, исторические лица, творящие историю своих народов и государств. Исходя из этого, следует отметить, что именно они выступают архитекторами поведения личностей в обществе. Проповедуемые ими нормы, ценности и идеи постепенно овладевают человеческими массами и становятся примером поведения жизни в социуме.

Человеческое общество, как сообщество разумных существ, во все периоды своего существования регулировало поведение своих членов определенными нормами и ценностями, благодаря которым оно отличалось от других сообществ в природе. Как социальная общность человечество приобретает свое истинное назначение лишь тогда, когда взаимоотношения между его субъектами имеют рациональный характер. Именно поэтому наличие норм поведения и ценностей, на основе которых формировались социальные взаимоотношения людей, имеют важное значение в структурировании социальности самого человека. Вместе с тем реализация этих норм и ценностей всегда была институционализирована. Их институционализация происходила при помощи как государственных, так и общественных институтов. Однако во всем этом процессе ясным вопросом выступает наличие субъекта управления, который способен удовлетворить потребность общества в осознании и реализации данных норм и ценностей. Постепенно эти нормы и ценности, которые олицетворяли в себе социальные потребности, цели, идеи материального и духовного характера, систематизируя, формировались как особое явление общества — культура. Она как многогранное явление проникает во все сферы нашей жизни, начиная от простых человеческих отношений между людьми, кончая политическими отношениями в обществе. Культура везде олицетворяется как тип поведения и видение мира, который в ее рамках все отношения приобретают цивилизованный характер. Особая значимость культурных отношений отмечается в политике, которая должна сохранить себя не как «грязное дело», а как «искусство возможного». Ее проводником в обществе выступают сильные личности, способные влиять на волю и поведение людей. Исходя из этого, бесспорным является тот факт, что «если свести политику к ее

костяку, к тому, что наиболее видимо для граждан, то таким костяком окажутся общенациональные политические лидеры... Они — самые признаваемые, самые универсальные, вызывающие всеобщий интерес элементы политической культуры» [1]. Исходя из этого, позиция лидера по жизненно важным вопросам в обществе выступает определяющей.

Новейшая история таджикского народа, исторические и политические перемены, прожитые за последние два десятилетия, свидетельствуют о том, что на пути формирования новой самостоятельной государственности существовало множество факторов, которые определили ход социально-экономического и политического развития суверенного государства. Среди всех этих факторов особое внимание следует обратить на человеческий фактор, который по своей сути выступает основой для развития всего общества. С этой точки зрения, социально-политическая история таджикского народа показывает, что в период суверенитета наше общество подвергалось серьезным испытаниям. Существовавшая тогда в обществе подданическая политическая культура не позволяла личностям занимать активную политическую позицию. В результате оказалась марионеткой в руках больших игроков. Поведение участников политических процессов имело агрессивный, демонстративный и неуправляемый характер [6, с. 85].

Конфликтный тип поведения, с присущими ему качествами, такими как агрессивность и раздражительность, не давал сторонам возможности изучать друг друга и стал основой для формирования искаженных представлений сторон друг о друге. На этой почве формировались такие типы поведения, как демонстративность, агрессивность, отсутствие толерантности, непризнание и неуважение позиций друг друга. Все это свидетельствовало о разрушении системы ценностей в обществе. В определенном смысле оно имело и объективный характер, который был связан с развалом Советского Союза. Данное историческое событие изменило политический облик всего мира, а влияние на ценностную систему общества было естественным явлением. Существовавшая более 70 лет идеологическая система была разрушена, и традиционный тип политического поведения, который характеризовался стереотипами мышления и шаблонными действиями, не был эффективен в новых условиях. Выжившие ценностные ориентиры больше не отвечали требованиям нового времени. Дух демократии, плюрализма и многопартийности в сути своей противоречил взглядам и позициям основной массы людей, а представления относительно новой социально-политической ситуации воспринимались обществом не одинаково. Демократия в общем представлении выступала не как народовластие, а, скорее, как анархия. В результате идеологической среде были присущи такие особенности, как хаотичное овладение массовым сознанием еще до конца не признанных обществом ценностей, отсутствие рационального отношения к новым ценностным позициям, неопределенность направления развития массового сознания, наличие апатии к политическим процессам и недоверие к властям.

Все это свидетельствовало о том, что общество нуждается в систематизации новых ценностей, отражающих особенности очередного этапа развития. А их восприятие, в свою очередь, имело некоторые трудности. Следует учитывать, что способность общества к восприятию новых ценностей зависит от ряда факторов, таких как:

- особенности социальной среды, в которой происходит формирование новых общественных норм, трансформация имеющихся ценностей и на этой основе изменение общественного и политического сознания граждан;
- уровень восприятия новых ценностных позиций, их осознания и освоения общественным сознанием;
- постепенная активизация институтов гражданского общества, способствующая формированию гражданской позиции по вопросам политического участия, определяющая тип их политического поведения;

- формирование рационального типа поведения участников политического процесса, позволяющего осознанно воспринимать новую систему ценностей, отражающего социально-политическую реальность.

Следует отметить, что для реализации всего этого нужна была сильная лидерская рука и управляющая позиция, способная интегрировать все общество. Определяющим среди всех этих факторов выступало именно формирование нового института лидерства, который стал основой для возникновения новых социально-политических отношений в обществе, новой системы ценностей, нового типа мировоззрений и политической культуры. Именно данный институт постепенно сформировал такой тип поведения, который опирался на взаимное уважение интересов и позиций сторон, толерантное отношение к имеющимся противоречиям и разногласиям, изменению ценностных позиций участников гражданского противостояния.

Характерной особенностью данного института, — как отмечает таджикский политолог М. У. Хидирзода, — под руководством Лидера нации является тот факт, что она отказалась от прежде существовавших политических норм и ценностей, как пережившее свое время и не отвечающее требованиям нового периода развития. Именно поэтому формировался новый взгляд на решение очень сложной политической проблемы — гражданской войны в Таджикистане [6, с. 87–88].

Мирный процесс в Таджикистане, который завершился подписанием Общего соглашения о мире и национальном согласии 27 июня 1997 г., положил начало формированию новой политической культуры — культуры участия, основанной на гражданской активности, вовлеченности и рациональности, позволяющим различным группам сосуществовать в рамках одной политической системы, сохранять целостность таджикского общества [8, с. 68–69]. Культура участия как основной элемент вообще культуры человека характеризовалась рациональностью, осознанностью и целесообразностью. Вместе с тем необходимо знать, что уровень восприятия новых культурных ценностей зависит от уровня политической культуры самого политического лидера, так как любой лидер выступает отражением той культурной среды, в которой он формировался. «Иногда говорится, что лидеры — это пленники той среды, в которой они могут сделать то, что среда позволяет им сделать. Даже если данная точка зрения преувеличена, трудно против нее возразить, во всяком случае, без тщательного анализа, как природы среды, так и характера действий лидеров» [1, с. 5]. Однако следует учитывать и тот факт, что история является результатом деятельности отдельных личностей, которые способны изменить ход исторических процессов. Исходя из этого, трудно согласиться полностью с данным суждением. «Соглашаясь в данный момент с тем, что лидеры могут оказать влияние на среду, мы видимо справедливо можем утверждать, что это влияние есть результат как личностных истоков их действий, так и методов осуществления последних» [там же]. Относительно этого вопроса можно отметить, что новый институт лидерства в Таджикистане опирался на демократические принципы руководства, признавая народ в качестве источника власти.

Роль института лидерства в формировании новой политической культуры в условиях суверенитета заключается в том, что личные ценностные позиции политического лидера способствовали формированию новых ценностных позиций общества. Например, толерантное отношение лидера к политическим оппонентам при разрешении межтаджикского конфликта способствовало изменению взгляда ответственности на вещи, которые ранее оказались невозможными. Исходя из этого, «формирование толерантности выступает основным показателем новой политической культуры в условиях существования противоречий: наличие этой культуры позволяет изменить свои взгляды на своего оппонента, что произошло в Таджикистане постепенно на протяжении мирного процесса» [8, с. 68].

На фоне осознания и правильной ценностной ориентации общества формировался активистский тип политической культуры, опирающийся на активную позицию личности, ее непосредственного участия в политических процессах. Иными словами, активная личность — это достояние той среды, которая влияет на нее в ее становлении. Согласно Н. П. Дубинину, «становление индивида осуществляется под определяющим воздействием социальной, а не генетической программы. Человек обретает свою сущность, впитывая в себя социальные отношения, пропуская через себя, активно участвуя в них» [3, с. 67]. Именно такая особенность была своевременно осознана политическим лидером. Усилия института лидерства были направлены именно на активизацию позиции личности, повышение ее политической сознательности и политической культуры. После избрания Председателем Верховного Совета Республики Э. Рахмонов обратился к народу со словами: «Дорогие братья и сестры, уважаемые соратники. Я обращаюсь к вам в тяжелые времена для нашей Родины. Я верю в вас, в вашу великую мудрость, освещенную веками»¹. Данное политическое заявление свидетельствует о том, что политический лидер в своей политической программе, направленной на формирование основ народовластия и укрепление демократических ценностей, опирался, прежде всего, на народные силы и народную мудрость, что повысило уровень социального доверия новоизбранному лидеру. Проведенный всенародный референдум по принятию Конституции и выборы Президента страны в условиях продолжающегося гражданского противостояния свидетельствуют о том, что новоизбранный Председатель Верховного Совета верит в народную волю и старается, чтобы народ тоже поверил в свои силы, несмотря ни на какие трудности. Таким образом, постепенно формировалась социальная среда, позволяющая личности осознать свою политическую и социальную значимость для общества, тем самым способствовать активизации ее позиций.

Активистский тип политической культуры в условиях постконфликтного общества позволяет устранить сложившуюся апатию и безразличие по отношению к политической власти. Активная личностная позиция, выражавшаяся в активном участии народных масс на восстановление разрушенной экономики и сельского хозяйства, в то же самое время была свидетельством повышения уровня политической сознательности. Известно, что именно высокий уровень политической сознательности в определенном смысле регулирует поведение личности во взаимоотношениях с обществом.

Личное участие политического лидера на переговорном процессе, его заинтересованность в скорейшем мирном решении конфликта, стремление собрать народ воедино, направить его деятельность на созидательное русло, его политическая гибкость в принятии особо важных политических решений и отказ власти от силы в решении спорных вопросов выступали показателями совершенно нового типа мировоззрения, позволяющего иначе смотреть на вещи. Все это представляло собой новую систему ценностей, новый тип поведения и культуры, опирающийся именно на рациональность, толерантность и миролюбие. Это была новая политическая культура — культура мира, позволяющая найти новые нестандартные решения политических конфликтов. Таким образом, постепенно оформилась система ценностей, опирающаяся на демократический тип политической культуры, основу которого составляло признание права народа как источника власти, в последующем нашедшее свое отражение в Конституции страны.

Культура мира как новый тип политической культуры, конечно же, опирается именно на систематизированную формулу ценностей, идей, норм и позиций, которые можно условно назвать идеологией мира, имеющей свои политические

¹ Хасанов К. Арбоб-92: как это было [Электронный ресурс]. URL: <http://www.toptj.com./2007/11/14> (дата обращения: 29.01.2019).

и социальные аспекты. В своем политическом аспекте идеология мира обосновывала необходимость мирного разрешения междоусобицы, которая представляла целостную идею урегулирования внутреннего конфликта путем компромисса, уступок и диалога. В своем социальном аспекте идеология мира представляла собой принцип построения общества, свободного от войн и насилий [7, с. 138–139]. Относительно данного явления позиция политического лидера также была устойчивой. По данному поводу Президент страны отметил, что «мы решительно и всесторонне изменяем общество в сторону построения демократического государства, если даже хорошие результаты достигаются не сразу, а с течением времени, однако здесь для нас важнейшей ценностью является мир» [9, с. 24–25]. Устойчивая позиция политического лидера по данному вопросу была решающим фактором в формировании новой политической культуры, которого по своим ценностным ориентациям можно с уверенностью назвать демократическим. По этому поводу таджикский политолог А. Н. Махмадов отмечает, что «осуществление комплекса способов регулирования политических конфликтов во многом зависит от природы политической культуры, свойственной тому или иному обществу. Следовательно, их эффективность достигается только в случаях определенной политической культуры, которых определяет основы «правила игры» политических игроков в политическом пространстве» [4, с. 149]. Данный вывод еще раз утверждает, что мирное решение конфликта в Таджикистане было результатом сформировавшейся политической культуры, у истоков которой стоял Лидер нации. А. Н. Махмадов и Л. Л. Хоперская по этому поводу справедливо отмечают, что «ценностная основа государственной идеологии — мир и национальное единство — были изначально заложены в его (имеется в виду Президент страны) политической программе и последовательно осуществлялись и продолжают ныне осуществляться с использованием различных политических инструментов» [5, с. 12–13]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что формирование такой системы ценностей, как мир, согласие, консенсус, компромисс, толерантность, уважение политического соперника выступали признаком изменения культурной среды в обществе. Формирование, упрочение и постепенное освоение этих ценностей выступали не только культурным, но и политическим достижением всего общества, в котором решающая роль принадлежала Основателю мира и национального согласия — Лидеру нации, Президенту страны, уважаемому Эмомали Рахмону.

Таким образом, анализируя роль института лидерства в формировании новой политической культуры в условиях суверенитета, следует отметить, что данный институт действительно имел решающее влияние на весь дальнейший ход развития социально-политических процессов в обществе. В результате оформился и утвердился в обществе активистский тип политической культуры, опирающийся на демократические принципы. Ценности и нормы, проповедуемые в рамках данной культуры, соответствуют не только нашему представлению об обеспечении народолюбия, но и общечеловеческим норм, в рамках которых строятся взаимоотношения на демократических принципах. Вместе с тем активная личностная позиция политического лидера, его взгляды и подходы к решению проблем постепенно стали примером гражданской активности и ответственности в обществе. Все это подтверждает сильную волю лидера к обеспечению достойной жизни своего народа.

Литература

1. Блондель Ж. Политическое лидерство. М., 1992. 135 с.
2. Денисов В. В. Политическая культура: теория и практика // Философия и общество. 2006. № 1. С. 19–31.

3. Дубинин Н. П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 62–74.
4. Махмадов А. Н. Риторика и политическая полемика. Душанбе, 2015. 192 с.
5. Махмадов А. Н., Хоперская Л. Л. Национальное примирение: перспективы развития суверенного таджикского государства. Душанбе, 2017. 168 с.
6. Хидирзода М. У. Лидерство и управление социально-политическими процессами. Душанбе, 2018. 168 с.
7. Хидирова М. У. Институт лидерства в контексте трансформационного общества. Душанбе, 2009. 170 с.
8. Хидирова М. У. Политическое поведение и его особенности. Душанбе, 2007. 139 с.
9. Раъмонов Э. Ш. Тољикон ӯамеша ва имрӯз (Таджики всегда и сегодня). Душанбе, 1997.

Об авторе

Гаффорзода Абдуджаббор Саттор, начальник отдела кадров и специальных работ Института государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, соискатель Таджикского государственного педагогического Университета имени Садриддина Айни (Душанбе, Республика Таджикистан); diplomat-ags@mail.ru

References

1. Blondel J. Political Leadership. M., 1992. 135 p. (In rus)
2. Denisov V. V. Political culture: theory and practice // Philosophy and society [Filosofiya i obshchestvo]. 2006. N 1. P. 19–31. (In rus)
3. Dubinin N. P. Inheritance biological and social // Communist [Kommunist]. 1980. N 11. P. 62–74. (In rus)
4. Makhmadov A. N. Rhetoric and political polemic. Dushanbe, 2015. 192 p. (In rus)
5. Makhmadov A. N., Khopyorskaya L. L. National reconciliation: prospects of development of the sovereign Tajik state. Dushanbe, 2017. 168 p. (In rus)
6. Hidirzoda M. U. Leadership and management of socio-political processes. Dushanbe, 2018. 168 p. (In rus)
7. Hidirova M. U. Institute of leadership in the context of transformational society. Dushanbe, 2009. 170 p. (In rus)
8. Hidirova M. U. Political behavior and its features. Dushanbe, 2007. 139 p. (In rus)
9. Ranmonov E. Sh. Tajiks always and today. Dushanbe, 1997. (In Uzb)

About the author:

Abdujabbor S. Gafforzoda, Head of Human Resource and Special Affairs Department of the Institute of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan, Researcher of Tajik State Pedagogical University named after Sadrididdin Aini (Dushanbe, Republic of Tajikistan); diplomat-ags@mail.ru

Система инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России

Исаев А. П.^{*}, Васильева Т. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *isaev-ap@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Предпринимательство на рынке мобильной коммерции предоставляет возможность поиска новых возможностей для компаний в мобильной среде. С учетом инновационного характера предпринимательства на рынке мобильной коммерции необходимо формирование системы инфраструктурного обеспечения, основными задачами которой становятся: активизация бизнес-процессов в системе мобильной коммерции путем создания необходимых условий и превращение предпринимательской деятельности в данной области в реальный фактор роста экономики путем адаптации экономики к прогрессивным технологиям. В статье рассматривается система инфраструктурного обеспечения предпринимательства на рынке мобильной коммерции как комплекс институциональных образований, обеспечивающих условия реализации процессов организации и управления развитием предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России. Инфраструктурное обеспечение малого предпринимательства на рынке мобильной коммерции представляет собой совокупность условий, институтов и механизмов, обеспечивающих устойчивое развитие и конкурентоспособность интернет-компаний.

Ключевые слова: мобильная коммерция, инфраструктура, материальная инфраструктура, инфраструктура обслуживания, коммуникационная инфраструктура, финансовая инфраструктура

The System of Infrastructure Ensuring Business Activity in the Market of Mobile Commerce of Russia

Alexey P. Isaev^{*}, Tatyana V. Vasilyeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *isaev-ap@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

Entrepreneurship in the mobile commerce market provides the opportunity to search for new opportunities for companies in the mobile environment. Taking into account the innovative nature of entrepreneurship in the mobile commerce market, it is necessary to form an infrastructure support system, the main tasks of which are: activating business processes in the mobile commerce system by creating the necessary conditions and turning business activities in this area into a real factor of economic growth by adapting the economy to advanced technologies. The article discusses the system of infrastructure support for entrepreneurship in the mobile commerce market as a complex of institutional entities that provide the conditions for implementing the processes of organizing and managing the development of entrepreneurial activities in the mobile commerce market in Russia. Thus, the infrastructure support of small business in the mobile commerce market is a combination of conditions, institutions and mechanisms that ensure the sustainable development and competitiveness of Internet companies in the Internet environment.

Keywords: mobile commerce, infrastructure, material infrastructure, service infrastructure, communication infrastructure, financial infrastructure

Термин «инфраструктура» (англ. infrastructure) появился в экономической литературе в конце 1940-х годов, а в русскую литературу термин пришел из европейских языков [6]. Термин «инфраструктура» в английском языке появился примерно в 1925–

1930-х годах и нашел применение в военной сфере для обозначения комплекса сооружений, обеспечивающих действие вооруженных сил. В англоязычную литературу термин «инфраструктура» пришел из французского языка, где появился в 1875 г. и первоначально использовался в области проектирования дорог для обозначения насыпи.

Термин «инфраструктура» образован из латинских слов *infra* (ниже, под) и *structura* (строение, расположение). «Инфраструктура» как экономическая категория анализируется многими современными экономистами. К. Р. Макконелл и С. Л. Брю рассматривают инфраструктуру как «капитальные сооружения, использование которых гражданами и фирмами обычно обеспечивается государством (автомагистрали, мосты, городские транспортные системы, водоочистительные сооружения, муниципальные системы водоснабжения, аэропорты)» [7, с. 11]. Авторы отмечают особую роль государства в развитии инфраструктурных отраслей: «Санитарно-гигиенические и основные медицинские программы, образование, орошение и сохранение земель, сооружение дорог и прочих коммуникационных систем — все эти, по сути, нерыночные товары и услуги приносят обществу огромные дополнительные выгоды. Только государство способно обеспечить производство таких товаров и услуг в достаточном количестве». Д. И. Кокурзин и К. Н. Назин [6] в состав инфраструктуры включают электро-, газо- и водоснабжение, транспорт и связь, образование, здравоохранение и социальные услуги.

Исследование инфраструктуры может осуществляться на различных народнохозяйственных уровнях: на макро-, микро-, мезоуровнях. При исследовании на макроуровне основной выступает установка на анализ общих пропорций развития общества. Инфраструктура на данном уровне может включать в себя «комплекс отраслей общего пользования производственной и непроизводственной сфер» [6], «вспомогательные, обслуживающие отрасли общего пользования». На микроуровне инфраструктуру определяют как «комплекс инженерно-технических сооружений и объектов, предприятий, обеспечивающих необходимые материально-технические условия для размещения и успешного функционирования предприятий промышленного и сельскохозяйственного производства, размещения и нормальной жизни населения, управления народным хозяйством района, страны» [10, с. 116].

Мобильную коммерцию авторы статьи рассматривают как коммерческие операции, осуществляемые с использованием мобильных электронных устройств [2]. Предпринимательство в сфере мобильной коммерции обладает всеми традиционными чертами предпринимательской деятельности: постоянный поиск новых возможностей, ориентация на инновации, способность предпринимателя брать на себя риск и нести материальную, нравственную и социальную ответственность. Организация системы развитого инфраструктурного обеспечения всей предпринимательской деятельности в сфере мобильной коммерции позволит осуществить адаптацию экономических процессов к прогрессивным технологиям, а также к активному взаимодействию всех экономических субъектов на рынке мобильной коммерции.

С учетом инновационного характера предпринимательства в сфере мобильной коммерции необходимо формирование системы инфраструктурного обеспечения, основными задачами которой становятся: активизация бизнес-процессов в системе мобильной коммерции путем создания необходимых условий, превращение предпринимательской деятельности в данной области в реальный фактор роста экономики путем адаптации экономики к прогрессивным технологиям, а также активному взаимодействию.

В российском законодательстве понятие «инновационная инфраструктура» определено как «совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических,

финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг»¹. Наиболее полным можно отметить определение инновационной инфраструктуры, предложенное Н. Н. Николаевой [9] и поддерживаемое рядом исследователей [1], согласно которому инновационная инфраструктура определяется как «комплекс организационно-экономических институтов, непосредственно обеспечивающих условия реализации инновационных процессов хозяйствующими субъектами (в том числе и специализированными инновационными организациями) на основе принципов экономической эффективности как национальной экономики в целом, так и ее экономических субъектов в условиях конъюнктурных колебаний рынка».

Рассмотрим подходы к классификации инновационной инфраструктуры.

И. Дежина в своем исследовании малого наукоемкого бизнеса выделяет пять видов инновационной инфраструктуры [4]: информационная, экспертно-консалтинговая, финансовая, производственно-технологическая (или материальная) и кадровая. Приведенная классификация отражает широкий спектр организаций и информационных потоков, является достаточно полной и понятной, заслуживает внимания.

Некоторые исследователи не считают необходимым производить множественное дробление направлений инфраструктуры и выделяют две крупные структурные единицы инфраструктуры: информационная инфраструктура и инфраструктура организационной поддержки, что отмечено в исследованиях С. А. Пардасян, В. К. Потемкина [8]. Информационная инфраструктура охватывает консультативные фирмы, компании патентования, независимой экспертизы, предоставляющие информацию и помогающие начинающим проектам, а также включает в себя биржи образцов новой техники, центры показов передовых технологий. Второе направление инновационной инфраструктуры в данной классификации — это инфраструктура организационной поддержки, главная задача которой — сопровождать инновационный процесс консультационной помощью по менеджменту, маркетингу, налогообложению и иным актуальным текущим вопросам.

Данная классификация интересна своей компактностью и положена авторами в основу формирования системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции. Авторы рассматривают систему инфраструктурного обеспечения предпринимательства на рынке мобильной коммерции как комплекс организационно-экономических институтов, обеспечивающих условия реализации процессов организации, управления и развития предпринимательской деятельности в сфере мобильной коммерции России. Более наглядно система инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции представлена на рис. 1 [3]. Понятие «инфраструктура мобильной коммерции» включает в себя совокупность организаций, способствующих реализации инициатив субъектов мобильной коммерции, включая предоставление материально-технических, финансовых, коммуникационных и услуг обслуживания.

Эффективному развитию малого предпринимательства на рынке мобильной коммерции России должно способствовать формирование соответствующего инфраструктурного обеспечения, выступающего составной частью общей инфраструктуры предпринимательства. Инфраструктурное обеспечение малого предпринимательства на рынке мобильной коммерции представляет собой совокупность условий, институтов и механизмов, обеспечивающих устойчивое развитие и конкурентоспособность интернет-компаний [3; 5]. Инфраструктурное обеспечение малого предпринимательства на рынке мобильной коммерции включает в себя следующие элементы: интернет-

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 02.11.2013). «О науке и государственной научно-технической политике».

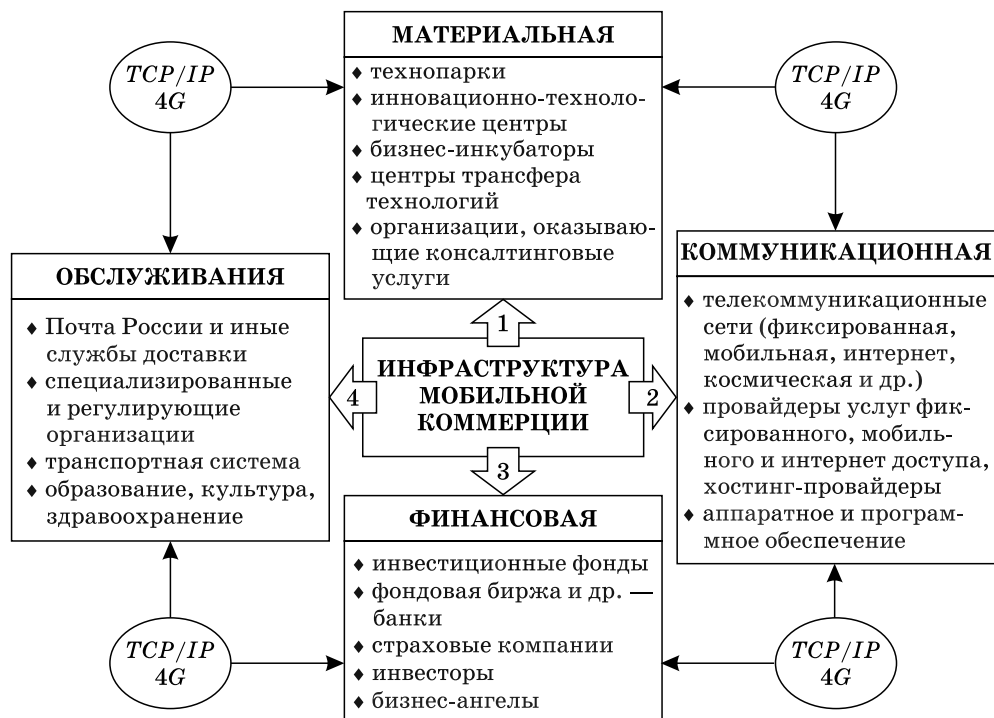

Рис. 1. Инфраструктура рынка мобильной коммерции
Fig. 1. Infrastructure of the mobile commerce market

среду функционирования малых предприятий; специализированные институциональные структуры, оказывающие информационные, транспортные, коммуникационные и финансовые услуги; механизмы взаимодействия предпринимателей с государственными структурами, высшими учебными заведениями, а также между собой.

Рассмотрим особенности каждого направления системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России.

1. Материальная инфраструктура (или производственно-техническая). Данное направление включает технопарки, инновационные центры, бизнес-акселераторы, бизнес-инкубаторы, лабораторные и технические центры, многофункциональные комплексы, венчурные фонды и т. п. По итогам 2016 г. количество действующих и создаваемых технологических площадок в 40 субъектах Российской Федерации составляет 107¹. История создания технопарков в России началась при экс-министре связи Леониде Реймане, в 2005 г. В 2010 г. начал функционировать первый в России технопарк, построенный в Санкт-Петербурге полностью за счет средств финской компании «Technopolis», управляющей сетью технопарков в Скандинавии, площадь первой очереди объекта составляла около 23 тыс. м². В петербургском технопарке компании Technopolis разместился крупный центр разработки программного обеспечения международной компании Exigen Service, которая специализируется на разработке заказного программного обеспечения.

¹ Технопарки и технополисы России [Электронный ресурс]. URL: <http://moneymakerfactory.ru/spravochnik/tehnoparki-rossii> (дата обращения: 19.08.2018).

В начале 2011 г. российская «Национальная ассоциация бизнес-ангелов» (НАБА) вступила в Европейскую ассоциацию бизнес-ангелов. Это позволит НАБА использовать ресурсы европейской ассоциации при реализации различных российских мероприятий и проектов, а также участвовать в международных мероприятиях.

2. Коммуникационная инфраструктура. Инфраструктуру коммуникационную образуют фиксированная, мобильная, беспроводная, интернет, космическая и другие возможные сети; аппаратное и программное обеспечение, а также провайдеры услуг фиксированного и мобильного доступа; деятельность интернет- и хостинг-провайдеров.

Средние показатели работы базовых станций (БС) для Москвы, Санкт-Петербурга и страны в целом представлены в табл. 1. Самые загруженные базовые станции Санкт-Петербурга работают в Московском регионе — 25,6 тыс. базовых станций обслуживают 45,5 млн абонентов по всем сотовым операторам¹. Это дает базовый показатель KPI BTS/1000 subs на уровне 0,562, на одну базовую станцию приходится 1779 абонентов. В 2011 г. ситуация была значительно хуже (0,438), на улучшение оказало влияние строительство базовых станций «большой тройкой» — за год общее число БС в Московском регионе выросло на 35,7%. В Санкт-Петербурге 16,5 млн абонентов обслуживают около 13 тыс. базовых станций всех сотовых операторов. Таким образом, показатель KPI BTS/1000 subs составляет 0,793, одна базовая станция обслуживает 1261 абонента, т. е. KPI выше примерно в полтора раза, чем в Москве. Средний KPI BTS/1000 subs по России составляет примерно 0,731 (261,88 млн абонентских устройств и 191,5 тыс. базовых станций).

На развитие коммуникационной инфраструктуры большое влияние оказывает жилой фонд, жилищно-коммунальное хозяйство. Интересы жильцов домов представляет ТСЖ или управляющая компания, своими решениями влияющая на развитие конкурентной среды в сфере предоставления доступа жильцов к рынку интернет- и хостинг-провайдеров.

3. Финансовая инфраструктура характеризует доступность финансовых ресурсов для компаний. К данному блоку относят: инновационные фонды, биржи, банки, страховые компании, инвесторов, бизнес-ангелов.

В 2014 г. объем венчурных сделок в отрасль мобильной коммерции составил 5347 млн долл., рост по сравнению с 2013 г. — 620%². Основными причинами стремительного взлета выступают рост числа смартфонов в мире и рост числа покупок с мобильных устройств, а не со стационарных компьютеров. Основными сдерживающими факторами развития финансовой инфраструктуры мобильной коммерции России выступают следующие: сложная и бюрократизированная система получения грантов; небольшое число венчурных капиталистов; ограниченный бюджет государственного финансирования; слабые навыки проектного менеджмента у большого круга субъектов мобильной коммерции; низкая информированность об особенностях механизма патентования и коммерциализации разработок.

П. Вермулен [11] в процессе интервьюирования ста экспертов выделил основные барьеры в процессах инвестирования предпринимательского сектора: информационные технологии, ресурсы, нехватка стимулов и проектная команда.

4. Инфраструктура обслуживания представлена специализированными и регулируемыми организациями; Почтой России и иными службами доставки; учреждениями образования, культуры, здравоохранения.

¹ На сотовых операторов «большой тройки» приходится 97% базовых станций // SPBIT.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spbit.ru/analytics/a93619/> (дата обращения: 17.08.2018).

² Отчет компании «Обзор мировых трендов в сфере ИКТ на основе венчурной активности 2013–2014 гг.» [Электронный ресурс]. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/obzor-mirovyh-trendov-v-sfere-ikt-na-osnove-venchurnoy-aktivnosti-i-ma-politiki-krupneyshih-ikt-kompaniy-v-2013-2014-gg-20150402014655 (дата обращения: 12.02.2019).

Средние показатели работы базовых станций (БС) для Москвы, Санкт-Петербурга и страны в целом

Table 1. Average values of work of base stations for Moscow, St. Petersburg and the country in general

Регион	KPI BTS/ 1000 subs	Число абонентов, обслужива- емых 1 базовой станцией	Число базовых станций, тыс.	Число абонентов, млн
Москва и Московская область	0,562	1779	25,598	45 052
Санкт-Петербург и Ленинградская область	0,793	1261	13,047	16,46
Российская Федерация в целом	0,731	1367	191,48	261,88

Примечание. На сотовых операторов «большой тройки» приходится 97% базовых станций // SPBIT.RU. URL: <http://www.spbit.ru/analytics/a93619/> (дата обращения: 17.08.2018).

Работа Почты России, как ведущей службы доставки в России, оказывает колоссальное влияние на развитие инфраструктуры обслуживания. Инфраструктуру обслуживания также составляют международные организации как объединения межгосударственного или негосударственного характера, созданные на основе соглашений для достижения определенных целей.

Отметим важную роль, которую выполняют международные организации, регулирующие доменное пространство: Корпорация по присвоению имен и адресов в интернете (ICANN — Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) — частная корпорация, осуществляющая регулирование технической инфраструктуры, Администрация по присвоению имен в интернете (IANA), Правительственный консультательный комитет (GAC). ICANN с 1988 г. выступает мировым интернет-регулятором, находится в США под контролем Министерства торговли США и контролирует основополагающие принципы во Всемирной паутине. Одним из острых вопросов выступает тема перераспределения контроля над своими доменными зонами у каждой страны. Предложение осуществления контроля на национальном уровне поддерживают на уровне ООН Россия, Китай и группа исламских стран во главе с Саудовской Аравией. Противниками выступают Германия, США, Чехия, Швеция, Австралия, Великобритания. Отметим, что интерес США в недопущении новой системы скорее коммерческий, чем политический.

Целями национального контроля выступают: повышение безопасности в виртуальном пространстве; борьба с кибермошенничеством и спамом; противодействие терроризму и распространению порнографии. Фактически после установления такого контроля правительствам стран будут подотчетны все интернет-ресурсы. Таким образом, «национализация Сети» может привести к ограничению свободы в интернете, что противоречит одному из принципов Всемирной сети. Современная инфраструктура строилась в рамках свободной системы, и она не готова к кардинальным переменам.

Компании-разработчики программного обеспечения, в частности корпорация «Майкрософт», оказывают огромное воздействие на формирование обслуживающей сектора коммуникационной инфраструктуры мобильной коммерции. Созданная в 1975 г., корпорация «Майкрософт» со штаб-квартирой в Редмонде, США, сегодня является мировым лидером по производству программного обеспечения и разработкам интер-

нет-технологий для персональных компьютеров и серверов. Рыночная капитализация корпорации превышает 600 млрд долл.¹ Корпорация занимается выпуском широкого спектра программных продуктов, в том числе операционной системы Windows. Инновационные разработки корпорации продаются в более 80 странах мира и переведены на 45 языков, включая русский. Корпорация присутствует в России с 1992 г., первоначально как представительство, а с 2004 г. как аффилированное с материнской компанией российское юридическое лицо «Майкрософт Рус».

Среди исследовательских институтов и организаций в рамках обслуживающей инфраструктуры, специализирующихся на вопросах управления интернетом, отметим Институт исследований интернета при Университете Оксфорда (Oxford Internet Institute), Центр изучения интернета и общества при Университете Стенфорда (Center for Internet and Society), Центр изучения интернета и общества Беркман при Гарвардском Университете (Berkman Center for Internet and Society), а также наиболее известный Проект Управления интернетом при Сиракузском Университете (Internet Governance Project).

В заключение отметим основные проблемы формирования системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции: бюрократия, несовершенство законодательства, в том числе в области защиты интеллектуальной собственности, сложности экспортно-таможенного контроля, отсутствие процедуры оценки риска и возврата инвестиций, малопривлекательные условия жизни и работы для предпринимателей, в связи с чем имеет место колоссальная «утечка умов».

Мобильная коммерция в России только формируется как форма предпринимательской деятельности, что требует создания условий для развития творческого подхода и этики предпринимательства у молодежи, начиная с детского сада и школьной парты, формирования высококвалифицированных кадров в высшей школе, что становится возможным осуществить благодаря созданию развитой системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России.

Литература

1. Бутрюмова Н. Н., Гришчева К. Д., Касьянова Е. В., Карпычева С. А. Сдерживающие факторы развития малого инновационного бизнеса Нижегородской области: взгляд инновационной инфраструктуры // *Инновации*. 2014. № 5. С. 79–88.
2. Васильева Т. В. Мобильная коммерция: прошлое, настоящее, будущее // *Вопросы современной науки и практики*. 2014. № 3. С. 105–111.
3. Васильева Т. В. Мобильная коммерция: прошлое, настоящее, будущее: монография. СПб. : Изд-во ИМЦ «НВШ-СПб», 2017.
4. Дежина И. Системная диагностика экономики региона. Изд. 3-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
5. Зиновьева Е. С. Роль международных организаций и институтов в формировании режима управления интернетом : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М. : Университет МИД России, 2009.
6. Кокурзин Д. И., Назин К. Н. Формирование и реализация инфраструктурного потенциала экономики России: монография. М. : Транслит, 2011.
7. Макконелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М. : Инфра-М, 2003. Т. 2.
8. Пардасян С. А., Потемкин В. К. Инновационная деятельность: организация, технологии, проектирование. СПб. : ИРЭ РАН, 2001.
9. Ресурсы инноваций: организационный, финансовый, административный: учеб. пособие для вузов / под ред. И. П. Николаевой. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

¹ Капитализация Microsoft [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.investing.com/news/stock-market-news/article-515819>, свободный (дата обращения: 17.08.2018).

10. Семенкова Т. Г. Инфраструктура и сфера услуг // Мировая экономика и международные отношения. 1971. № 3. С. 116–122.
11. Vermulen P. Uncovering Barriers to Complex Incremental Product Innovation in Small and Medium-Sized Financial Services Firms // Journal of Small Business management. N 43. 2005.

Об авторах:

Исаев Алексей Петрович, декан факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; isaev-ap@sziu.ranepa.ru

Васильева Татьяна Владимировна, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; 15351538@mail.ru

References

1. Butryumova N.N., Grishcheva K.D., Kasyanova E.V., Karpycheva S.A. Deterrents of development of small innovative business of the Nizhny Novgorod Region: look of innovative infrastructure // Innovation [Innovatsii]. 2014. N 5. P. 79–88. (In rus)
2. Vasilyeva T.V. Mobile commerce: past, present, future // Questions of modern science and practice [Voprosy sovremennoi nauki i praktiki]. 2014. N 3. P. 105–111. (In rus)
3. Vasilyeva T.V. Mobile commerce: past, present, future: monograph. SPb. : Publishing house IMC “NVS SPb”, 2017. 145 p. (In rus)
4. Dezhina I. System diagnostics of economy of the region. 3rd edition. M. : Book house “LIBROCOM”, 2012. 232 p. (In rus)
5. Zinovyeva E.S. A role of the international organizations and institutes in formation of control mode by the Internet: dissertation abstract. M. : MFA of Russia University, 2009. 25 p. (In rus)
6. Kokurzin D.I., Nazin K.N. Formation and realization of infrastructure potential of economy of Russia: monograph. M. : Translit, 2011. 336 p. (In rus)
7. McConnell C.R., Brue S.L. Economics: principles, problems and policies. M. : Infra-M, 2003. V. 2. (In rus)
8. Pardasyan S.A., Potemkin V.K. Innovative activity: organization, technologies, design. SPb. : IRE RAS, 2001. (In rus)
9. Resources of innovations: organizational, financial, administrative: the manual for higher education institutions / under the editorship of I.P. Nikolaeva. M. : UNITY-DANA, 2003. (In rus)
10. Semenkova T.G. Infrastructure and services sector // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 1971. N 3. P. 116–122. (In rus)
11. Vermulen P. Uncovering Barriers to Complex Incremental Product Innovation in Small and Medium-Sized Financial Services Firms // Journal of Small Business management. N 43. 2005.

About the authors:

Alexey P. Isaev, Dean of Faculty of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; isaev-ap@sziu.ranepa.ru

Tatyana V. Vasilyeva, Associate Professor of the Chair of Economics of the North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; 15351538@mail.ru

Анализ опыта Узбекистана по разработке стратегий развития страны и регионов

Мирзиёева С. Ш.^{1, 2, 3}

¹Академия государственного управления при Президенте Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан

²Агентство информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан

³Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; ali_tdshi@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье осуществлен ретроспективный тренд-ориентированный анализ опыта разработки Узбекистаном национальной и региональных стратегий развития.

Показано, что в силу воздействия объективных факторов Узбекистану, как и большинству государств СНГ, понадобилось несколько лет после приобретения независимости в 1991 г., прежде чем приступить к разработкам долгосрочных национальных и региональных планов, программ, проектов и стратегий. С 1997 г. начали разрабатываться текущие (годовые) экономические программы в соответствии с провозглашаемыми руководством страны приоритетами национальной, отраслевой и/или региональной концентрации ресурсов.

Однако долгосрочная стратегия страны впервые была обоснована и разработана в 2016–2017 гг. При этом учитывались выявленные глобальные тренды, в наибольшей степени влияющие на экономику Узбекистана, новые инновационно-технологические возможности, участие страны в международном разделении труда и другие факторы. Руководство страны прежде всего ориентировалось на те новые возможности, которые могли бы ускорить повышение качества жизни населения Узбекистана. Именно эти национальные интересы учитывались при разработке реализуемой в стране «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг.» В данной Стратегии определены: главная цель, ее детализация в целевые приоритетные ориентиры, перспективные направления и задачи дальнейшей модернизации страны.

Что касается региональных стратегий, то до начала 2000 г. Узбекистан не имел опыта их разработки; отсутствовало стратегическое видение долгосрочного территориального развития. В последующем попытки обоснования региональных документов долгосрочного характера предпринимались, но ввиду отсутствия профессионалов в области стратегирования и недостаточного привлечения к этой деятельности подготовленных специалистов и ученых, использовались устаревшие методы разработки этих программ и планов. Как результат — они, в большинстве случаев, оставались не реализованными.

Тем не менее, накопленный опыт показывает, что долгосрочные национальные и региональные стратегии развития необходимы для обеспечения повышения качества жизни населения и более устойчивого и целенаправленного развития соответствующих приоритетных сфер экономики. Этот опыт, бесспорно, подтвердил, что эффективное управление социально-экономическим развитием Узбекистана и его регионов может быть обеспечено в том случае, если национальные и территориальные стратегии среднесрочного и долгосрочного развития обосновываются и разрабатываются на основе единых методологических подходов, коррелируют между собой по своим приоритетам и целям, обеспечены необходимыми трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами и, в конечном счете, позволяют повышать качество жизни жителей Узбекистана.

Ключевые слова: национальная стратегия, региональная стратегия, приоритеты, цели, инновации, Стратегия действий, методология, теория пространственного стратегического развития, Узбекистан

Analysis of Uzbekistan's Experience in Development of National and Regional Strategies

Saida Sh. Mirziyoeva^{a, b, c}

^aAcademy of the Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

^bInformation and mass communications Agency under the Administration of the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

^cLomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; ali_tdshi@mail.ru

ABSTRACT

This study reflects a retrospective trend-oriented analysis of Uzbekistan's experience in designing national and regional development strategies.

It is shown that due to the impact of objective factors, it took Uzbekistan, like most of the post-soviet era states, several years after receiving independence in 1991 before developing long-term national and regional plans, programs, projects and strategies. Since 1997 annual economic programs have been developed in accordance with the proclaimed by the country's leadership priorities of the national, sectoral or regional concentration of resources.

However, the country's long-term strategy was for the first time substantiated and developed only in 2016–2017. Global trends that exert considerable influence on the economy of Uzbekistan, new innovative technological capabilities, the country's participation in the international division of labor and other factors were taken into consideration. The leadership of the country revealed those new opportunities that could accelerate the improvement of the quality of life of the population of Uzbekistan. It is these national interests that were taken into consideration in the elaboration and implementation of the "Strategy of Actions in five priority areas of development of the Republic of Uzbekistan in 2017–2021". This Strategy defines the main goal, targets, perspective directions and priorities of further modernization of the country.

As for regional strategies, until 2000 Uzbekistan had no experience in developing them; there was no strategic vision for the long-term territorial development. Still, certain attempts were made to propose regional long-term development concepts, but due to the lack of professionals on strategizing and insufficient involvement of trained specialists and scholars in this activity, outdated methods of developing these programs and plans were used. As a result, in most cases they remained unviable.

Nevertheless, the accumulated experience shows that long-term national and regional development strategies are indispensable in enhancing the quality of life of the population and ensuring the development of the relevant priority sectors of the economy more sustainable and targeted. This experience has undoubtedly confirmed that effective management of the socio-economic development of Uzbekistan and its regions can be achieved if national and regional strategies for medium-term and long-term development are designed in such a way that they are based on uniform methodological approaches, correlate well among themselves according to their goals and tasks, and are provided with necessary labor, material and financial resources and, ultimately, allow to improve the quality of life of the people of Uzbekistan.

Keywords: national strategy, regional strategy, priorities, goals, innovations, Strategy of Actions, methodology, theory of territorial strategic development, Uzbekistan

Особенности разработки национальной стратегии развития Узбекистана

В первой четверти XXI в. быстрыми темпами происходит формирование глобального рыночного пространства, что обостряет международную конкуренцию как за рынки стратегических видов сырья, так и рынки сбыта инновационных продуктов, технологий и услуг с высокой степенью добавленной стоимости. Усиливается конкуренция и за передовые инновационные, прежде всего цифровые, технологии и, как следствие, продолжается усиление негативного глобального тренда — дефицита прямых иностранных инвестиций. В этих условиях усиливается значимость

обоснованных национальных, отраслевых, региональных и корпоративных стратегий, их использования для решения социальных проблем долгосрочного характера. В целом, обоснованные приоритеты, эффективные формы и методы реализации стратегий становятся важнейшими факторами укрепления международных конкурентных позиций государств и корпораций. Поэтому закономерен интерес к изучению опыта разработки и реализации национальных, отраслевых и региональных стратегий развития тех или иных стран на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

В данной статье проводится анализ опыта стратегирования в Республике Узбекистан, переживающей стремительные, качественно новые структурные, инновационные и рыночные трансформации, связанные с кардинальным переосмыслением стратегических приоритетов социально-экономического развития страны, использованием в созидательных процессах новых драйверов экономического роста: цифровизации, инновационных технологий, модернизированных форм и методов воздействия на экономику вместо старых, изживших свой потенциал институтов и инструментов излишне детального, прямого командного, а не индикативного и экономического регулирования.

Известно, что за годы независимости в Узбекистане были осуществлены широкомасштабные реформы и комплексные меры, направленные на формирование современной многоукладной экономики, основанной на новых технологиях и рыночных отношениях. Благодаря последовательной реализации политических, институциональных и социально-экономических реформ, за исторически небольшой срок созданы основы правового государства и социально ориентированной рыночной экономики. Сформирован значительный экономический, инфраструктурный и промышленный, а также социальный потенциал для дальнейшего повышения качества жизни населения страны.

В то же время в силу объективных историко-экономических обстоятельств, традиционные подходы к разработке основ среднесрочного и долгосрочного развития, как регионов Узбекистана, так и страны в целом, сложились (как и в других странах СНГ) в недрах планового ведения хозяйства в системе государственной и детальной централизации бывшего СССР. И коллапс единого экономического и политического пространства, сопутствовавший процессу распада Советского Союза, естественным образом наложил свой отпечаток на первоначально хаотичный характер использования методов и форм хозяйствования и стратегического управления, принимаемых на вооружение вновь образованными экономическими институтами независимых рыночно-ориентированных государств.

Зачастую, особенно в начальный период, большинство этих стран действовали методом проб и ошибок, разрабатываемые и реализуемые ими сценарии социально-экономического развития носили несистематизированный характер и принимались без должной научной проработки. Это было связано как с макроэкономическими условиями того времени, так и с практически полным отсутствием национальных специалистов, подготовленных по образовательным стандартам для сферы разработки и реализации стратегий. Поэтому разрабатывались документы, ориентированные на мало реалистичные, а порой и откровенно неверные стратегические ориентиры.

После приобретения независимости в 1991 г. Узбекистану понадобилось несколько лет, прежде чем начали складываться определенные систематизированные подходы к разработке специальных государственных программ, предусматривающих реализацию целенаправленных мер по развитию той или иной сферы жизнедеятельности общества и государства. И лишь с 1997 г. начали разрабатываться текущие (годовые) экономические программы в соответствии с провозглашаемыми руководством страны приоритетами развития каждого года. Например, 1997 г. был

объявлен Годом интересов человека, а 1998 г. — Годом семьи, с разработкой и реализацией соответствующих государственных программ по защите интересов человека, укреплению семьи и т. д.

Но, по мере накопления практического опыта реализации годичных программ, становилась очевидной необходимость разработки стратегических видений долгосрочного развития страны. Тем более, что сохранение в течение длительного периода ресурсоемкого характера сложившейся модели экономического развития, высокая доля в структуре экспорта сырьевых товаров, ускорение роста дефицита энергетических, минерально-сырьевых и водных ресурсов начали выступать сдерживающим фактором повышения эффективности и конкурентоспособности национальной экономики.

Эффективность проводимых социально-экономических преобразований снижалась также из-за сохранения в экономической политике устаревших инструментов и методов, использованных на начальном этапе рыночных реформ. В разрабатываемых государственных программах в недостаточной мере учитывались реальные внутренние и внешние вызовы и риски. Используемые методы государственного регулирования экономики оказались малоэффективными. В частности, использование жестких административных методов в валютной политике сдерживало рост экспортного потенциала страны, улучшение деловой среды и инвестиционного климата, привлечение иностранных инвестиций и др.

В конце 2016 — начале 2017 гг. впервые была обоснована и разработана долгосрочная стратегия страны. Появился утвержденный Указом Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г. «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» стратегический документ программного характера, активно реализуемый уже третий год в стране. Это — Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 гг. Данная Стратегия учитывает самые мощные тенденции развития глобальных рынков и прогнозы международной конъюнктуры, в наибольшей степени влияющие на экономику Узбекистана, новые технологические возможности, участие страны в международном разделении труда и другие факторы.

Для определения стратегических приоритетных направлений развития страны создана Национальная комиссия по реализации Стратегии действий во главе с Президентом Республики Узбекистан. При разработке данного документа руководство страны, прежде всего, выявляло и учитывало те новые возможности, которые могли бы ускорить повышение качества жизни населения Узбекистана.

Главной целью Стратегии действий являются коренное повышение эффективности проводимых реформ, создание условий для обеспечения всестороннего и ускоренного развития государства и общества, модернизация страны и либерализация всех сфер жизни. В ней определены: названная выше главная цель, ее детализация в целевые ориентиры, перспективные направления и приоритетные задачи дальнейшей модернизации страны.

Стратегия действий предусматривает:

- совершенствование государственного и общественного строительства, направленное на дальнейшее усиление роли парламента и политических партий в углублении демократических реформ и модернизации страны, реформирование системы государственного управления, развитие организационно-правовых основ государственной службы, совершенствование системы «Электронное правительство», повышение качества и эффективности государственных услуг, практическую реализацию механизмов общественного контроля, усиление роли институтов гражданского общества и средств массовой информации;
- обеспечение верховенства закона и дальнейшее реформирование судебной системы, направленное на укрепление подлинной независимости судебной

власти и гарантий надежной защиты прав и свобод граждан, совершенствование административного, уголовного, гражданского и хозяйственного законодательства, повышение эффективности системы противодействия преступности и профилактики правонарушений, полную реализацию принципа состязательности в судебном процессе, совершенствование системы оказания юридической помощи и правовых услуг;

- развитие и либерализацию экономики, направленные на дальнейшее укрепление макроэкономической стабильности и сохранение высоких темпов роста экономики, повышение ее конкурентоспособности, модернизацию и интенсивное развитие сельского хозяйства, продолжение институциональных и структурных реформ по сокращению присутствия государства в экономике, дальнейшее усиление защиты прав и приоритетной роли частной собственности, стимулирование развития малого бизнеса и частного предпринимательства, комплексное и сбалансированное социально-экономическое развитие регионов, районов и городов, активное привлечение иностранных инвестиций в отрасли экономики и регионы страны путем улучшения инвестиционного климата;
- развитие социальной сферы, направленное на последовательное повышение занятости и реальных доходов населения, совершенствование системы социальной защиты и охраны здоровья граждан, повышение социально-политической активности женщин, реализацию целевых программ по строительству доступного жилья, развитию и модернизации дорожно-транспортной, инженерно-коммуникационной и социальной инфраструктур, развитие сферы образования, культуры, науки, литературы, искусства и спорта, совершенствование государственной молодежной политики;
- обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики, направленные на укрепление независимости и суверенитета государства, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства, укрепление международного имиджа страны.

Стратегию действий предусматривается осуществлять в пять этапов, в границах каждого из которых утверждается отдельная ежегодная Государственная программа по ее реализации в соответствии с объявляемым наименованием года. В 2017 г. это был «Год диалога с народом», в 2018 — «Год поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий», а в 2019 г. реализуется соответствующая государственная программа в рамках «Года активных инвестиций и социального развития». Важнейшее значение имеет взаимная корреляция целей и задач краткосрочных государственных программ как между собой, так и со Стратегией действий в целом.

В соответствии с распоряжением главы государства, для реализации Стратегии действий, по инициативе общественных и государственных организаций, в Ташкенте создан Центр «Стратегия развития». Центр призван служить общественной площадкой для последовательного обсуждения сути, значения и результатов реформ, предусмотренных Стратегией действий, обеспечения открытого диалога между государственными, научными, производственными и общественными структурами, эффективной организации народного контроля. В задачи центра входит информационно-аналитическое сопровождение мероприятий, предусмотренных Стратегией действий, изучение передового зарубежного опыта, а также оценок международных организаций и экспертов мер, реализуемых в рамках этого документа, организация их широкого экспертного и общественного обсуждения. Центр также выдвигает обоснованные предложения по эффективной реализации Стратегии действий. В его функции входит оказание содействия в подготовке проектов ежегодных программ по Стратегии действий, осуществление системного обще-

ственного мониторинга хода ее реализации и широкое информирование об этом, изучение мнений и предложений населения, выработка предложений по ним.

Как следующий логический шаг в направлении разработки стратегических основ развития страны, в 2018 г. международной негосударственной некоммерческой организацией «Буюк келажак», объединяющей высококвалифицированных соотечественников, проживающих за рубежом и имеющих богатый опыт работы в тех или иных сферах, разработан проект Стратегии развития Республики Узбекистан до 2035 г. Данный проект стратегии, рассчитанный на 17 лет, предусматривает достижение высоких результатов во всех сферах государственного и общественного строительства и нацелен на обеспечение вхождения Узбекистана в число 50-ти экономически развитых стран мира.

В направлении реформирования государственного управления проектом предлагается совершенствование законодательной базы, реформирование судебной системы, повышение политической культуры населения, эффективная реализация реформ и совершенствование институтов государственного управления. Авторами предполагается, что проект обеспечит рост позиций Узбекистана в международных индексах. Конечно, пока это лишь проект, требующий анализа его методологии и обоснованности.

Особенности разработки стратегий развития регионов Узбекистана

На начальном этапе реформирования национальной экономики и социальной сферы Узбекистан не имел большого опыта по разработке стратегических видений долгосрочного развития территорий. 20 апреля 2006 г. распоряжением Президента Республики Узбекистан была образована комиссия по разработке Программы по формированию единой комплексной стратегии территориального развития Узбекистана на 2007–2011 гг., и это было, по сути, первой попыткой на системной основе определить основные контуры территориального развития страны.

Любая стратегия — независимо от объекта стратегирования — имеет общую природу и, следовательно, должна иметь общую теоретическую основу [2, с. 112]. Поэтому методология разработки единой комплексной стратегии территориального развития Узбекистана была основана на сочетании отраслевых и территориальных принципов размещения крупных инвестиционных проектов и прогнозирования макроэкономических показателей. При подготовке Программы были использованы факторно-ресурсный и целевой подходы, предусматривающие поэтапную реализацию следующих действий в процессе выработки конкретных программных мероприятий:

- анализ достигнутого уровня экономического и социального развития территорий, выявление наиболее характерных тенденций и проблем, ранжирование их по остроте и важности;
- обоснование ключевых факторов, условий и предпосылок, их воздействия на устойчивое и комплексное развитие территорий, определение целей и задач стратегии для каждого региона;
- разработка основных приоритетов, факторно-целевых ориентиров, направленных на достижение поставленных целей и задач;
- выработка конкретных детализированных мероприятий по достижению намеченных целевых ориентиров;
- разработка механизмов и определение источников финансирования реализации поставленных задач.

При анализе и определении целевых ориентиров были использованы методы сравнительных оценок, группировок и типологии, расчет индексов и коэффициентов

уровня регионального развития, балансовые расчеты, экспертные оценки, структурно-системный анализ и другие.

Главной целью стратегии территориального развития было обозначено создание условий для высоких темпов экономического роста страны и повышения уровня жизни населения страны на основе комплексного социально-экономического развития всех регионов. В качестве обобщающего показателя цели развития был использован прогнозный параметр валового регионального продукта. Согласно поставленной цели, в 2006–2007 гг. была проведена масштабная аналитическая работа с привлечением ряда ученых и практиков. Но ввиду отсутствия профессионалов стратегирования и недостаточного привлечения к этой деятельности подготовленных специалистов и ученых, а также из-за того, что работа была проведена в основном с использованием официальных статистических показателей, в обосновании необходимых факторов и ресурсов применялись традиционные балансовые методы и расчеты минерально-сырьевых, земельно-водных, топливно-энергетических и трудовых ресурсов, унаследованные из плановой экономики, она не увенчалась успехом. Поскольку полученные результаты мало чем отличались от традиционно составленных комплексных программ развития территорий, результаты так и остались на уровне проектов.

Но время шло, и Узбекистан остро нуждался в методологически обоснованных подходах обозначения перспектив комплексных и системных преобразований в социально-экономической жизни страны. Несколькими регионами были предприняты попытки разработать стратегии на основе местной инициативы, исходя из темпов развития, структуры, пропорций, масштабов экономики, а также пространственных и индивидуальных особенностей территорий. Хотя в силу определенных причин, в частности, из-за ставки на устаревшие методологические подходы при их разработке, многие из этих стратегий не были реализованы практически, а некоторые — так и остались на уровне проектов, и даже не были утверждены в качестве официальных документов, тем не менее эти попытки способствовали формированию в исследовательских кругах определенной методической основы для разработки стратегии территориального развития в Узбекистане с учетом опыта зарубежных стран и сохранившихся традиций территориального планирования.

Первая попытка разработки стратегии регионального развития была сделана в 2008 г. для Кашкадарьинской области с участием международных экспертов при технической и финансовой поддержке ПРООН. Основные компоненты стратегии были направлены на выявление факторов, связанных с уровнем жизни. Предложенные меры состояли в основном из стандартных процедур международных организаций по искоренению бедности. Стратегия социально-экономического развития Кашкадарьинской области с широким охватом всех сторон ее социально-экономической жизни была разработана Центром социально-экономических исследований (позже преобразованным в Институт прогнозирования и макроэкономических исследований — ИПМИ).

Методологической и методической основой для разработки стратегии послужил традиционный подход к территориальному планированию с элементами среднесрочного прогнозирования основных показателей по двум сценарным вариантам — благоприятному (сохранение экономических и природно-климатических условий) и неблагоприятному (их ухудшение).

В 2011–2012 гг. по инициативе местного хокимията была также разработана стратегия социально-экономического развития Андижанской области на долгосрочную перспективу в соответствии с методом стратегического планирования при поддержке международных организаций ПРООН и GIZ (Германское общество по международному сотрудничеству) [5]. Была создана специальная рабочая группа из специалистов местных органов исполнительной власти, представителей госу-

дарственных структур и общественных организаций с участием экспертов из ИПМИ. Разработчики проекта получали также консультации Международного Леонтьевского центра (Санкт-Петербург, Россия).

Таким образом, в республике сложилась определенная практика формирования стратегии по трем методологическим направлениям: оценка и искоренение бедности; традиционный для плановой экономики балансовый метод прогнозирования; территориальное стратегическое планирование. Среди них наиболее актуальными представляются прикладные и организационные элементы методологии территориального стратегического планирования, по которым только по континентальной Европе сформулированы более десятка методических подходов.

Тем не менее, методические и прикладные инструменты территориального стратегического планирования на практике развития регионов Узбекистана широкого применения не нашли. Однако стремление научных кругов исследовать усиление пространственных проблем развития территорий, предвидеть жизненно важные социально-экономические процессы, факторы эффективного использования природно-ресурсного потенциала территорий, демографическое давление на экономику, отражаемое через призму занятости, уровня и качества жизни населения, открыло путь к применению таких инструментов в практике выработки долгосрочных мер в ряде регионов.

В 2012 г. был подготовлен также проект Стратегии социально-экономического развития Сурхандарьинской области [7], в 2013 г. — Республики Каракалпакстан [6], в 2014 г. — Хорезмской области [8] и в 2015 г. была разработана стратегия социально-экономического развития Ташкентской области.

Рассматриваемые стратегии по структуре очень похожи, состоят из трех частей [3, с. 22–30]. В первой части представлены оценка текущего состояния, анализ потенциала развития экономики региона, состоящий из таких компонентов отрасли и секторов экономики, как социальная сфера, инфраструктура и окружающая среда. В этой части стратегий проанализированы факторы, определяющие состояние экономики региона, оценены их положительные и отрицательные влияния. Результаты анализа по каждому сектору отдельно и в целом систематизированы в виде SWOT-анализа, представляющего собой сильные (S) и слабые (W) стороны, возможности (O) и угрозы (T) в социально-экономическом развитии региона. (Автор данной статьи использует иной порядок проведения данного анализа — OTSW, обоснованный в работах академика В. Л. Квинта [1, с. 387–389]).

Вторая часть представляет собой Стратегию регионального развития, которая включает в себя сценарии развития, стратегию и общую цель, ключевые факторы и перспективные источники развития региона (развитие промышленности, развитие сельского хозяйства, развитие сферы услуг). Этот раздел содержит различные сценарии регионального развития и описывает общую миссию и миссию Стратегии. Определены основные факторы и перспективные источники развития региона. Особое внимание уделяется развитию промышленности, в частности, способом эффективно использовать природных ресурсов, развитию взаимосвязанных и вспомогательных производств, реализации межрегиональных проектов, расширению сотрудничества в области регионального развития. Стратегии развития сельского хозяйства были разработаны для повышения эффективности орошаемых площадей с низкоэффективными орошаемыми площадями, развития нетрадиционных экологически чистых видов деятельности для повышения плодородия почв, перспектив увеличения производства продуктов питания в регионе. В стратегиях также были намечены перспективные направления обеспечения занятости, повышения уровня и качества жизни.

Третья часть посвящена организационно-практическим аспектам реализации Стратегии, включая вопросы повышения качества и эффективности управления при ее реализации. В качестве механизма реализации представлены рекоменда-

ции по разработке программ действий и дорожных карт на основе местных инициатив. Также предложены методические подходы для осуществления мониторинга реализации Стратегии.

Анализ стратегий вышеназванных регионов показывает, что по миссии, главной цели и задачам они имеют определенные отличия. Это связано с тем, что при разработке Стратегий в каждом регионе исходили из специфики географического, демографического, экологического и других свойственных для региона социально-экономических факторов и тенденций развития. Эти свойственные черты выражаются: во-первых, в степени актуальности для конкретного региона социальных проблем, связанных с условием и качеством жизни населения, самых насущных потребностей человека; во-вторых, в устойчивости развития и сбалансированности экономики, социальных и экологических приоритетов; в-третьих, в соответствии предлагаемых отраслевых и секторальных программ условиям (ресурсы, потенциал, резервы и возможности) развития региона.

Структурно, в Стратегиях аналитический обзор представлен намного шире, чем это требуется для окончательного варианта таких разработок [4]. Приоритетные направления развития, исходя из специфики и особенностей региона, имеют определенные отличия. Например, в Андижанской области делается упор на развитие трудоемких отраслей, переработку сельскохозяйственной, прежде всего, плодовоовощной продукции. В Сурхандарьинской области и в Республике Каракалпакстан поставлены задачи повышения промышленного потенциала для эффективного и рационального использования природно-сырьевых ресурсов. В Хорезмской и Ташкентской областях особый акцент делается целям реализации потенциалов инноваций и индустрии туризма.

Процедура разработки для всех рассматриваемых стратегий развития выглядит идентично и состоит из нескольких этапов. На первом этапе проведен анализ внешней и внутренней среды, оценено социально-экономическое положение региона. В содержательном плане, проведена следующая работа: объективная оценка существующей ситуации, поиск возможных конкурентных преимуществ, рыночных «ниш» и выявление перспективных «точек роста»; определение позиции региона с учетом глобальных отраслевых тенденций и в сравнении с другими территориями; оценка потенциала всех видов ресурсов.

На основе анализа современного уровня социально-экономического развития территорий выявлены общая динамика и преобладающие тенденции, позитивные изменения в территориальной структуре экономики республики, проблемы и диспропорции, внутренние резервы и возможности, связанные с комплексным и устойчивым развитием регионов.

На втором этапе на основе углубленного анализа текущей ситуации определены цели и задачи стратегии территориального развития, обоснованы приоритеты территориального развития, выбраны направления деятельности по реализации поставленных стратегических целей, оценены управленческие, финансовые и другие ресурсы регионов для реализации стратегических целей и задач.

На третьем этапе сформированы механизм осуществления и система мониторинга за ходом реализации стратегии с целью увязки стратегических целей и текущей деятельности местных органов власти по реализации социально-экономической политики. Механизм реализации стратегии и меры по регулированию развития регионов определены, исходя из общих подходов к реализации основных направлений и целевых ориентиров. Однако передовой зарубежный опыт территориального регулирования свидетельствует о более комплексном и системном подходе к данному вопросу, по которому обоснование механизмов должно также предусмотреть:

- соответствие законодательно-правовой и нормативной базы для территориального регулирования и на этой основе обеспечение устойчивого социально-экономического развития регионов;

- оценку организационных структур, обеспечивающих реализацию единой политики территориального развития, а также проработку возможности создания специального территориального органа в целях координации и регулирования комплексного развития регионов;
- внедрение эффективных способов согласования территориальных и отраслевых программ, крупных инвестиционных проектов, включая рациональное их размещение в регионах с учетом природно-экономического и ресурсного потенциала;
- совершенствование межбюджетных отношений, разработку финансовых рычагов поддержки и стимулирования слаборазвитых территорий;
- усиление информационного обеспечения стратегии и совершенствование региональной статистики в целях организации постоянной системы мониторинга уровня социально-экономического развития Республики Каракалпакстан, областей, городов, районов, населенных пунктов, состояния использования ресурсов территорий, своевременного выявления диспропорций и проблем комплексного развития регионов;
- подготовку и переподготовку квалифицированных специалистов по региональному менеджменту, региональной экономике, региональным финансам.

Что касается организационных аспектов формирования стратегии социально-экономического развития регионов, опыт ряда восточноевропейских стран указывает на необходимость более конкретной проработки нескольких направлений, которые, на наш взгляд, недостаточно глубоко исследованы в рассматриваемых стратегиях. В этом контексте наиболее существенным является более четкое представление процесса управления формированием стратегии, ориентированного на достижение желаемого состояния региона в долгосрочной перспективе. При этом оперативное решение проблем с учетом выбранной стратегии развития территорий, своевременная ориентация ресурсного потенциала и их эффективное использование в приоритетных направлениях развития региона, концентрация усилий местных органов власти и местного сообщества (Кенгаш народных депутатов, политические партии, негосударственные некоммерческие организации) на достижение положительных результатов стратегии имеют существенное значение для перспективного развития территорий.

Эффективная организация работ по выбранным направлениям должна начинаться с разработки организационной структуры и составления схемы взаимодействия всех участников разработки и исполнения стратегии, начиная от местных органов власти и заканчивая местными сообществами и другими заинтересованными сторонами.

С этой позиции организационные мероприятия в Стратегиях можно разделить на несколько этапов, что вполне соответствует зарубежному опыту. На первом этапе при иницировании разработки Стратегии указано четкое осознание необходимости разработки стратегии. Исходя из сложившейся ситуации, разработку Стратегии может иницировать местный хокимият.

Что касается подготовительного этапа, то наряду с определением органа, ответственного за разработку стратегии развития, следует конкретизировать также процедуры разработки, формирования консультативной и тематических рабочих групп, участие внешних экспертов при разработке и определении промежуточных и окончательных результатов Стратегии. В этом плане зарубежный опыт свидетельствует о необходимости разработки Положения о стратегии развития. Например, в Российской Федерации принят технический стандарт по разработке стратегий регионального развития.

По опыту разработки положения и технического стандарта в зарубежных странах представляется необходимым четко расписать:

- проектирование процесса формирования стратегии (определение главной цели, других целей и задач; создание системы управления по формированию страте-

гии; определение структуры работы, назначение ответственных за разработку конкретных разделов стратегии);

- формирование организационных структур разработки стратегии (предполагаемый состав и структура органов стратегического планирования в зависимости от специфики территорий); распределение функций по разработке стратегических направлений развития; создание Совета по стратегии развития (высшего органа системы стратегического планирования, отражающего интересы широких групп населения и включающего в себя ведущих представителей администрации, деловых кругов, общественных организаций и т. д.);
- функции исполнительного органа стратегии развития (орган, руководящий ее разработкой и реализацией; в него могут входить глава местной администрации, руководители консультативного комитета и рабочих групп по реализации стратегического плана, представители ключевых управлений и отделов местной администрации);
- формирование координационного центра (деятельность по управлению процессом формирования и реализации стратегии развития, фиксация и архивация результатов, а также нормативно-правовое обеспечение, оформление документов, протоколов заседаний и т. д.).

Таким образом, по опыту ряда восточноевропейских стран и России, формируется Положение о стратегии развития, где в окончательном виде будут освещены цели разработки стратегии региона, требования к содержанию стратегии, методические требования, механизм разработки стратегии, порядок и последовательность разработки и этапов реализации, порядок согласования, механизм реализации и мониторинг стратегии развития.

Как указано в анализируемых стратегиях, организационные мероприятия завершаются принятием постановления/распоряжения руководителя местной администрации региона по разработке стратегии развития, в котором наряду с вопросами ее формирования и реализации будет утверждено и Положение о стратегии развития.

Заключение

Резюмируя проведенный обзор национальных и региональных стратегий развития Узбекистана, можно заключить, что:

1. Реформы, проведенные в Узбекистане на начальном этапе независимости, заложили прочный фундамент национальной государственности и суверенитета, обеспечения безопасности и правопорядка, неприкосновенности государственных границ, верховенства закона, прав и свобод человека, межнационального согласия и религиозной толерантности в обществе, создали достойные условия жизни для населения и реализации созидательного потенциала граждан.
2. Сохранение в течение длительного периода ресурсоемкого характера сложившейся модели экономического развития, высокая доля в структуре экспорта сырьевых товаров, ускорение роста дефицита энергетических, минерально-сырьевых и водных ресурсов постепенно начали выступать сдерживающим фактором повышения конкурентоспособности национальной экономики. Возникла объективная необходимость в принятии стратегического программного документа — активно реализуемой с 2017 г. в стране Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 гг., учитывающей самые острые тенденции развития глобальных рынков и прогнозы международной конъюнктуры. В свете реализации Стратегии действий, страна переживает стремительные, качественно новые структурные и рыночные трансформации, с кардинальным переосмыслением приоритетов социально-экономического развития страны, и включением в созидательный процесс новых драйверов экономическо-

го роста, инновационных технологий, форм и методов воздействия на экономику вместо старых, изживших свой потенциал институтов и инструментов экономического регулирования.

3. Долгосрочные национальные и региональные стратегии развития необходимы для обеспечения более устойчивого и целенаправленного развития различных сфер экономики. Успех разрабатываемых стратегий развития, эффективного управления страной и регионами во многом зависит от того, насколько национальные и территориальные стратегии краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного развития коррелируют между собой по своим целям и задачам.
4. Процессу формирования стратегий развития регионов должен предшествовать глубокий анализ протекающих процессов и выявление на этой основе ключевых трендов территориального развития на основе единой и обоснованной методологии стратегирования. Несоблюдение этого требования приводит к тому, что принимаемые стратегические документы оказываются нежизнеспособными и не дают ожидаемых результатов в экономике и социальной сфере.
5. При реализации территориальных стратегий региональная политика не должна ограничиваться только ресурсами и возможностями в пределах собственных границ, также следует учитывать трансграничную кооперацию усилий/ресурсов с соседними территориями. Большинство региональных стратегий ориентированы только на реализацию возможностей и решение проблем лишь внутри региона. Слабая проработка вопросов, связанных с установлением интеграционных трансграничных связей с соседними территориями, кооперированием деятельности хозяйствующих субъектов, приводит в средне- и долгосрочной перспективе к упущению реальных возможностей достижения стратегических целей. Поэтому важное научно-практическое значение имеет совершенствование методов регулирования социально-экономических процессов региона путем использования современных инструментариев (технологий) разработки стратегии территориального развития. Это дает возможность провести объективную оценку социально-экономического положения, влияния факторов внутренней и внешней среды, наличия сильных и слабых сторон, реальных возможностей и угроз, ресурсов и потенциала для дальнейшего развития региона.

Литература

1. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. [Официальный перевод англоязычного оригинала]. М. : Бизнес Атлас, 2012.
2. Квинт В. Л. Теория и практика стратегирования : дайджест. Ташкент: «Tasvir», 2018.
3. Назаров Ш. Х. Гид по развитию регионов // Экономическое обозрение. 2017. № 4. С. 22–30.
4. Научно-методические основы формирования стратегии социально-экономического развития регионов на долгосрочную перспективу // Препринт. ИПМИ, ПРООН, 2012.
5. Стратегия социально-экономического развития Андижанской области на долгосрочную перспективу // Препринт ИПМИ, ПРООН, GIZ, 2012.
6. Қорақалпоғистон Республикасининг ижтимоий-иқтисодий ривожлантириш стратегияси : колл. монография. ПМТИ, БМТ ТД, GIZ, 2013.
7. Сурхондарё вилоятини ижтимоий-иқтисодий ривожлантириш стратегияси // ПМТИ, БМТ ТД, GIZ препринти, 2013.
8. Хоразм вилоятини ижтимоий-иқтисодий ривожлантириш стратегияси : колл. монография. А. М. Содиков умумий тахрири остида. Тошкент : IFMR, 2015.

Об авторе:

Мирзиёева Саида Шавкатовна, заместитель директора Агентства информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан, соискатель Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан (Ташкент,

Республика Узбекистан), научный сотрудник Центра стратегических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); ali_tdshi@mail.ru

References

1. Kvint V. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. New York, London : 'Routledge', 2009. (In rus).
2. Kvint V.L. Strategizing: Theory and Practice : digest. Tashkent : Tasvir, 2018. (In rus).
3. Nazarov Sh. H. Guide on regional development // Economic Review [Ekonomicheskoe obozrenie]. 2017. N 4. P. 22–30. (In rus).
4. Scientific-methodic basis of forming the long-term strategy of regional socio-economic development // Preprint IPMI, PROON, 2012. (In rus).
5. Long-term strategy of socio-economic development of Andijan region // Preprint IPMI, PROON, GIZ, 2012. (In rus).
6. Socio-economic development of the Republic of Karakalpakstan : Collective monography. PMTI, BMT TD, GIZ, 2013. (In Uzb)
7. *Strategy of socio-economic development of Surkhandarya region* // PMTI, BMT TD, GIZ preprinti, 2013. (In Uzb).
8. Strategy of socio-economic development of Khorezm region : Collective monography / Under the supervision of A. M. Sadikov. Toshkent : IFMR, 2015. (In Uzb.).

About the author:

Saida Sh. Mirziyoeva, Deputy Director of the Information and mass communications Agency under the Administration of the President of the Republic of Uzbekistan, Researcher of the Academy of the Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Republic of Uzbekistan), Research Fellow of Lomonosov Moscow State University Strategic Research Center (Moscow, Russian Federation); ali_tdshi@mail.ru

О понятиях общественного бытия, социальной реальности и общественного сознания

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье решается задача переосмысления известной формулы «общественное сознание отражает общественное бытие», для чего предлагается пересмотр всех трех категорий, составляющих данное высказывание. Показывается ошибочность стремления исключить сознание из сферы бытия. В частности, критически рассматривается точка зрения, в соответствии с которой незнание людьми закономерностей осуществляемой ими деятельности, дает основание для исключения их сознания из сферы бытия.

В статье проводится мысль о том, что следует различать понятия общественного бытия и социальной реальности. Социальная реальность всегда отнесена к определенному коллективному субъекту и, с одной стороны, полагается его практически-духовной деятельностью, а с другой — от является предметом рефлексии. Будучи рассматриваема как предмет рефлексии, социальная реальность выступает как бытие. Последнее в данном случае не сводимо к экономическим отношениям — оно включает в себя весь круг отношений (политических, идеологических и пр.), предметную реальность, культуру, традиции, с которыми ему приходится взаимодействовать и которые он определяет для себя как некоторую данность. Бытие субъекта может определяться степенью развитости способности к рефлексии, присущей его сознанию. Выделяются нереплексивное бытие, рефлексивное не концептуальное бытие и концептуально-рефлексивное бытие.

Предложенная парадигма позволяет определить смысл социально-преобразующей деятельности, направленной на формирование единства общества, как взаимную интерпретацию различных реальностей, носителями которых являются различные социальные субъекты. Эта взаимная интерпретация осуществляется в сложном и непрерывно совершающемся процессе духовной жизни, в произведениях искусства, богословских текстах, философских трактатах, соотносящих различные образы социальной реальности и развивающих рефлексии над ними.

Ключевые слова: общественное бытие, социальная реальность, коллективный субъект, рефлексия, социальные преобразования

About Concepts of Social Being, Social Reality and Social Consciousness

Aleksandrov V. B.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

In article the problem of reconsideration of the known formula “public consciousness reflects social being” is solved for what revision of all three categories which are this statement is offered. Is shown inaccuracy of aspiration to exclude consciousness from the sphere of being. In particular, the point of view according to which ignorance by people of regularities of the activity which is carried out by them, gives the grounds for an exception of their consciousness of the sphere of life critically is considered.

In article the thought that it is necessary to distinguish concepts of social being and social reality is carried out. The social reality is always referred to a certain collective subject and, on the one hand, it is necessary its practical and spiritual activity, and with another is a reflection subject.

Being considered as a reflection subject, the social reality acts as life. The last in this case is not reduced to the economic relations — it includes all circle of the relations (political, ideological and so forth), subject reality, culture, traditions with which it should interact and which it defines for itself(himself) as some reality. Life of the subject can be defined by degree of development of ability to a reflection inherent in his consciousness. Not reflective life, reflective not conceptual life and conceptual and reflective life are allocated.

The offered paradigm allows to define sense of the social and reformative activity directed to formation of unity of society as mutual interpretation of various realities which carriers are various social subjects. This mutual interpretation is carried out in the difficult and continuously made process of spiritual life, in the works of art, theological texts, philosophical treatises correlating various types of social reality and developing a reflection over them.

Keywords: social being, social reality, collective subject, reflection, social transformations

Можно назвать некоторые философские положения, которые, приобретая статус очевидности и даже своеобразного фольклора, жизненных мудростей, наподобие античных гном, существуют как бы параллельно с реальной жизнью, не обнаруживая своей значимости в повседневной практике. К ним обращаются лишь в определенных ситуациях, когда оказывается возможным «подогнать» под них интерпретацию рассматриваемых событий. К числу таких положений относится и известный принцип марксистской социальной философии, сформулированный Марксом в Предисловии к «Критике политической экономии», о том, что «общественное бытие определяет их (людей — В.А.) сознание» [5, т. 1, с. 322]. В более конкретной формулировке, которую мы встречаем у В. И. Ленина, это положение выглядит так: «общественное сознание отражает общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса» [4, с. 343]. Данный принцип, будучи принимаем в его словесном выражении, тем не менее, в смысловом отношении, вызывал определенные разночтения и оставался темой разного рода интерпретаций в работах как философов эпохи доминирования марксистской идеологии, так и в трудах современных авторов, по-разному относящихся к философии марксизма. В данной статье мы постараемся присмотреться к этому принципу и проанализировать его с точки зрения значения для реальной социальной практики.

Начнем с достаточно очевидной констатации необходимости уточнения всех трех основных концептов, которые образуют его содержание. Мы имеем в виду и «общественное бытие», и «общественное сознание», и «отражение». Причем, строго говоря, такое уточнение предполагает не просто переопределение каждого из них самого по себе, а выяснение осмысленности связки этих понятий в целом, внутри которой эти, казалось бы, давно и глубоко проработанные, категории, наделяются привычным для нас содержанием.

В качестве точки отсчета возьмем известные слова В. И. Ленина из его труда «Материализм и эмпириокритицизм», в котором видела свои истоки марксистско-ленинская философия. В этой книге среди прочего автор отстаивает чистоту марксизма в вопросе о материалистическом понимании истории, суть которого выражается в сформулированном выше принципе. Оппонентами, подвергаемыми Лениным уничижительной критике в этой работе, являются представители махизма и его вариантов и, в частности, эмпириомонизма, представлявшего в философии русским мыслителем А. Богдановым, который, по словам В. И. Ленина, заявляя о себе как приверженце марксизма, «поверил» всякого рода «идеалистам и гносеологическим солипсистам», пытающимся ниспровергнуть рассматриваемый принцип. Между тем позиция Богданова, многократно заклеянная в марксистской литературе, на сегодняшний день выглядит во многом справедливой и даже очевидной. Вот его слова: «Социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно психическая... Социальность нераздельна с сознательностью. Общественное бытие

и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны» [цит. по: 4, с. 342].

Критикуя данную позицию, В.И. Ленин не отрицает того, что люди вступают в общение или включаются в определенную деятельность как сознательные существа. Однако он полагает, что это не означает, так сказать, «сознательности» бытия. По его мнению, об общественном бытии мы говорим тогда, когда имеем в виду неосознанность сущности процессов, в которые вовлечен субъект деятельности. «Из того, что люди вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена» [4, с. 343]. С чем можно согласиться при рассмотрении данного высказывания, так это с неприятием утверждения о тождественности общественного сознания общественному бытию. Очевидно, сознание не тождественно бытию, поскольку сам способ существования сознания принципиально отличается от той формы, которую оно обретает, будучи воплощенным в человеческих действиях, составляющих социальную реальность. Сознание как таковое — это сфера духа, структурируемая категориальным аппаратом мышления; будучи воплощенным в человеческих действиях, оно начинает существовать по законам предметной реальности в пространственно-временных формах.

Вместе с тем вызывает критическое отношение осуществленное автором смешение темы тождественности общественного бытия и общественного сознания и темы «сознательности бытия». Думается, что эти две позиции — тему наполненности общественного бытия сознанием, включенности сознания в бытие как его неотделимой стороны и тему тождественности — необходимо принципиально разводить. «Не тождественность» общественного сознания и общественного бытия в указанном выше смысле не означает отказа от того положения, что социальная жизнь во всех своих проявлениях, в том числе в тех, которые марксизм обычно относит к бытию, является «сознательно-психической». Между тем В. И. Ленин, как отмечалось, признавая, что люди вступают в общение как сознательные существа, исключает сознание из сферы общественного бытия. При этом основанием для этого у него выступает непонимание субъектом деятельности законов осуществляемой им деятельности, ее глубинной сути.

Такая позиция требует ответа на ряд вопросов. Во-первых, можно ли считать, что в том случае, когда вступают в общение и осуществляют некоторую деятельность в сфере торгового обмена профессионалы-экономисты или просто люди, хорошо знающие экономику, — мы по-прежнему будем иметь только лишь «чистое» бытие без всякого наполнения сознанием? И, с другой стороны, — сохраняется ли принцип отражения общественного бытия общественным сознанием для сознания простых людей, не отягощенного необходимым уровнем концептуальной подготовки?

Из приведенной цитаты классика естественным образом следует, что в «отражательной функции» отказывается обыденному сознанию и к общественному сознанию относятся лишь теории, могущие раскрыть сущность процессов, протекающих в сфере экономики. Соответственно, субъектами общественного сознания в свете такого подхода являются профессионалы, сумевшие раскрыть эту суть в своих теориях.

Но в этом случае встает другой вопрос: не упрощаем ли мы ситуацию, называя ту или иную теорию отражением, в то время, когда на каждом историческом этапе существует множество теорий, претендующих на верное и даже научное понимание социальной реальности? Не меняет дела и оговорка о том, что отражение может быть «верной приблизительно копией отражаемого». Любой теоретик примет такую оценку своих построений — она очевидна — и откажет в ней своему оппоненту.

Главный порок такого подхода, на наш взгляд, — упрощенное понимание сущности материализма применительно к обществу, связанное с тем, что его автор проходит мимо специфики той реальности, которую он называет общественным бытием. Легко произносимая формула, выражающаяся в словах «общественное бытие и общественное сознание не тождественны, совершенно точно так же, как не тождественны бытие вообще и сознание вообще» (там же, с. 343), по сути дела скрывает нежелание размышлять на эту тему. Не застревая на термине «тождественны», заметим, что общественное бытие является тем особым видом бытия, для которого наполненность сознанием является специфической чертой. Эта наполненность социального бытия «сознательностью» является очевидной не только для абсолютного идеализма Гегеля с его принципом тождества бытия и мышления, но и для многих других больших философий — философии Хайдеггера, феноменологии и др. В определенном варианте такую позицию можно встретить и в отечественной литературе постсоветского времени. Так, В.С. Барулин писал, что одна из важнейших черт сознания общества заключается в том, что «сознание выступает не просто как отражение бытия, сторона человеческой деятельности, а как сама человеческая жизнь, как грань жизни. Иначе говоря, сознание бытийственно. С этой точки зрения и общественное сознание выступает не только как идеальный образ общества, регулятив его деятельности, но и как сама жизнь общества, сама общественная жизнь» [1, с.188].

Приведенное высказывание, будучи справедливым в части утверждения о том, что сознание «бытийственно», содержит в себе определенную недосказанность по вопросу о понимании сущности общественного бытия. Между тем в нем происходит своеобразное противопоставление авторской позиции сложившейся в отечественной литературе трактовке понятия общественное бытие. Обратимся, например, к авторитетному изданию советской эпохи — Философской энциклопедии. В ней общественное бытие недвусмысленно противопоставляется общественному сознанию как реальность, существующая независимо от него. Формула, которую мы находим в этом издании, звучит вполне определенно: «общественное бытие людей — это и есть та объективная общественная реальность...которая отражается в общественном сознании» [8, с. 423]. Ни о какой «сознательности бытия» речи здесь не идет.

Формула «общественное сознание отражает общественное бытие» вызывает сомнение и в еще одном важном отношении. Дело заключается в том, что говорить об обусловленности содержания общественного сознания общественным бытием в целом, по меньшей мере, не продуктивно, если не сказать бессмысленно, поскольку общественная реальность неоднородна и сложно структурирована, как, впрочем, и призванное ее отразить общественное сознание.

В силу этого обстоятельства возникает естественная необходимость уточнения понятия общественное бытие. Первый шаг, который представляется нам необходимым сделать, это признать, что понятие общественного бытия, имея определенный смысл как своего рода метафизическая сущность, в контексте рассуждений об обществе вообще, теряет свое значение в случаях необходимости решения конкретных задач влияния на те или иные социальные процессы.

На наш взгляд, предметно и осмысленно можно говорить не об общественном бытии, а о бытии конкретного социального (коллективного) субъекта, как той реальности, которую он находит существующей, вступая в активную социальную жизнедеятельность, и которая, так или иначе, определяет его сознание, т.е. понимание окружающего мира и самого себя.

Второй шаг, который необходимо сделать на пути конкретизации данного понятия, — это определение содержания той реальности, которую мы называем общественным бытием. В отечественной литературе существуют разные точки зрения по данному вопросу, но в целом они сводятся к тому, что общественное бытие — это экономические отношения, сложившиеся в данном обществе. И, если следовать точке зрения В. И. Ленина, приведенной выше, это тот уровень этих отношений, на котором не осознается лежащая в их основе закономерность.

Но можно ли остановиться на таком представлении о той реальности, которая определяет сознание социального субъекта? Исчерпывается ли ее содержание экономическими отношениями? Не требуется особых аналитических усилий для того, чтобы осознать, что такая реальность, которую мы определяем как бытие, не сводится к экономическим отношениям, она значительно разнообразнее и включает в себя отношения и процессы, фиксируемые во всех сферах общественной жизни. Кстати говоря, на это обстоятельство указывал и один из основоположников марксизма. Мы имеем в виду пояснения по поводу своей социальной концепции, которые сделал Ф. Энгельс в знаменитом письме И. Блоху. В нем он вполне определенно указывал: «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т.д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую» [5, т. 2, с. 468]. Иными словами, согласно Ф. Энгельсу, в общественное бытие субъекта, т.е. в систему оснований его деятельности и сознательного выбора принципов и направленности этой деятельности, будут включаться не только экономические, но и другие отношения — социальные, политические, идеологические, сложившиеся культурные формы, лежащие в их основе ценности. Все они будут составлять ту реальность, в которой как сложившейся до него данности, находит себя некоторый коллективный субъект.

Дальнейшее рассмотрение формулы, выражающей материалистическое понимание истории, предполагает уточнение представления об общественном сознании или, как следует из сказанного, о сознании социального субъекта и соотношении его с понятием бытия. На этом пути необходимо, на наш взгляд, выделить основные типы сознания, имеющие значения для понимания способа существования коллективного субъекта. Определение таких типов сознания должно исходить, по нашему мнению, из той его особенности, которая конституирует сам способ существования человека как существа разумного. Такой особенностью является способность рефлексии. Как писал Тейяр де Шарден, для понимания сущности человека необходимо «решительно устранить из совокупности человеческих поступков все второстепенные и двусмысленные проявления внутренней активности и рассмотреть центральный феномен — рефлексия» [7, с. 136]. Благодаря рефлексии, которую он понимает как приобретенную сознанием «способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как *предметом*, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, — способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что ты знаешь», «живой элемент, до того распыленный и разделенный в смутном кругу восприятий и действий, впервые превратился в точечный *центр*, в котором все представления

и опыт связываются и скрепляются в единое целое, осознающее свою организацию» [там же].

Естественно способность к рефлексии может быть более или менее развитой. Наиболее простой уровень сознания с понятными допущениями может быть определен как нерефлексивный, примерно то, что имел, видимо в виду В.И. Ленин, в приведенном выше примере, «растворяя» сознание в общественном бытии. Данное определение, конечно, надо принимать с большими оговорками, поскольку, по-видимому, некоторая степень рефлексии присутствует и на этом уровне. Здесь она существует в самых простых формах и связана с повседневной рутинной деятельностью, обобщением практического опыта, когда, по словам Вебера, «реальное действие сопровождается неотчетливым полусознанием или фактической неосознанностью его субъективного значения». Примером такого уровня осознания смысла осуществляемой деятельности может быть приводимое Ф. Броделем действовавшее в XVI в. правило изменчивости веса, установленное на основе многолетнего опыта торговли хлебом. Суть его в том, что в зависимости от конъюнктуры мог меняться вес, но не цена хлеба [2, с. 156].

В этих условиях «всякая попытка постичь воплощенные в действиях глубинные значения, то есть понять мотивы «для того чтобы» и «потому что», которыми руководствуется индивид, может показаться безнадежной в силу неосознаваемого характера глубинных предпосылок, на которых зиждется социальная жизнь» [6, с. 312]. Обычно это уровень мифологизации реальности, в которой находит себя человек. Здесь действие во многом выступает как своего рода обряд, имеющий не столько рациональный, сколько магический смысл. Миф выступает, с одной стороны, как способ формирования мира, в котором находит себя субъект, а с другой, как средство самоидентификации субъекта деятельности. Этот уровень выступает как своего рода субстанция, из которой вырастают более развитые формы сознания.

В этой связи хотелось бы указать на определенную ограниченность точки зрения, согласно которой историческую реальность, составляющую предмет исторической науки, образуют лишь акты рефлексивной мысли [3, с. 296]. Отрицая нерефлексивное бытие, данная позиция как бы выводит за рамки предмета научного познания повседневное существование людей, с одной стороны, аккумулирующее, «заземляющее» на себя рефлексивные формы сознания, а с другой стороны, выступающее для них «питательной средой». Кстати говоря, огромное значение исследования структур повседневности показал Ф. Бродель в цитированном выше труде.

Формами рефлексивного сознания выступают концептуальные, специализированные типы сознания — наука, идеология, философия, богословие. Наряду с ними можно говорить и о сознании, связанном с неспециализированной рефлексией, осуществляемой в рамках непрофессионального сознания. Данный тип рефлексии может использовать популярные представления, просачивающиеся из сферы научного сознания во вненаучную культуру. Тип субъектов, носителей этого типа сознания, — непрофессиональные (имеется в виду непрофессионализм в области социальных наук) общности. Основу таковых могут составлять этнические общности, классы, поселенческие общности, социальные и профессиональные группы и пр.

Возможность выделения этого уровня связана с тем, что рефлексивность в определенной форме может существовать и на уровне обыденного сознания, когда осуществляется выявление значения производимых действий, рационализируются мотивы, побуждающие к ним. Это уровень непрофессиональной рационализации, на котором фиксируются некоторые повторяющиеся тенденции, обобщения прак-

тического опыта. Мифологизация сознания на этом уровне не исключается, но в значительной степени уступает место рациональному мышлению.

В целях дальнейшего переосмысления формулы материализма «общественное бытие определяет общественное сознание» рассмотрим соотношение понятия общественного бытия с понятием социальной реальности. Несмотря на то, что они нередко употребляются как взаимно заменяемые, можно выделить смысловой оттенок, позволяющий различать эти понятия, и благодаря этому зафиксировать важную мировоззренческую тему, ускользающую при синонимичном их употреблении. Главное различие состоит, на наш взгляд, в том, что понятие «общественное бытие» в марксистской литературе всегда обретало свой категориальный статус через отношение к понятию «общественное сознание», в соответствии с которым общественное сознание трактуется как отражение общественного бытия.

Понятие «социальная реальность», на наш взгляд, обретает свой смысл в ином отношении. Оно выражает активность субъекта как деятельного существа, обладающего способностью рефлексии, и полагающего в своей сознательно-преобразующей деятельности эту реальность. Здесь вспоминаются знаменитые слова Маркса о том, что «главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность, берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [5, т. 2, с. 383].

Подобный ход мысли в связи с темой рефлексии мы встречаем и у Тейяра де Шардена, отмечавшего, что возникновение рефлексии — это возникновение нового мира. Рефлектирующее существо оказывается существом, создающим свой собственный мир. «Абстракция, логика, обдуманый выбор и изобретательность, математика, искусство, рассчитанное восприятие пространства и длительности, тревоги и мечтания любви... Вся эта деятельность *внутренней жизни* — не что иное, как возбуждение вновь образованного центра (рефлексии — В. А.), воспламеняющегося в самом себе» [7, с. 136].

Идею о том, что реальность полагается деятельностью коллективных субъектов утверждает феноменологическая социология. Согласно этому направлению содержание социальной реальности составляют не сами по себе объективированные организационные структуры, а те правила, которые принимают на практике участники взаимодействия. «Если воздержаться от веры в «реальность» организационных структур, — пишет Д. Силвермен, — возникает возможность разработать иной подход, сосредоточивающий внимание на том, как используют участники правила для определения и интерпретации деятельности» [6, с. 294–295].

В этой связи хотелось бы заметить, что в этом же направлении развивается представление о реальности науки в современной методологии. В соответствии с ним реальность конкретной науки — физическая, биологическая и пр. не есть нечто существующее абсолютно независимо от человека, его познавательной деятельности, а представляет собой систему конструкторов, выражающую определенный уровень развития науки. Эти конструкторы призваны создать реальность, в которой существует и ведет исследование научное сообщество, представляющее некоторую область науки.

Концепция реальности науки в первую очередь разрабатывалась в методологических исследованиях естественнонаучного познания. В методологии социального познания, несмотря на то, что человеческая наполненность социальной реальности, казалось бы, лежит на поверхности, подобные идеи приживались значительно хуже. Такое положение связано, на наш взгляд, с тем, что социальное познание, как

никакая область науки, находится под мощным прессом идеологии, претендующей обычно на подлинное знание действительности и соответственно на отражение подлинных интересов народа. Что касается методологии естественнаучного познания, то она является наиболее удаленной от идеологии, наиболее автономной по отношению к ней областью философского знания, что и позволило ей выйти за жесткие рамки идеологической регламентации.

Тем не менее, у нас нет оснований для отказа от перенесения данного способа мышления на область социальных наук. Как отмечает один из представителей феноменологического направления в социологии Д. Силвермен, «социологическое исследование, прибегнув к языку социологии, порождает реальный мир с его упорядоченными свойствами. И этот процесс трудно отличить от того, как мы объективируем повседневный мир в разговоре или взаимодействии, когда само использование языка заставляет нас принимать во внимание одни заранее предложенные свойства и ситуации и игнорировать другие» [Там же, с. 308].

Концептуально-рефлексивное сознание предполагает оперирование понятийным аппаратом науки, изучающей соответствующую сферу общественной жизни и общественной практики — экономическую, политическую, правовую. Очевидно, что оно свойственно определенному типу субъектов, а именно научному сообществу. Этот тип сознания полагает особый тип реальности, в которой живет ученый, принадлежащий к данному сообществу.

Заметим, что здесь следует различать уровни концептуализации и соответственных типы реальности, в которых пребывают те или иные субъекты, выражаемые используемыми в современной методологии науки понятиями «теоретическая схема» и «картина мира». Под картиной мира обычно понимают выражение структуры, общих особенностей той предметной области, с которой имеет дело конкретная наука. От теоретической схемы она отличается тем, что онтологизация составляющих ее конструкторов представляется достаточно очевидной и для непрофессионального сознания; ее язык обычно ближе к естественному языку. Теоретические термины, составляющие в своем единстве абстрактные модели, образуют реальность, в которой пребывает профессионал-ученый.

Можно сказать, что картина мира выступает своеобразным посредствующим звеном между концептуально-рефлексивной формой реальности и образом, создающимся не концептуальной рефлексией. В каком-то смысле картина социального мира — это реальность научного сообщества как представителя определенной культуры; в ней рефлексия наполняется ценностями, формирующимися за пределами научного сообщества. Картина социальной реальности, с одной стороны, согласовывает внутринаучное и вненаучное бытие членов научного сообщества, а с другой, также приобщает бытие других социальных субъектов к концептуальным формам, предлагаемым научным сообществом. Бытие научного сообщества включается в общий поток социального бытия через картину социальной реальности.

Содержание теоретической схемы оправдывается целостностью и завершенностью теоретического построения, его интерпретируемостью результатами эксперимента. Теоретическая схема, как и картина мира, представляет собой особую форму реальности, в которой находит себя субъект определенного типа. Эта форма, с одной стороны, характеризуется наиболее высокой степенью концептуализации, а с другой, утратой богатства и непосредственности реальности формируемой на уровне обыденного сознания.

Таким образом, социальная реальность, будучи полагаемой деятельностью определенного субъекта, имеет двойственную природу. С одной стороны, она формируется

субъектом, выделяется им из окружающего природного и социального мира и наполняется определенным смыслом в процессе ее категориального выражения. Это может быть реальность социальных фактов, увиденная Дюркгеймом, социальных взаимодействий в духе Вебера, классового противостояния, составлявшего образ реальности, из которого исходил марксизм и пр. С другой, она осознается им как некоторая объективность, существующая независимо от него как *бытие*, определяющее содержание его размышлений по поводу этой реальности. Данное противоречие между двумя сторонами социальной реальности определяет источник внутреннего динамизма бытия, его внутренний смысл. Бытие сознания также может быть представлено как имеющее двойственную природу в том смысле, что оно раздваивается на сознание бытийствующее и сознание рефлексивное. Причем для различных субъектов и различных типов сознания диалектика этих двух форм может иметь свой особый вид.

Конечно, можно поставить метафизический вопрос и о том, что собой представляет реальность общества в целом. Не требуется особых интеллектуальных усилий для того, чтобы увидеть ее эмпирическую неуловимость. Именно поэтому декларация об отражении общественного бытия в общественном сознании является малоосмысленной.

Предел конкретности представления о реальности общества в целом заключен в суждении, что социальная реальность — сложный и внутренне неоднородный феномен. Фундаментальным фактором, определяющим неоднородность социальной реальности, является уровень и содержание рефлексии составляющих общество коллективных субъектов. Самое большое, что можно сказать об общественном бытии — это степень согласованности реальностей, в которых пребывают различные субъекты.

Предлагаемая парадигма представления социальной реальности позволяет более предметно понимать практику социальных преобразований, направленных на формирование единства общества. Включая в себя социально-экономические преобразования, эта практика не должна останавливаться на формуле «общественное сознание отражает общественное бытие». Необходимо постоянно иметь в виду множественность «реальностей», соответствующую множеству коллективных субъектов, по-разному полагающих свой мир и по-разному рефлектирующих на тему его природы. Поэтому задача такой практики будет состоять во взаимной интерпретации различных реальностей, носителями которых являются различные социальные субъекты. Эта взаимная интерпретация осуществляется в сложном и непрерывно совершающемся процессе духовной жизни, в произведениях искусства, богословских текстах, философских трактатах, публицистических статьях, соотносящих различные бытийные парадигмы и развивающих рефлексия по поводу этих парадигм.

Литература

1. Барулин В. С. Социальная философия. М., 2000.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М., 1986.
3. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
4. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1973.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: в 2 т. М., 1949.
6. Новые направления в социологической теории. М., 1978.
7. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
8. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. М., 1967.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Barulin V.S. Social philosophy. M., 2000. (In rus)
2. Braudel F. Structures of daily occurrence. Possible and impossible. M., 1986. (In rus)
3. Collingwood R.J. The idea of history. Autobiography. M., 1980. (In rus)
4. Lenin V.I. Materialism and empiriocriticism. Collection of works. V. 18. M., 1973. (In rus)
5. Marx K., Engels F. The chosen works in two volumes. M., 1949. (In rus)
6. The new directions in the sociological theory. M., 1978. (In rus)
7. Teilhard de Chardin P. The Phenomenon of Man. M., 1987. (In rus)
8. Philosophical encyclopedia. In 5 v. V. 4. M., 1967. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru

Акторный подход к исследованию глобальной образовательной политики

Байер Ю. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; bayer-yp@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье изучается деятельность акторов в глобальном образовательном процессе на примере Евросоюза, ООН, Всемирного банка и ОЭСР. Рассматриваются инструменты их влияния на образование, эффективность работы, зоны ответственности. В статье изучаются политические силы (союзы, объединения), которые оказывают реальное воздействие/влияние на процессы в глобальной образовательной политике.

Ключевые слова: акторы, ГОП, Эразмус, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Всемирный банк, ОЭСР

Actor Approach to Researching Global Educational Policy

Julia P. Bayer

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; bayer-yp@ranepa.ru

ABSTRACT

The article examines the actors in the global educational process on the example of the European Union, the UN, the World Bank and the OECD. We consider the tools of their influence on education, work efficiency, areas of responsibility. The article examines political forces (unions, associations) that have a real impact/influence on the processes in global educational policy, thus, are, above all, its active actors, capable, due to their political and/or economic importance, to the situation.

Keywords: actors, GOP, Erasmus, UNICEF, UNESCO, World Bank, OECD

Цель данной статьи — изучение особенностей деятельности акторов глобальной политики и степени их влияния на всемирную образовательную политику. Актуальность темы обуславливается тем, что процессы, обеспечивающие активное участие акторов всемирной образовательной политики, охватывают широкий круг наднациональных субъектов, включая старых и новых игроков, организации, которые работают на региональном и/или глобальном уровне, и институты, ориентированные на государство.

Процесс глобализации в последние десятилетия охватил практически все сферы общественного бытия. Образование не стало исключением и приобрело глобальный характер, выходя на транснациональный уровень. В нашей статье мы используем ставший уже общеупотребимым термин *глобальная образовательная политика* (ГОП) — целенаправленная деятельность ряда национальных и наднациональных акторов по формированию единой глобальной образовательной повестки, единых правил и стандартов. А образование как процесс зачастую рассматривается как проявление политической воли и функции.

Образование стало одним из важнейших инструментов воздействия, поэтому крайне актуальным представляется рассмотреть роль и место образования в современных международных отношениях, установить степень его воздействия на

международные политические процессы. Со второй половины 20-го столетия оно начинает играть все большую политическую роль, как во внутри, так и во внешне-политических процессах. Сегодня мы можем говорить об образовании как о глобальном феномене, включающим в себя множество акторов со своими политическими интересами.

В связи с этим представляется крайне важным определить, кто на сегодняшний день является акторами глобальной образовательной политики, какие цели они преследуют, каковы механизмы их взаимодействия. Акторов образовательной политики мы условно разделим на следующие группы: национальные государства, финансовые институты и корпорации, наднациональные организации, университеты.

Понятно, что у каждой группы акторов свой масштаб и методы воздействия на процессы ГОП, свои цели и задачи, свои перспективы развития. Практически все акторы ГОП используют мягкую силу, которая становится все более важной для понимания способов взаимодействия и влияния большинства акторов на глобальную политику посредством получения контроля над процессами в сфере образования. Здесь и далее мы рассмотрим, каким образом международные организации определяют международную политику и способствуют урегулированию спорных образовательных вопросов и политических разногласий государств, возникающих в глобальном масштабе.

Под акторами международной политики автор статьи будет понимать такие политические силы (союзы, объединения), которые оказывают реальное воздействие/влияние на процессы в глобальной образовательной политике, таким образом, являются, прежде всего, ее активными субъектами, способными, в силу своей политической и/или экономической значимости, повлиять на ситуацию. Термин «актор» — достаточно широко используемый термин, которым в теории и практике международных отношений принято обозначать участников взаимодействия в мировом пространстве. В международных отношениях под актором понимается любой авторитет, любая организация, любая группа и даже любой индивид (например, Д. Сорос и его фонд), играющий определенную роль и оказывающий влияние. Акторы считаются полноценными участниками международных отношений в случае, если они пользуются признанием со стороны государств и правительств, и их мнение учитывается при выработке решений внешней политики.

Таким образом, под акторным подходом в глобальной образовательной политике мы будем понимать самостоятельно проводимую акторами ГОП политику в сфере образования, которая преследует определенные цели. Цели акторов подвержены влиянию со стороны источников финансирования, могут быть политически ангажированы или же исходить из идеологических и моральных убеждений и пр. В идеале акторы стремятся к самостоятельно проводимой политике и минимизации влияния извне.

Появление и консолидация ряда международных игроков в образовательной сфере, свидетелями которой мы являемся, не обязательно способствует формированию последовательной политики в области образования. Сегодня становится очевидно, что интересы, приоритеты и политические предпочтения разных глобальных акторов могут существенно различаться и/или вступать в конфликт. Это способствует созданию глобальной политики в области образования, которая часто не последовательна, которую часто оспаривают, а авторитет и лидерство часто переходит от одного актора к другому.

Отметим, что и отечественные, и зарубежные специалисты отмечают, что «если ранее главным считались функциональные умения и навыки, то уже в ближайшем будущем ключевыми параметрами успешного кандидата будет то, что определяется как способность к инновациям. По сути, в этой картине мира главной функцией образования становится подготовка и воспроизведение так называемой ин-

новационной личности» [4, с. 17]. Добавим также, что все более востребованной будет становиться такая личностная компетенция, как умение жить в условиях неопределенности, что очень актуально в условиях глобальной не только образовательной, но и политики в целом.

Рассмотрим университеты как актора ГОП. В рамках ГОП происходит значительное изменение роли университета в мире в целом, его статус значительно меняется, происходит достаточно быстрый переход от модели классического университета к современным моделям. Вузами реализуются такие инновационные функции, как трансформация научных достижений в инновационные продукты, трансфер технологий, укрепление связей между университетской наукой и бизнесом. Вуз становится самостоятельным экономическим субъектом, активным актором в триаде государство-общество-бизнес.

Современное образование все больше приобретает экономо-центристский характер. Это обуславливается тем, что образование получает утилитарные формы, направленные на повышение экономической эффективности в результате деятельности получивших его людей. Кроме этого, сами высшие учебные заведения все чаще начинают рассматриваться в качестве своего рода коммерческих предприятий, целью которых является получение прибыли для своего дальнейшего развития и существования. Положительная сторона этого процесса — дальнейшая автономизация и независимость вузов. Отрицательная — постепенный отказ от фундаментального образования, а также явный ущерб гуманитарной составляющей высшего образования.

Эта ситуация сложилась вследствие деятельности другого актора — ООН, и таких его «дочерних» организаций, как ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО. Деятельность и поддержка этих акторов направлена не на высшее образование, а на, преимущественно, базовое школьное. Вузы, таким образом, стали вынуждены действовать самостоятельно и искать поддержку в других фондах, например, вузы стран ЕС активно используют возможности, которые предоставляет программа Евросоюза — Эразмус+ [3, с. 35].

Как пишут многие исследователи, ЮНЕСКО за последние 65 лет стал лидером в производстве и распространении образовательных знаний, инноваций, установлении стандартов и наращивании потенциала, особенно в сфере формального базового образования и грамотности. Можно прогнозировать, что и в дальнейшем этот актор ГОП сохранит свои лидирующие позиции, но вряд ли будет расширять свою деятельность на вузы.

Важно отметить, что образование, во-первых, рассматривается руководством ООН как непрерывный процесс, который облегчает рост для детей и взрослых; во-вторых, под важностью образования понимался выход за рамки социокультурных ограничений, накладываемых в каждом обществе в процессе культурного производства и воспроизводства; в-третьих, образование стало главным образом техническим усилием и как таковое могло быть улучшено посредством применения принципов, выявленных в результате научных исследований.

Действительно, в действиях этого, как и многих других акторов (использующих финансирование как инструмент воздействия) в сфере глобального образования, мы видим много политизированных шагов. Хотя такие важные политические игроки, как США, официально и продекларировали выход из ЮНЕСКО, их политическое влияние, с точки зрения автора статьи, остается прежним. Важной мы считаем установку ЮНЕСКО, которую поддержала программа Эразмус, созданная Евросоюзом и им финансируемая, на обучение на протяжении всей жизни (lifelong learning).

Для того чтобы адекватно оценить и проследить эволюцию ЮНИСЕФ как актора глобальной образовательной политики, конкретные образовательные политики и операции ЮНИСЕФ должны рассматриваться отдельно от его более широкой работы, которая в основном сосредоточена на здоровье детей [5, с. 45].

Из-за своего переходного статуса фонд полагался исключительно на добровольные взносы и, хотя в 1953 г. стал постоянным агентством ООН, структура его финансирования осталась якобы добровольной. Источники финансирования — от частных корпораций, частных лиц, а также правительств — значительно отделяют этого актора от других организаций ООН со стабильным финансированием. Многие авторы подчеркивают уникально «предпринимательский характер» ЮНИСЕФ именно потому, что сбор средств занимает одно из центральных мест.

Так, спустя несколько десятилетий после своего основания, ЮНИСЕФ возвестил о необходимости удовлетворения потребностей ребенка целиком, и теперь он оказывает помощь программам начального, профессионального и сельскохозяйственного образования. ЮНИСЕФ как актор в 1960–1970-е годы стремился «убить двух зайцев», т. е., с одной стороны, предоставлял значительную материальную помощь в школах, в том числе снабжение оборудованием, строительство и обучение, а с другой стороны — пытался играть значительную политическую роль в консультировании национальных правительств по улучшению системы образования.

ЮНИСЕФ, в отличие от ЮНЕСКО, уделяет больше внимания проблемам образования, вызванным бедностью и неблагоприятными условиями. Под руководством исполнительного директора Джима Гранта в период с 1980–1995 гг. роль ЮНИСЕФ как главного пропагандиста образования закрепилась, и многие исследователи и ученые связывают именно лидерство Гранта в качестве ключевого фактора нынешнего статуса ЮНИСЕФ как ведущего фонда на международной арене [5, с. 16].

Несмотря на очевидные сходства ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ, важно отметить и некоторые различия. Источники, обязательность финансирования, а также расположение руководства в ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ отличаются резко и принципиально. ЮНЕСКО характеризуется высокоцентрализованной бюрократией, где приблизительно 70% его персонала и почти 40% его ресурсов — это административный штаб. В ЮНИСЕФ 87% его сотрудников расположены в местных страновых или региональных отделениях (только 30% таковых в ЮНЕСКО). Наиболее заметная черта ЮНИСЕФ — это его децентрализованный состав. Такая децентрализация указывает на вероятность того, что ЮНИСЕФ сможет быть более чутким, оперативным и гибким к местным условиям страны и реализации проектов, более мобильным и более быстрым в реагировании на потребности на местах.

ЮНИСЕФ сохранил деполитизированные и в целом позитивные отношения как с США, так и с другими ключевыми акторами, что не может не улучшить его общественное восприятие как общественной организации.

Финансирование, безусловно, влияет и на настоящее, и на стратегическое будущее каждой организации. Добровольная ресурсная база ЮНИСЕФ потенциально может стать триггером его открытости и большей адаптивности. ЮНИСЕФ как организация и как актор вынужден постоянно развиваться, последовательно реагировать на внешние действия через постоянно прилагаемые усилия по сбору средств.

Например, мы можем наблюдать, как еще один актор на мировой арене, Всемирный банк, несмотря на то, что сфера его первоначальной деятельности не касалась образования, стал одним из самых мощных акторов, работающих именно в этой сфере. Степень влияния этого актора определяется тем, что с 1960-х годов уровень финансирования сферы образования Всемирным банком значительно превышает финансирование со стороны других акторов. В настоящее время Банк переживает период стратегической неопределенности, это может привести к тому, что его нынешнее лидерство в области образования может быть утрачено. Тем не менее, пока рано говорить об этом как о свершившемся факте.

Интересным также является тот факт, что другой актор — Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), несмотря на ее изначально ограни-

ченный территориальный охват и лимитированные экономические ресурсы (по сравнению со Всемирным банком), приобрела значительное влияние в образовательной политике. С точки зрения влияния ОЭСР как актора, Программа Международной оценки студентов (PISA — Programme for International Student Assessment), созданная в 2000 г., ознаменовала поворотный этап во влиянии ОЭСР в сфере образования. Успех PISA усилил ОЭСР как актора в сфере образования во всем мире и, в то же время, закрепил место образования как одного из направлений деятельности ОЭСР.

Исследования PISA является мониторинговым, оно позволяет отслеживать направления развития в системах образования, а также осуществлять мониторинг качества образования по таким направлениям, как грамотность, чтение, математическая грамотность, естественнонаучная грамотность, а также, конечно же, компьютерная грамотность. Это, безусловно, повлияет не только на качество среднего образования, но и на качество высшего образования, так как будет способствовать унификации уровня подготовки абитуриентов.

Таким образом, ОЭСР и PISA в глобальном масштабе приобрели очень сильное влияние. Сегодня мы наблюдаем, что число стран, желающих использовать PISA как бенчмаркинг, как ориентир для развития национальных образовательных стратегий, постоянно растет. Благодаря PISA, ОЭСР стала глобальным форумом, который помогает странам разрабатывать стратегии в сфере образования, идентифицировать свои проблемы и вовремя их разрешать.

Теперь мы рассмотрим уже упоминавшийся Всемирный банк более подробно. За последние 50 лет Всемирный банк, как отмечают специалисты, стал центром глобального управления социальной политикой в странах с развивающейся экономикой и с низкими доходами. Банк является крупнейшим международным поставщиком финансирования развития правительства. Его кадровые и внутренние ресурсы превосходят ресурсы других международных институтов. По этим причинам Всемирный банк часто считался держателем «почти монополии на бизнес развитие» [1, с. 13].

Тем не менее, как и все международные институты, Банк и сам по себе глобальный и влиятельный актор, и член более широкой системы межгосударственных и транснациональных отношений. Во всем мире Банк является крупнейшим международным источником финансирования образования с многомиллиардным бюджетом на образовательные операции. Настоящий период развития Банка исследователи характеризуют потерей стратегической направленности и неопределенностью на разных уровнях внутри банка.

Некоторые авторы рассматривают международные организации как инструменты обслуживания интересов могущественных государств; соответственно предполагается, что международная политика организаций меняется и развивается вследствие воли их самых влиятельных членов. Многие исследователи отмечают, что даже если международные организации, такие как Всемирный банк, созданы для того, чтобы служить государствам-членам, с течением времени они превращаются в автономные организации, самостоятельно действующих акторов, стремящихся расширить сферы своего влияния.

Как организация Банк был создан странами-победителями Второй мировой войны, хотя СССР потом вышел из него, так как не имел возможности влиять на принимаемые в нем решения. Соответственно, наибольшее влияние сейчас в этой всемирной организации, так же, как и в ЮНЕСКО, остается за США. Для того чтобы понять принцип действия Банка как актора, исследуют сложные модели институциональной автономии, организационной культуры и бюрократическую зависимость, которые сформировали характер работы Банка в сфере образования [2, с. 17].

Банк как актор все чаще использует механизмы «мягкой силы» (такие как бенч-маркинг, техническая помощь, распространение идеи) как способ формирования и влияния на предпочтения стран-членов и стран-заемщиков. Хотя иногда правительства других стран работали вместе, чтобы повлиять на Банк, американская гегемония была постоянной. В 1960-х годах беспокойство США и их союзников о продвижении коммунизма в новых независимых постколониальных нациях привело к созданию нового механизма льготного финансирования для стран с низким уровнем дохода внутри Всемирного банка, Международной ассоциации развития (МАР).

Специалисты, занимающиеся анализом стратегии приоритетов образовательной политики, пришли к выводу, что значительная часть акторов ГОП выступают за концентрацию общественных инвестиций в начальное образование. Это, в свою очередь, способствовало приватизации высшего образования, что привело к преобладанию в вузах финансово обеспеченных студентов [4, с. 432].

Как мы уже отмечали ранее, финансирование в вузах стало приобретать более избирательный и прицельный характер, например, программа Евросоюза Эразмус+ направлена на индивидуальные гранты успешных студентов, магистрантов, преподавателей и исследовательские и научные проекты. Обязательным условием финансирования грантов со стороны представителей Евросоюза является в высшей степени подробно описанный пункт заявки о «распространении европейских ценностей». Таким образом, Евросоюз, как актор ГОП, преследует свои, не всегда совпадающие с мнением возможных грантополучателей, цели. Тем не менее, эта Программа очень успешно реализуется среди студентов, магистрантов и ученых всего мира.

Сокращение общих студенческих субсидий, схем кредитования и налогов на выпускников и т. д. при одновременном поощрении инвестиций в начальное образование привело к децентрализации образовательных систем высшей подготовки, увеличению родительского вклада в основную стоимость зданий, книг и материалов, а также открытости для частного обеспечения образования.

Рассмотренные нами акторы ГОП оказывают надгосударственное и зачастую над-институциональное (по отношению к менее значимым фондам, организациям и объединениям) влияние на образовательную политику. И хотя в действиях и этих институтов мы можем проследить интересы тех или иных государств-лидеров, тем не менее, их монополия на влияние несколько сдерживается другими странами-участниками и, таким образом, сохраняется баланс интересов всех заинтересованных сторон. Такие, надгосударственные, социальные институты, безусловно, необходимы как активные акторы, выступающие гарантом вовлеченности всех стран-участниц в управление глобальными образовательными процессами, и, собственно, гарантом прогресса в сфере оказания образовательных услуг в мире в целом.

Все рассмотренные нами акторы различаются размером бюджета, наличием или отсутствием научной школы, аналитическим потенциалом сотрудников, но едины в том, что оказывают несомненное влияние на ГОП (посредством принятия решений о финансировании образовательных институтов и проектов, установления стандартов процесса обучения и качества образования, а также осуществления контроля за их соблюдением у многочисленных стран-членов), подвержены политическому влиянию и имеют амбициозные планы на будущее. Таким образом, мы можем прогнозировать их дальнейшее присутствие в информационном поле и ошутимое воздействие на образовательные процессы в мире. Преследование практически одних целей будет способствовать сохранению конкуренции между этими наднациональными глобальными акторами, что только усилит активность каждого из них в отдельности.

Мы рассмотрели влияние одних акторов на базовое среднее образование, также как и влияние других — на высшее образование. Политические мотивы, стоящие

за действиями практически каждого актора, достаточно очевидны. Если США оказывают сильное последовательное влияние на глобальную образовательную политику посредством доминирования в международных организациях, которые развивают доступное школьное образование, то Евросоюз (мы рассмотрели это на примере программы Эразмус+) действует более целенаправленно и сосредотачивает свои усилия на мировой арене преимущественно посредством избирательной поддержки образовательных проектов в высшей школе. Такое избирательное финансирование, помимо политической цели (распространение европейских ценностей), преследует также и цель прицельного headhunting-а, и, соответственно, тенденция «утечки мозгов» будет продолжаться. Роль России пока ограничивается бенчмаркингом и попыткой заимствования успешных практик, а также участием отдельных ученых и студентов в предлагаемых со стороны ЕС и США проектах.

Литература

1. *Иванова С. В., Елкина И. М.* Постмодернизм и качество образования (постановка проблемы) // Ценности и смыслы. 2016. № 6 (46). С. 115–124.
2. *Касаткин П. И.* Современное образование: функции и предназначение // Проблемы современного образования. 2017. № 5. С. 109–118.
3. *Лебедева М. М.* Мировая политика. М. : Аспект Пресс, 2016.
4. *The Handbook of Global Education Policy.* Edited by K. Mundy, A. Green, B. Lingard, A. Verger. West Sussex : John Wiley & Sons, Ltd. 2016. P. 313–433.
5. *UNICEF.* All Children, Everywhere: A Strategy for Basic Education and Gender Equality. New York : UNICEF, 2009.

Об авторе:

Байер Юлия Паулевна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; bayer-yp@ranepa.ru

References

1. *Ivanova S. V., Elkina I. M.* Postmodernism and quality of education (statement of a problem) // Values and meanings [Tsennosti i smysly]. 2016. N 6 (46). P. 115–124. (In rus)
2. *Kasatkin P. I.* Modern education: functions and purpose // Problems of modern education [Problemy sovremennogo obrazovaniya]. 2017. N 5. P. 109–118. (In rus)
3. *Lebedeva M. M.* World politics. M. : Aspect Press, 2016. (In rus)
4. *The Handbook of Global Education Policy.* Edited by K. Mundy, A. Green, B. Lingard, A. Verger. West Sussex : John Wiley & Sons, Ltd. 2016. P. 313–433.
5. *UNICEF.* All Children, Everywhere: A Strategy for Basic Education and Gender Equality. New York : UNICEF, 2009.

About the author:

Julia P. Bayer, PhD in Sociology, associate Professor of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); bayer-yp@ranepa.ru

Оценка конкурентоспособности российских косметических средств в целях импортозамещения

Кошелева О. Э. *, Николаев В. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kosha.5353@mail.ru

РЕФЕРАТ

В период «торговых войн» актуальным становится импортозамещение разных товаров народного потребления. В этом аспекте, а также с целью повышения конкурентоспособности товаров российского производства в статье рассмотрен вопрос оценки качества средств по уходу за волосами (шампуней). Проанализированы товароборот, категории шампуня и география поставок, результаты товароведческой экспертизы. К задачам товароведческой экспертизы в таможенных целях относят не только установление идентификационных признаков объектов исследования, но и оценку товаров с точки зрения безопасности для человека и окружающей среды. В работе приведена систематизация данных о качестве шампуней отечественного и импортного производства. Результатом работы являются обобщенные выводы для возможности импортозамещения шампуней на российском рынке.

Ключевые слова: импортозамещение, товароведческая экспертиза, косметика, шампунь, качество

Assessment of Competitiveness of the Russian Cosmetic Means in Order to Import Substitution

Olga E. Kosheleva*, Vladimir. V. Nikolaev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *kosha.5353@mail.ru

ABSTRACT

During the period of "trade wars" relevant import substitution of different consumer goods. In this aspect, as well as to improve the competitiveness of the goods of Russian origin in the article the question of assessing the quality of hair care products (shampoo). Turnover are analyzed, the category of shampoo and the geography of deliveries, commodity expert examination results. To the challenges of commodity expert examination for customs purposes include not only establishment of fingerprinting research objects, but also an assessment of the goods from the point of view of safety for man and the environment Wednesday. The work shows the systematization of data on the quality of domestic and imported shampoos. The result of the work is for the possibility of generalized conclusions of import substitution of shampoos in the Russian market.

Keywords: import substitution, commodity expert examination, cosmetics, shampoo, quality

В связи с непростой политической и экономической ситуацией в мире, встает вопрос об экономическом давлении на страны. В ответ на экономические санкции Россия взяла курс на импортозамещение разных видов продукции на внутреннем рынке. Несмотря на ряд сложностей, возникших при импортозамещении, с помощью соответствующих капиталовложений можно поднять престиж и уровень качества отечественных товаров, особенно на базе уже действующих предприятий, выпускающих продукцию по европейским технологиям с использованием импортного оборудова-

ния и сырья. Стимулирование отечественного производства за счет положительно-го влияния данного фактора предполагает рост экономики регионов и экономики страны в целом. Актуальность этого направления экономической деятельности определила стратегическую политику государства в развитии разных отраслей промышленности. Примером является, в частности, разработка Минпромторгом России Стратегии развития парфюмерной промышленности¹.

Ежегодное ужесточение санкций США и ЕС в отношении России требует ответных действий; к ним можно отнести введение ограничений на импорт парфюмерно-косметической продукции. Возможно, данные ограничительные меры вызовут недовольство части населения и увеличение ввоза контрафактной продукции. Для введения этих мер необходимо проанализировать состояние внутреннего рынка и результаты таможенной товароведческой экспертизы косметической продукции.

Одной из важнейших проблем товарного рынка является безопасность продукции, что в определенных условиях может вызвать ограничение импорта. Объем внешнего товарооборота шампуня за последние годы в денежном выражении представлен на рис. [2].

Импорт в Россию товаров из группы «шампуни» за период 2014–2017 гг. составил 610 млн долл., общий вес 171 тыс. т. В структуре на первом месте стоит импорт из Румынии (45%), во втором — из Италии (9%). Следовательно, введение ограничений на импорт шампуня может в первую очередь отразиться на деятельности предприятий Румынии. При этом эфирные масла и резиноиды; парфюмерные, косметические или туалетные средства составляют только 5% от общих поставок в Россию.

Производство шампуня может представлять токсическую опасность для человека (аллергические реакции) и экологическую для окружающей среды, что требует особого контроля как на внутреннем рынке, так и при импорте данного продукта. Вследствие этого возникает необходимость в проведении тщательной таможенной товароведческой экспертизы [1].

Косметические средства для ухода за волосами (шампуни) классифицируются в подсубпозиции 3305 10 000 0 ЕТН ВЭД ЕАЭС. В России шампуни производят с учетом технического регламента таможенного союза ТР ТС 009/2011 «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» и ГОСТ 31696-2012 «Продукция косметическая гигиеническая моющая. Общие технические условия», а главным документом, регламентирующим требования к косметике в ЕС, является Регламент № 1223/2009 Европейского Парламента и Совета от 30.11.2009 о косметической продукции. Регламент обязателен к исполнению (применению) во всех странах — членах ЕС, его требования не могут быть изменены на национальном уровне. Помимо Регламента, действуют еще два важных документа законодательства ЕС, обозначаемые как CMR и REACH — это документы, запрещающие или ограничивающие использование в продукции и в производстве (не только в косметике, но также в игрушках, электронном оборудовании и др.) канцерогенных, мутагенных и токсичных химических соединений.

При проведении экспертиз в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС, возникает необходимость установления не только идентификационных признаков объектов исследования, но и оценки потребительских свойств товаров с точки зрения их безопасности для человека и окружающей среды. Важно отметить, что перемещаемый товар и его упаковка становятся объектами реверсивной логистики [3].

¹ Минпромторг разработает Стратегию развития парфюмерной промышленности [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты». Рубрика: Экономика от 02.12.2017. URL: <https://rg.ru/2017/12/02/minpromtorg-razrabotaieiut-strategiiu-razvitiia-parfiumernoj-promyshlennosti.html> (дата обращения: 01.09.2018).

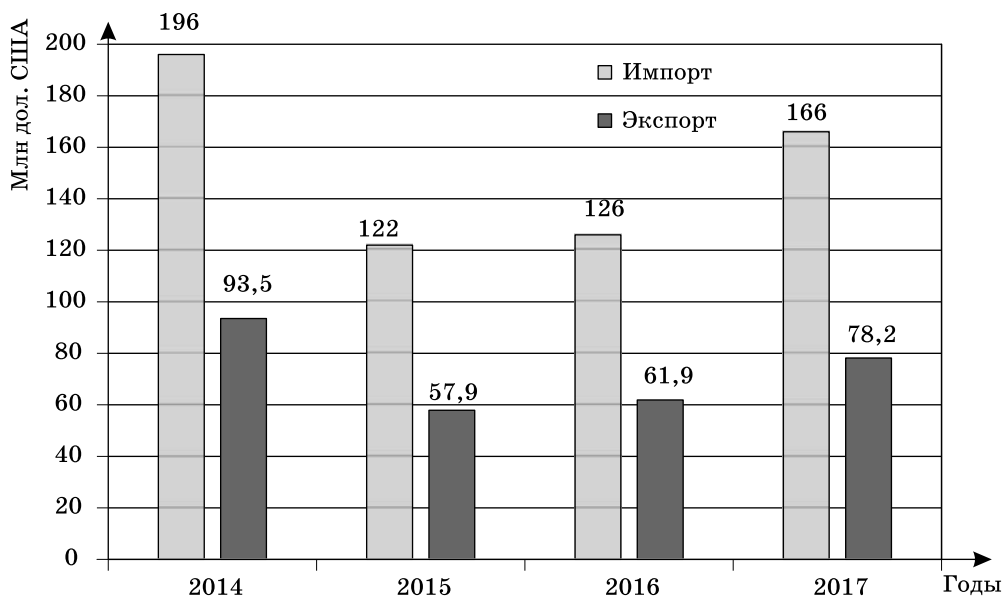

Рис. Внешний товарооборот шампуня в РФ
Fig. External commodity turnover of shampoo in the Russian Federation

Источник: Экспорт и импорт России по товарам и странам. Шампуни [Электронный ресурс] // Россия: Статистика внешней торговли. По данным ФТС России. Адрес доступа <http://ru-stat.com/date-Y2014-2017/RU/export/world/06330510> (дата обращения: 01.09.2018)

Объектами таможенной экспертизы могут быть товары, документы, упаковка и маркировка продукции, технологические процессы и др. В нашей работе основным объектом исследования являлись косметические изделия.

Косметическая продукция широко применяется в обычной жизни человека для повседневного ухода за кожей и волосами. Поскольку средства непосредственно соприкасаются с телом человека, они должны обладать повышенной безопасностью и необходимыми потребительскими характеристиками. Проверки Роспотребнадзора показали, что ряд импортных товаров не соответствует стандартам качества. В частности, в сфере бытовой и косметической продукции к таким товарам относят жидкие мыла, порошки, шампуни, бальзамы и пр. В работе изучались потребительские свойства одного из главных косметических средств — шампуня, экспериментальными методами проводился сопоставительный анализ продукции импортного и отечественного производства [5].

Актуальность исследования обусловлена разными требованиями к безопасности продукции, как отмечалось выше. Европейский Регламент, в отличие от ГОСТа 31696-2012, содержит более высокие требования к запрещенным в составе химическим и биологическим веществам, использующимся в качестве ингредиентов, национальный ГОСТ определяет безопасность и качество по конечному продукту. Важным вопросом остается конкуренция между отечественными и зарубежными производителями косметики. В этой связи, цель работы — проведение экспертизы качества средств по уходу за волосами, среди которых значительное место занимают шампуни.

При оценивании на первый план выступают известность марки (brand-name), позволяющая покупателю выделить товар из ряда равноконкурирующих марок,

качество оформления продукции и удобство пользования средством, в том числе его размеры и форма. На рынке товаров по уходу за волосами представлено большое количество зарубежных и российских компаний, продукция которых имеет определенные преимущества. Лидирующие позиции на рынке занимают транснациональные компании «L'Oreal», «Procter&Gamble», «Londa», «Wella», «Schwarzkopf», «Lumene», «Revlon», «Oriflame», «Avon» и ряд других. Среди российских производителей свою продукцию на рынке реализуют компании «Faberlic», концерн «Калина» и прочие.

Для достижения конкурентных преимуществ производители косметических товаров стремятся к постоянному расширению ассортиментной линейки средств по уходу за волосами. В достаточно широком ассортименте на рынке представлены шампуни, бальзамы, кондиционеры, лосьоны, муссы, тоники, краски, гели и другие косметические средства. Каждый вид продуктов включает несколько подвидов, предназначенных для разных групп целевой аудитории: шампуни для мужчин, для детей, против перхоти, «2 в 1», «3 в 1» и т. д. [2, 5]. Цель ассортиментной политики производящих и торгующих фирм — продажа косметического продукта большому кругу потребителей. Классификация средств по уходу за волосами представлена в табл. 1.

Деление шампуней по приведенным в таблице признакам условно, так как в современном шампуне обычно сочетаются признаки разных групп. Шампуни отличаются по составу, концентрации активных и вспомогательных ингредиентов, консистенции (жидкие, кремообразные, желеобразные, сухие) [4]. Качество шампуня в большой степени обусловлено природой моющего поверхностно-активного вещества (ПАВ), наличием в составе полезных добавок и сбалансированностью ингредиентов [6].

Шампунь представляет собой водно-спиртовой или водный раствор поверхностно-активных веществ с парфюмерными отдушками и специальными добавками для гигиенического ухода за волосами. Моющей основой являются амфотерные ПАВ, обладающие моющим действием в кислой или щелочной среде и в жесткой воде. Объектами товароведческой экспертизы по оценке качества и проведению сопоставительного анализа были образцы импортных шампуней («Pantene Pro-V», «Shantuu», «Head&Shoulders», «Syoss», «Timotei») и образцы шампуней отечественного производства: «Schauma», «Сто рецептов красоты», «Чистая линия. Фитотерапия» (табл. 2).

Отбор образцов продукции для экспертизы проводился в соответствии с ГОСТ 29188.0-91 «Изделия парфюмерно-косметические. Правила приемки, отбор проб, методы органолептических испытаний» и с учетом ценовой категории и фирмы-производителя. Для определения качества изделий применяли органолептические и физико-химические методы, проверяли соответствие требованиям ТР ТС 009/2011 «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» и ГОСТ 31696-2012 «Продукция косметическая гигиеническая моющая. Общие технические условия».

Поскольку качественные характеристики товара трудно оценивать органолептическими (с помощью органов чувств) методами, их стремятся привести к количественным оценкам; обычно разрабатывают балльную систему, в которой фактические результаты сравнивают с базовыми показателями. Часто в качестве базовых используют ГОСТы [1]. К экспертизе товаров привлекают нескольких опытных экспертов, которые вырабатывают независимое компетентное заключение. Принцип объективности оценки товара достигается высоким профессионализмом экспертов.

К органолептическим показателям качества относят внешний вид, цвет, консистенцию и запах. Внешний вид, цвет и консистенцию шампуней эмульсионных, кремообразных и желеобразных изучают просмотром пробы, распределенной тонким ровным слоем на предметном стекле или листе белой бумаги. Однородность сред-

Таблица 1

Классификация средств по уходу за волосами

Table 1. Classification of care products for hair

Классификационный признак	Классификационная группа
Гигиенические	Средства для мытья волос (шампуни)
	Средства для ухода после шампуня (ополаскивания)
	Уход без ополаскивания
Лечебно-профилактические	Уход за кожей головы
	Уход за волосами
	Комплексного действия
Декоративные средства	Для фиксации волос (моделирование, укладка, сохранение прически)
	Изменение цвета (окрашивание), химическая завивка

Таблица 2

Объекты исследования

Table 2. Research objects

№ образца	Наименование шампуня	Производитель	Примечание
1	Pantene Pro-V	Procter&Gamble	Производство Румыния
2	Shamtu	Procter&Gamble	Производство Румыния
3	Head&Shoulders	Procter&Gamble	Производство Румыния
4	Syoss	Schwarzkopf&Henkel	Производство Россия Сырье импорт, Россия
5	Timotei	Unilever	Производство Россия Сырье импорт, Россия
6	Schauma для мужчин	ООО «Арнест», г. Невинномысск	Производство Россия Сырье импорт, Россия
7	Сто рецептов красоты	ОАО Концерн «Калина», г. Екатеринбург	Производство Россия Сырье импорт, Россия
8	Чистая линия. Фитотерапия	ОАО Концерн «Калина», г. Екатеринбург	Производство Россия Сырье импорт, Россия

ства, т.е. отсутствие крупинок или комков, определяют путем легкого растирания пробы пальцами (в современных шампунях допускаются вкрапления). Запах шампуня (предварительно готовят его 10%-й водный раствор) оценивают при температуре 40–45 °С.

К физико-химическим показателям качества относят водородный показатель (рН), его пенообразующую способность и массовую долю хлоридов. Показатель рН в работе определяли по ГОСТ 29188.2-91 «Изделия косметические. Метод определения водородного показателя рН». В соответствии с ГОСТ 22567.1-77 пенообразующую способность шампуней анализировали по высоте столба пены, измеренной после интенсивного перемешивания средства в течение 30 с (пенное число), через 5 мин.

определяли высоту этого столба для оценки устойчивости пены. Появление густой и устойчивой пены характеризует потребительское преимущество шампуня. Качество образующейся пены влияет на степень чистоты волос: капельки жира и грязи, отрывающиеся при мытье от поверхности волоса, должны удерживаться в объеме пены, что исключает их повторное оседание на волосе (это считается главным недостатком мыла при мытье волос). Массовую долю хлоридов определяют по ГОСТ 26878-86 «Шампуни для ухода за волосами и для ванн» путем титрования пробы шампуня раствором азотнокислого серебра в присутствии индикатора.

В комплексную оценку качества были включены следующие характеристики шампуня: цвет, запах, консистенция, пенообразующая способность, значение pH, размеры и удобство пользования флаконом. Все показатели исследуемых образцов удовлетворяли нормам ГОСТа. В табл. 3 и табл. 4 приведены результаты исследований физико-химических показателей образцов шампуня и их комплексная оценка.

По ГОСТ 31696-2012 «Продукция косметическая гигиеническая моющая. Общие технические условия» значение pH шампуня должно составлять 5,0–8,5. Величина этого показателя в диапазоне 5,0–6,0 соответствует pH кожи головы, поэтому не оказывает негативного действия на кожу, свойственного более высоким значениям pH. С целью корректировки величины водородного показателя в состав шампуня добавляют мягкие кислоты или щелочи. Было установлено, что по величине pH все исследуемые образцы шампуня удовлетворяли требованиям стандарта.

Для придания пене устойчивости в состав шампуня вводят кокосовые жирные масла, моно- и диэтаноламида жирных кислот, кокамидопропилбетаины или модифицированные силиконы. По показателю пенообразующей способности исследуемые образцы шампуня соответствовали требованиям ГОСТа¹. Для повышения вязкости в шампунь вводят хлорид натрия. Массовая доля хлоридов по ГОСТ 31696-2012 не должна превышать 6%; значения показателя для всех образцов шампуня соответствовали требованиям ГОСТа.

Лучшими из исследуемых образцов шампуня импортного производства оказались шампуни «Pantene Pro-V» и «Syoss» с хорошей пенообразующей способностью (340 и 230 мм соответственно) и с комфортным для кожи значением pH (соответственно 6,5 и 6,1). Шампунь «Head&Shoulders» также имеет большое пенное число, но его pH-показатель нейтральный. Для шампуней марок «Shamtu» и «Timotei» характерна кислая область pH и слабое пенообразование (100 и 80 мм соответственно). По результатам анализа представленных импортных образцов лучшими видами шампуня можно считать «Pantene Pro-V» и «Syoss».

На основании товароведческой экспертизы средств по уходу за волосами было установлено, что отечественные шампуни по качеству не уступают аналогам зарубежных фирм. Косметическая продукция концерна «Калина» также имеет хорошие физико-химические показатели и комплексную оценку качества. Безопасность косметической продукции гарантирована проведением гигиенических, ветеринарных и экологических экспертиз.

В соответствии с Техническим регламентом таможенного союза ТР ТС 009/2011 «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» и ГОСТ 31696-2012 «Продукция косметическая гигиеническая моющая. Общие технические условия» все моющие средства не могут отрицательно влиять на здоровье человека и содержать запрещенные к применению химические вещества. В состав шампуня может входить до 20–30 разных ингредиентов с высокой степенью чистоты. С этой позиции правительство России пытается определить химические предприятия страны, готовые поставлять на косметический рынок сырье высокого качества, чтобы на его осно-

¹ ГОСТ 31696-2012 «Продукция косметическая гигиеническая моющая. Общие технические условия».

Таблица 3

Физико-химические показатели качества импортных шампуней
 Table 3. Physical and chemical indicators of quality of imported shampoos

Показатель	Номер образца					Норма по ГОСТ
	1	2	3	4	5	
Водородный показатель (pH)	6,5	5,2	7,0	6,1	5,4	5,0–8,5
Пенное число, мм	340,6	100,1	350,2	230,0	80,0	не менее 100
Устойчивость пены	0,80	0,90	0,97	0,83	0,81	не менее 0,8
Массовая доля хлоридов, %	3,57	5,17	3,25	3,68	6,00	не более 6,0
Комплексная оценка, баллы	4,97	4,78	4,67	4,82	4,93	

Таблица 4

Физико-химические показатели качества шампуней отечественного производства
 Table 4. Physical and chemical indicators of quality of domestic shampoos

Показатель	Номер образца			Норма по ГОСТ
	6	7	8	
Водородный показатель (pH)	5,6	6,7	6,4	5,0–8,5
Пенное число, мм	100,1	325,4	230,2	не менее 100
Устойчивость пены	0,91	0,90	0,74	не менее 0,8
Массовая доля хлоридов, %	3,23	3,64	5,51	не более 6,0
Комплексная оценка, баллы	4,73	4,92	4,80	

ве организовать выпуск товаров, достойно конкурирующих с мировыми аналогами.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что сегодня пристальное внимание уделяется вопросам импортозамещения в ответ на санкции к Российской Федерации. В результате ограничения ввоза ряда товаров, включая товары народного потребления, важным вопросом становится возможность обеспечения качественным и безопасным продуктом населения нашей страны.

При рассмотрении вопроса необходимо учитывать объемы товарооборота исследуемого вида продукции и географию стран. В работе уставлено, что внешний товарооборот шампуней составил 610 млн долл., при этом 40% импорта приходится на Румынию. Для определения качества собственной продукции и возможности ее конкурирования на мировом рынке была проведена экспертиза шампуней. Она показала соответствие продукта российским стандартам. Экспертиза шампуней разных марок показала, что потребительские свойства изученных образцов примерно одинаковы, что свидетельствует о конкурентоспособности на мировом рынке средств по уходу за волосами российского производства.

Литература

1. Кузнецова Ю., Кузнецова О. Ю. Разработка и исследование космецевтических средств с биологически активными композициями чаги. 3. Пеннообразующие композиции (шампуни). Космецевтические гели // Вестник Казанского технологического университета. 2014. №11. С. 139–142.
2. Кузякова Л. М., Умнова О. А., Бутова О. А. Анализ современного рынка парфюмерно-косметической продукции и особенности форм ее продвижения на рынке // Сборник научных трудов ВНИИОК. 2013. № 6. С. 389–392.

3. Курицына Н. И., Абуев Н. М. Рециклинг как область реверсивной логистики // Вестник Национальной академии туризма. 2018. № 2. С. 71–72.
4. Лазарева Т. В., Смирнова Г. Е. Техническое регулирование безопасного обращения парфюмерно-косметической продукции в таможенном Союзе // Успехи в химии и химической технологии. 2015. № 2. С. 34–36.
5. Николаева М. А., Ний А. А. Анализ состояния и тенденций парфюмерно-косметического рынка в России [Электронный ресурс] // Экономические исследования. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sostoyaniya-i-tendentsiy-parfyumerno-kosmeticheskogo-rynka-v-rossii> (дата обращения: 29.09.2018).
6. Шигабиева Ю. А., Богданова С. А. Анализ пенообразующих свойств амфифильных компонентов для детского шампуня // Вестник Казанского технологического университета. 2015. № 4. С. 165–167.

Об авторах:

Коселева Ольга Эдуардовна, профессор кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор технических наук; kosha.5353@mail.ru

Николаев Владимир Викторович, доцент кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; nikolaevv@list.ru

References

1. Kuznetsova Yu., Kuznetsova O.Yu. *Development and research of cosmeceutical means with biologically active compositions of chaga*. 3. Foaming compositions (shampoos). Cosmeceutical gels // Bulletin of the Kazan Technological University [Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta]. 2014. N 11. P. 139–142. (In rus)
2. Kuzyakova L. M., Umnova O. A., Butova O. A. *Analysis of the modern market of perfumery and cosmetic products and peculiarities of its promotion in the market* // Collection of Scientific Labor of the All-Russian Scientific Research Institute of Health And Coating [Sbornik nauchnykh trudov VNIIOK]. 2013. N 6. P. 389–392. (In rus)
3. Kuritsyna N. I., Abuev N. M. *Recycling as an area of reversible logics* // Bulletin of the National Academy of Tourism [Vestnik Natsional'noi akademii turizma]. 2018. N 2. P. 71–72. (In rus)
4. Lazareva T. V., Smirnova G. E. *Technical regulation of the safe circulation of perfumery and cosmetic products in the customs union* // Advances in Chemistry and Chemical Technology [Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii.]. 2015. N 2. P. 34–36. (In rus)
5. Nikolaeva M. A., Niy A. A. *The analysis of a condition and tendencies of the perfumery-no-cosmetic market in Russia* [Electronic resource] // Economic researches [Ekonomicheskie issledovaniya]. 2017. N 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sostoyaniya-i-tendentsiy-parfyumerno-kosmeticheskogo-rynka-v-rossii> (date of access: 29.09.2018) (In rus)
6. Shigabieva Yu. A., Bogdanova S. A. Analysis of foaming properties of amphiphilic components for children's shampoo // Bulletin of the Kazan Technological University [Ekonomicheskie issledovaniya]. 2015. N 4. P. 165–167. (In rus)

About the authors:

Olga E. Kosheleva, Professor of the Chair of the Customs Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Technical Sciences; kosha.5353@mail.ru

Vladimir V. Nikolaev, Associate Professor of the Chair of the Customs Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; nikolaevv@list.ru

Проблемы обеспечения качества экспертной деятельности (на материале экспертизы информационной продукции в РФ)*

Крашенинникова Ю. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; jkrashenninnikova@hse.ru

РЕФЕРАТ

Несколько лет назад в Российской Федерации появился новый вид экспертизы — экспертиза информационной продукции в соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ. В статье на материале данного кейса анализируются проблемы обеспечения качества экспертной деятельности, результаты которой используются для целей государственного управления, и возможные механизмы их преодоления. Эмпирической базой стали тексты экспертных заключений за 2013–2017 гг., а также полуструктурированные интервью с аккредитованными экспертами Роскомнадзора. Показано, что в этой области периодически возникают ситуации, которые ставят под сомнение качество экспертной работы даже исходя из формальных критериев соответствия закону и правилам подготовки научных текстов. В то же время, процедуры обеспечения качества либо не предусмотрены нормативно, либо не действуют на практике. В отсутствие единых методик, единой научной базы, единого формата заключения результаты экспертиз разнятся, а контроля со стороны самого экспертного сообщества или государства как основного потребителя фактически нет. Парадоксальным образом субъективность мнения эксперта считается нормой. Этим создаются условия для того, чтобы экспертиза воспринималась заинтересованными сторонами не как вспомогательное средство выполнения закона о детской медиабезопасности, а как самостоятельный инструмент воздействия на медиаполе и защиты интересов.

Ключевые слова: эксперты, возрастные рейтинги, экспертиза информационной продукции, детская медиабезопасность, медиа, контроль качества

The Problems of Ensuring the Quality of Experts' Work: the Case of Media Content Evaluation in the Russian Federation

Yulia A. Krashenninnikova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation; jkrashenninnikova@hse.ru

ABSTRACT

The paper deals with the problems of ensuring the quality of expert's activities which results are used in public administration. As a case, one type of expert evaluation is examined. This type has appeared about six years ago, according to the Federal Law N 436-FZ On Protecting Children from Information Harmful to Their Health and Development, with the purpose to assess the age rating of media content in difficult or disputable cases. The research focuses on two topics: what errors and abuses happen in the practice of expert evaluations; how the procedures of quality ensuring work. Empirical data for analysis include the texts of expert evaluations over the period 2013–2017 years (N 105) and semi-structured interviews with accredited experts (N 10). It was revealed that the quality of expert evaluations is diverse and in some cases is far from satisfactory. Some evalu-

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Практики экспертизы в российском государственном управлении» (№ 2016-002), финансируемого Фондом поддержки социальных исследований «Хамовники».

ations can be questioned because of their noncompliance with the law and formal criteria of academic papers. Meanwhile, obvious procedures to ensure quality are not designed in the law or exist but do not actually work. The results of evaluations of similar products differ from each other because of the absence of common methods, common theoretical ground, and unified format of evaluation. The government control of the experts' work quality and the self-regulation of expert community are very weak. Those circumstances create conditions for distorted attitude of stakeholders to expert evaluation: not as a supplement tool for enforcement of the law on children media safety but as self-sufficient instrument of private interest protection and influence on media.

Keywords: experts, age ratings, age classification system, children media safety, media, quality control

Введение

Предметную нишу настоящей работы в тематически и дисциплинарно очень широком спектре исследований экспертов и экспертности можно определить как изучение повседневных практик рутинных экспертиз, используемых в государственном управлении. Последние десятилетия осмысление роли экспертов и научно-технического знания в политическом процессе, в принятии решений и, шире, в современных обществах риска стало мейнстримным в социальных науках. При этом в центре внимания исследователей оказываются официальные и неформальные услуги советников и консультантов из научного сообщества, востребованных при выработке государственной политики в той или иной области, как в западных демократиях [19–24; 27; 30; 32], так и в российских реалиях [1; 12; 14; 17; 18; 25]. Однако помимо этого, есть малозаметная, но массовая экспертная деятельность, в которой специалисты из той или иной области обслуживают задачи бюрократии за пределами нормотворчества: для рассмотрения спорных ситуаций, оценки соответствия требованиям и так далее. В российском контексте это существенная часть жизни государства. Например, по данным О. С. Ивановой и С. М. Плаксина, на 2008 г. в административных регламентах федеральных исполнительных органов власти было зафиксировано более 70 государственных функций, для реализации которых предписывалось привлекать экспертные организации [7]. На 2011 г. 107 административных регламентов предполагали привлечение экспертов в рамках реализации контрольно-надзорных функций государства [11]. Хотя эксперт здесь имеет дело с конкретными случаями, его работа часто имеет значение для общества в целом: от нее зависит, будет ли жителям России доступно то или иное лекарство, будет ли безопасен тот или иной строительный объект, будет ли находиться в открытом доступе тот или иной медиаконтент и т. д.

Именуемая экспертизой одновременно в научном и юридическом поле, такая деятельность примечательна тем, что признана государством и институционально оформлена как источник специализированного знания для нужд управления — с определенным набором правил, которые призваны обеспечить ее качество и ценность. Ключевые вопросы здесь касаются именно правил. Насколько установленные процедуры эффективны и работают ли они вообще? Можно ли с их помощью обеспечить объективность экспертизы, или ее задача в любом случае сводится лишь к легитимации решений? Представляется, что ответы на них нельзя найти с помощью моделирования или теоретизирования — они лежат в плоскости анализа практик экспертиз, с учетом разнообразия их дизайна. Разумеется, вряд ли таким образом удастся подобрать универсальный рецепт, однако можно понять, какие процедуры оказываются неэффективными и почему.

В статье действенность инструментов обеспечения качества экспертной работы рассматривается на материале одного из видов экспертиз, возникшего в нашей

стране относительно недавно, в 2012 г. Это экспертиза различного медиаконтента (фильмы, теле- и радиопередачи, пресса, книги, спектакли и многое другое) на предмет наличия в ней информации, причиняющей вред здоровью или развитию детей. Она была установлена Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ (далее по тексту — закон) как один из элементов системы детской медиабезопасности.

Сама эта система, основанная на идеях возрастной классификации контента и соответствующего ограничения доступа детей к нему, долгое время обсуждалась в России, но была создана позднее многих других государств. При этом модель, на которой остановились законодатели, обладает значительной спецификой, по сравнению с зарубежными аналогами [8]. В ней обнаружение угроз возлагается на самих производителей и распространителей информации, однако широк круг продукции, попадающей под действие закона, и внушителен список запрещенного для детей контента (в частности, он включает оправдание противоправного поведения, отрицание семейных ценностей и пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений).

Экспертиза проводится в этой системе тогда, когда кто-то не согласен с уже присвоенной возрастной категорией произведения, либо сам участник рынка сомневается в своей компетенции. На основании заключения эксперта государственный орган, Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций РФ (Роскомнадзор) принимает решение о том, соответствует ли конкретная информационная продукция требованиям закона или нет, и выносит предписание об устранении нарушения. Иными словами, предполагается, что обнаружить потенциально опасный для детей контент может любой человек, функции же экспертизы — разрешение споров, устранение злоупотреблений и легитимация действий государства, контролирующего соблюдение закона.

Законодательно установлено, что данный вид экспертизы не только не обязателен для участников рынка, но и имеет рыночно-договорную основу. Заказчиком может быть любое физическое или юридическое лицо, согласное оплатить работу эксперта. Он сам выбирает исполнителя из реестров аккредитованных Роскомнадзором экспертов и экспертных организаций и договаривается с ним, включая вопросы стоимости услуг. Условия аккредитации же относительно мягкие, поэтому состав экспертного корпуса разнородный, и заказчик при желании может выбрать исполнителя исходя как из его репутации, так и близости идейных позиций или дешевизны работы.

В таком дизайне экспертизы есть два существенных противоречия. Во-первых, он предполагает, что определение возрастной категории медиаконтента — задача, не требующая специальных знаний, однако экспертиза все же предусмотрена, причем с правовыми последствиями. Такая необязательность экспертизы размывает ее экспертный характер. Во-вторых, функция арбитража, которая возлагается на экспертизу, подразумевает полную беспристрастность эксперта, однако рыночно-договорные отношения с заказчиком создают благоприятную почву для ангажированности и злоупотреблений.

Результаты пятилетнего существования данного института свидетельствуют о его низкой востребованности и среди поставщиков знания, и тех, кто мог бы воспользоваться их услугами: в реестрах по состоянию на 31 декабря 2017 г. насчитывалось 139 аккредитованных экспертов (из которых только 22 проводили экспертизы) и 18 экспертных организаций, а на сайте Роскомнадзора, где экспертные заключения размещаются в обязательном порядке, находилось 105 заключений.

Последние и составили основу эмпирической базы настоящей работы. Исследование ограничено периодом до конца 2017 г., экспертизы 2018 г. в нем не рас-

сматривались. Тексты заключений оценивались на предмет соответствия требованиям закона и общим критериям научных продуктов, единообразия подходов и аргументации. Для понимания внутренней логики экспертной работы и отношения исполнителей к тем или иным процедурам использовались данные полуструктурированных интервью с 10 аккредитованными экспертами Роскомнадзора. Интервью состоялись в 2017–2018 гг. в пяти разных субъектах РФ, включая Москву. Из 10 информантов 7 на момент интервью имели опыт подготовки экспертных заключений на информационную продукцию, 3 — были аккредитованы Роскомнадзором, но ни разу не проводили экспертизу. Также при анализе ситуации использовались материалы неструктурированных бесед с двумя представителями производителей информационной продукции, в отношении которой проводилась экспертиза. Все разговоры проводились на условиях анонимности информантов. В тексте статьи цитаты из интервью выделены курсивом. Автор выражает глубокую признательность участникам интервью за помощь в исследовании.

Статья состоит из двух частей: сначала проанализированы инструменты обеспечения качества экспертизы; затем оценены тексты экспертных заключений, которые и позволяют судить об эффективности работы данных инструментов.

Исследование кейса предполагает фокусировку лишь на одной разновидности экспертизы, без сопоставления с другими. Вместе с тем, оценка тех или иных процедур требует некоего ориентира, и в качестве него в работе используется институт судебных экспертиз, как он сложился в нашей стране. Нередко звучат обвинения в ангажированности и некачественной работе судебных экспертов, что провоцирует серьезные дискуссии об эффективности правил их работы, с участием как правоприменителей и самих экспертов, так и социальных ученых [2; 4–6; 9; 10; 13; 16; 18]. Этого пока не наблюдается в отношении экспертизы информационной продукции и многих других видов экспертизы, применяемых в государственном управлении.

Механизмы обеспечения качества экспертной работы

Экспертиза по сути является прикладным исследованием с целью ответить на вопросы, поставленные заказчиком. Хотя его отличия от «чистой» науки предполагают и особый характер оценки качества, основанный на модели «добродетельного разума» [26], к экспертному знанию все же обычно предъявляют критерии успеха и валидности, характерные для научного знания [22]. Валидность предполагает, что в идеале эпистемологически надежное знание не должно оставлять пространства для интерпретаций, для оспаривания и для неправильного употребления [29, р. 8].

Аналитически можно выделить несколько механизмов обеспечения качества. Базовым является отбор подходящих экспертов — сама идея экспертизы базируется на доверии дилетантов к мнению людей, обладающих, по их мнению, компетенцией в определенной сфере [15]. Однако и процедуры исследования могут быть организованы таким образом, чтобы минимизировать субъективизм, ангажированность и ошибки.

Прежде всего, важно наличие четких критериев, на основании которых можно разграничивать плохую и хорошую работу. Далее, общепринятые методики и стандарты представления результатов формируют основания для сопоставимости предметов исследования и снижают субъективность выводов. Это обеспечивает, как и в академической науке, валидность экспертного знания, его эпистемологическую надежность [29]. Примеры отечественных дискуссий вокруг методик, которые используют представители социальных и гуманитарных наук, выступающие в качестве судебных экспертов, показывают критическую значимость данного механизма [2;

3; 5]. Наконец, существуют инструменты оценки качества работы эксперта и критики его выводов со стороны коллег, широкой публики и субъекта, который пользуется результатами экспертизы, т. е. органа государственной власти. Эти механизмы обеспечивают прозрачность и публичность производства экспертного знания, а значит — доверие к нему, а также его дистанцию от потребителя-государства [29]. Коллективный труд экспертов, в котором есть место дискуссии и документальной фиксации всех этапов работы, считается наиболее подходящим для обеспечения качества производимого экспертного знания [28; 31]. В исследуемом случае, где эксперт работает индивидуально, оценки со стороны коллег, общества и государства могут служить частичной заменой коллективного обсуждения.

Как эти механизмы работают в случае экспертизы информационной продукции в России?

В нормативных актах процесс проведения экспертизы не регламентирован подробно. Закон предъявляет требования к содержанию экспертного заключения лишь в части наличия нескольких обязательных блоков информации (п. 1. ст. 18 закона № 436-ФЗ). Порядок проведения экспертизы говорит о том, что эксперт должен «обеспечивать объективность, всесторонность и полноту проводимых исследований, а также достоверность и обоснованность своих выводов», и «самостоятельно оценивать результаты исследований, полученные им лично и другими экспертами, ответственно и точно формулировать выводы в пределах своей компетенции» (п. 18)¹. Эти формулировки отражают представление об экспертизе как прикладном научном исследовании, однако точных требований к процедуре, методам экспертизы и формату экспертного заключения нет, как не сформулировано критериев качества, по которым можно было бы оценивать экспертизу.

Слабая нормативная регламентация в данном случае не может компенсироваться саморегулированием с помощью профессиональных норм людей, которые дают оценку информационной продукции. Корпус аккредитованных экспертов неоднороден с точки зрения профессиональных занятий, академического статуса и опыта экспертной деятельности в других сферах (среди них есть ученые в области психологии и педагогики, психологи-практики, судебные юристы и эксперты, школьные учителя, библиотекари), поэтому заимствовать нормы из какой-то одной профессиональной среды не получается. За пять лет не сложилось и единого экспертного сообщества. У прошедших аккредитацию экспертов и экспертных организаций нет взаимодействия друг с другом, за исключением личных связей и контактов, нет единых площадок для коммуникаций, нет общей базы знаний и способов выработки единых позиций.

Общепринятой и утвержденной методики работы также нет. В качестве ориентира для многих экспертов служили рекомендации, данные в приложениях к Концепции информационной безопасности детей. Этот документ был разработан рабочей группой при Уполномоченном по правам ребенка при Президенте РФ в 2013 г. с целью практического руководства по классификации информационной продукции как для участников медиарынка, так и для экспертов. Ссылки на него и даже выдержки из него встречались во многих экспертных заключениях, часто — как обоснование методики экспертизы или вместо него. Однако единым и официальным руководством этот документ так и не стал². Как отмечали некоторые информанты, для них рекомендации оказывались недостаточными и не всегда убедительными,

¹ Приказ Минкомсвязи России от 29.08.2012 № 217 «Об утверждении порядка проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей».

² Возможной причиной этого является то, что этот документ, изначально общедоступный на сайте Роскомнадзора, в 2015 г. был заменен там на другой — Концепцию информационной безопасности детей, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р. Однако вторая концепция, которую можно отнести к документам стратегического планирования, полностью лишена каких-либо рекомендаций по классификации и экспертизе.

потому они относились к ним как к одному из возможных руководств: «Как эксперт я считаю возможным либо соглашаться с концепцией, либо не соглашаться, то есть аргументированно ее не использовать» (инф. 6); «Что-то я из нее беру, но что-то и добавляю, когда мне кажется, что продукция еще содержит опасности, которые в этой концепции не описаны» (инф. 2).

Также нет и единой научной базы для оценки вреда той или иной информации для детей. В текстах экспертных заключений можно встретить ссылки на Л. С. Выготского и других классиков психологии, но не на современные исследования, основанные на эмпирическом материале, например, о влиянии насилия на телеэкране на поведение детей. При этом для экспертов, участвовавших в интервью, вопрос о теоретической основе экспертизы оказался не актуален. По словам одного из них, «психология вообще сложная наука, потому что изучает сложный предмет — психику человека. Поэтому, да, наверное, здесь всегда будут разные взгляды, тем более что и в самой психологии есть разные взгляды» (инф. 2).

Возможно, для самих экспертов отсутствие единого подхода, включающего общепринятые понятия, алгоритм и критерии оценки воздействия информации на детей, не является значимой проблемой. Однако на практике методическое разнообразие, в сочетании с размытыми законодательными формулировками опасной информации, приводит к разнице выводов. Получается, что в зависимости от того, каких позиций придерживается конкретный эксперт, от того, как лично он понимает тот или иной термин, зависит, обнаружит он опасную для детей информацию или нет.

Прежде всего, разница видна в трактовке понятия «побуждение»¹. Одни эксперты исходят из того, что побуждение — это прямой призыв к действиям, когда создатель медиапродукта сознательно закладывает в него определенное сообщение для потребителя. Например, в заключении на книгу-блокнот с провокационным названием «Уничтожь меня везде!» В. Ф. Енгальчев отмечает, что задания для читателя, которые ставит автор, «при беглом поверхностном просмотре текстов» могут показаться «якобы не соответствующими принятым нравственным нормам поведения, этическим представлениям, культурно-эстетическим ценностям», но их следует расценивать как иронию². Другие эксперты говорят о побуждении, даже когда есть небольшой риск того, что изображение и текст прямо или косвенно потенциально повлияют на поведение ребенка. С точки зрения В. С. Пробыловой, оценивавшей ту же книгу «Уничтожь меня везде!», побуждение в ней присутствует, так как «автор использует средства психологического воздействия, связанные с привлечением внимания, подражанием, внушением, поддержанием интереса читателя к книге»³.

Такие характеризующие опасную информацию формулировки закона как «способная вызвать у детей» и «обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия» также интерпретируются экспертами по-разному. Так, под обоснованием/оправданием один может понимать явное одобрение со стороны автора произведения, а в другой — любое упоминание, которое не содержит прямого осуждения. Например, В. А. Шустова находит информацию категории «18+» в сцене кинофильма «Матильда», где будущий царь Николай в плохом настроении стреляет по

¹ Согласно п. 2.1. ст. 5 закона, в Российской Федерации запрещена для распространения среди детей информация, «побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству».

² Енгальчев В. Ф. Экспертное заключение от 30.03.2017, с. 12 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Engalychiev._Zakljuchenie._Bloknot.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

³ Пробылова В. С. Экспертное заключение от 24.10.2017, с. 28 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/JEkspertnoe_zakljuchenie._Probylova.21.11.2017.tiff (дата обращения: 01.04.2018).

воронам, поскольку создатели фильма явно не осуждают действия героя, т.е. «эпизод не содержит отрицательного, осуждающего отношения к применению насилия по отношению к животным»¹. Прямо противоположный вывод в похожей ситуации делает А. Ш. Тхостов в заключении на серию мультсериала «Южный парк»: «Исследуемый сюжет не содержит оценочной составляющей. Игнорирование оценочного действия относительно поступка персонажа не означает его оправдания или признания допустимым»².

Единых официальных требований к тому, как должно выглядеть экспертное заключение, также нет. По словам информантов, они испытывали затруднения при подготовке первого заключения, искали образцы в интернете, ориентировались на работы коллег. Однако, по их мнению, какой-либо единый формат не нужен: «Если стандартизация будет спущена сверху, часть экспертного сообщества будет возмущаться, что их эта форма не устраивает» (инф. 6); «я считаю, что достаточно высокого уровня компетенции специалист, чтобы работать без шаблонов» (инф. 9). На практике это приводит к тому, что объем заключений варьируется от 2 до 67 страниц, а структура текстов отражает разнообразие представлений о том, что такое экспертное исследование, и что можно назвать обоснованностью выводов. Академические стандарты здесь не приживаются, поскольку далеко не все эксперты являются представителями научной среды, где есть общепринятые требования к изложению результатов исследования.

Когда отсутствуют жесткие стандарты и понимание их необходимости, неудивительно появление парадоксального мнения о том, что суждение эксперта неизбежно носит субъективный характер: «В любом случае, экспертиза — это с примесью субъективной точки зрения эксперта, правильно же?» (инф. 9); «каждый отстаивает свою точку зрения; от того, что кто-то [из экспертов] написал «16+», меня в этом не убедить» (инф. 10).

В анализируемом кейсе также не принято рецензирование экспертных заключений, аналогичному тому, что существует в области судебной экспертизы, как и в целом нет процедур оценки равными на предмет научной обоснованности (peer-review). Отсутствует и контроль со стороны коллег-экспертов в более широком смысле — как возможность публичной критики готовых экспертных заключений. Вообще случаи, когда результаты экспертизы вызвали резонанс в профессиональной среде специалистов по возрастной психологии, очень редки. Единственный яркий эпизод, нашедший отражение в СМИ, был связан с судебным разбирательством по поводу пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних. В ответ на экспертизу материалов группы «Дети-404» в социальной сети «ВКонтакте» в «Новой газете» было опубликовано мнение заведующей кафедрой психогенетики факультета психологии МГУ М.С. Егоровой. В нем говорилось, что в тексте экспертного заключения «нарушены всевозможные профессиональные и этические нормы», а само оно дискредитирует профессию психолога³.

Аккредитованные эксперты, принимавшие участие в интервью, в основном демонстрировали нежелание оценивать труд коллег, хотя некоторые упоминали о том, что отдельные заключения им казались непрофессиональными: «Я видела экспер-

¹ ООО «Юридическое бюро Юрьева. Экспертное заключение от 04.10.2017 № 19, с. 10 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/zakljuchenie_N_19_Matil6da.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

² Тхостов А. Ш. Экспертное заключение № 0-010/14 (2014 г.), с. 16 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/JEkspertnoe_zakljuchenie_17072014.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

³ Егорова М. С. Почему полит-психологическая экспертиза сообществу «Дети-404» не выдерживает критики // Новая газета. 12.01.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/01/08/62563-pochemu-polit-psihologicheskaya-ekspertiza-soobschestvu-171-deti-404-187-ne-vyderzhivaet-kritiki> (дата обращения: 10.06.2018).

тизы с маркировкой, которую я бы в жизни ни поставила» (инф. 2), «там написан бред сивой кобылы» (инф. 4), «левой пяткой написано» (инф. 3). В целом же отношение информантов к этой проблеме свидетельствовало скорее о корпоративной солидарности, чем о корпоративном контроле. В формулировке одного из интервьюируемых это звучало так: «Ну, как про родителей плохо не говорят или про умерших. Если плохо говорят, то это указывает на незрелость самого этого эксперта, который топит коллегу» (инф. 1).

В то же время, в отличие от судебных экспертиз, деятельность экспертов в исследуемой сфере предельно открыта для стороннего наблюдателя. Причем в части информации об аккредитованных лицах эта прозрачность даже превышает требования, установленные законом, и порой нарушает их приватность (в частности, в реестре были указаны номера дипломов о высшем образовании). Экспертные заключения, как и сведения об экспертах, выкладываются на сайт Роскомнадзора, с указанием их автора. Наши информанты выказывали двойственное отношение к такой максимальной публичности. С одной стороны, они ожидаемо констатировали, что эта открытость является одной из гарантий качественной работы: в этом случае «не можешь себе позволить сделать недобросовестно» (инф. 8). С другой стороны, выражали беспокойство, что это делает эксперта уязвимым перед лицом тех, кто будет недоволен его выводами: «Если это экспертиза конфликтная, на эксперта могут оказывать давление, это может быть связано с гонениями и преследованиями» (инф. 6). Эти опасения подтверждаются практикой: были прецеденты негативного публичного обсуждения и общественного давления, когда недовольная результатами работы экспертов третья сторона пыталась повлиять на ситуацию с помощью жалоб в правоохранительные органы. По сообщениям СМИ, в 2015 г. Тюменский областной родительский комитет, недовольный результатом экспертизы аттракциона «Лабиринт страхов» (заказанной прокуратурой по их же жалобе), публично заявил о ее незаконности на том основании, что якобы экспертная организация — центр «Семья» — не имеет аккредитации Роскомнадзора¹. В 2017 г. тюменские общественники, несогласные с выводами другой экспертизы того же центра «Семья», попытались привлечь их к ответственности по ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»².

Помимо профессионального и общественного контроля над экспертной деятельностью, возможности которых используются слабо, существует механизм внешнего контроля со стороны органа государственной власти, который пользуется результатами экспертизы. Роскомнадзор может приостанавливать действие аттестата аккредитации, если выявит нарушения, и вообще прекращать его, если нарушения не будут устранены³. Однако на практике этот механизм также мало востребован. Согласно информации из реестра, на момент завершения исследования он применялся лишь четыре раза в отношении экспертов и один — в отношении экспертной организации, причем в итоге действие аттестата было прекращено у двух экспертов, один из которых вообще не провел ни одной экспертизы. Характер нарушений Роскомнадзор не раскрывает, но, опираясь на тексты заключений, можно

¹ Король Ю. Тюменский родительский комитет возмущен бездействием чиновников и прокуратуры по «Лабиринту страхов» // Накануне.ru. 13.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2015/02/13/22387695> (дата обращения: 10.06.2018).

² Карташова Н. Следователи проверяют экспертов, одоббивших деятельность скандального сайта «Дети 404» // URA.ru. 27.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052279095> (дата обращения: 10.06.2018).

³ Приказ Роскомнадзора России от 24.08.2012 № 824 «Об утверждении Порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции».

предположить, что касались они не существенных проблем качества экспертиз, а сроков их выполнения.

Судя по интервью, деятельность Роскомнадзора вообще является для экспертов «черным ящиком», поскольку никакой содержательной реакции на их работу они в регулярном режиме не получают. Некоторые из информантов объясняли для себя видимую слабость государственного контроля над экспертной деятельностью тем, что на самом деле этот контроль есть, но он кулуарен, т. е. не устраивающие чиновников заключения просто не принимаются, например: *«Я знаю от других экспертов, что если в Роскомнадзоре считают, что экспертиза не очень, по каким-то критериям не соответствует, то они могут ее не принять, не повесить на сайт»* (инф. 2).

Наконец, законодательно предусмотрена возможность заинтересованного лица оспорить результаты экспертизы в судебном порядке, если он не согласен с выводами (п. 1 ст. 17 закона). К моменту написания статьи было известно лишь об одном таком прецеденте — в 2017 г. была предпринята попытка опротестовать результаты экспертизы методического пособия для учителей старших классов, посвященного теме сталинских репрессий. Один из авторов этой книги узнал о существовании экспертизы на его работу во время прокурорской проверки возглавляемой им правозащитной организации, на сайте которой и было размещено пособие. Ему было вынесено представление с требованием поставить на пособии знак «+18». Несогласная с выводом экспертного заключения, НКО попыталась признать его незаконным и удалить его с сайта Роскомнадзора с помощью иска к ведомству и экспертам, проводившим экспертизу. Однако суд не нашел нарушений законных прав и интересов истца в отнесении пособия к информационной продукции, запрещенной для детей, поскольку пособие предназначено для учителей¹. Как видим, этот прецедент применения на практике судебного механизма опротестования заключения оказался неудачным для стороны, несогласной с ним. В данной истории обращают на себя внимание три обстоятельства, важные для анализа этого вида экспертизы в целом.

Во-первых, заметно расхождение между реальностью и нормами закона. Все участники судебного процесса проигнорировали тот факт, что, согласно рекомендациям Минкомсвязи России, данное пособие вообще не попадает под действие Федерального закона № 436-ФЗ, поскольку является информационной продукцией, содержащей научную информацию, что подтверждается его кодом библиотечно-библиографической классификации². То есть основания для проведения экспертизы и принятия ее Роскомнадзором отсутствовали, но при этом ведомство не нашло в ней никаких нарушений. Также примечательно, что Служба не вынесла предписания владельцам информационной продукции для устранения нарушения, и вообще не проинформировала их о факте экспертизы: прокурорская проверка проводилась по обращению гражданина, который со ссылкой на экспертизу пожаловался на то, что в открытом доступе находятся материалы, запрещенные для детей.

Во-вторых, здесь институт экспертизы используется для решения задач, напрямую к ней не имеющих отношения. Судя по публикациям СМИ, и инициатива экспертизы, и последующая жалоба в прокуратуру исходили от местного отделения общественного движения «Суть времени», которое было недовольно тем, что оно упоминалось

¹ Решение Ленинского районного суда г. Перми от 1 ноября 2017 г. по делу № 2-2393/2017 ~ М-1372/2017.

² Рекомендации по применению Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в отношении печатной (книжной) продукции. Утв. Заместителем Министра связи и массовых коммуникаций РФ А. К. Волиным 22.01.2013 № АВ-П17-531.

в пособии как сталинистская организация, оправдывающая политические репрессии¹. В данном случае экспертиза стала способом решения проблемы репутации вместо традиционного пути — судебного разбирательства о клевете.

В-третьих, в судебном процессе была акцентирована специфика этого вида экспертизы и подтверждена исключительная компетенция аккредитованных экспертов. Для доказательства плохого качества заключения истец представил рецензию на него, подготовленную АНО «Лаборатория прикладной лингвистики». Однако суд не принял ее во внимание на том основании, что ее авторы не являются аккредитованными экспертами Роскомнадзора. То есть фактически судья установил, что никто, кроме людей, получивших конкретный экспертный статус, не может оценивать качество их работы. Такое решение может способствовать закреплению монопольного положения эксперта в производстве знания о влиянии информации на детей, хотя оно, как отмечалось во введении, дизайном системы детской медиабезопасности в России не предусмотрено. К тому же за пять лет у аккредитованных экспертов не появилось ни эффективных механизмов, ни даже желания контролировать деятельность коллег.

В целом мы видим, что различные механизмы обеспечения качества экспертизы в исследуемом кейсе на практике не работают, хотя некоторые из них предусмотрены нормативно, а некоторые, по задумке законодателя, вероятно должны были сложиться сами собой (например, критика внутри экспертного сообщества), но не сформировались. Нужны ли они вообще? Для ответа на этот вопрос необходимо провести оценку качества экспертной работы, предварительно решив проблему отсутствия ясных критериев для этого.

Проблемы качества экспертизы

Поскольку точные критерии качества данного вида экспертизы нигде формально не зафиксированы, говорить об ошибках и ангажированности применительно к ней, сохраняя объективность, сложно. Автор настоящей статьи, не будучи специалистом в области детской психологии, также не имеет компетенции оценивать содержание и выводы экспертных заключений с точки зрения их научной обоснованности. Тем не менее, некоторые очевидные проблемы можно обнаружить. Это нарушения установленных правил данного вида экспертизы или общих принципов подготовки научных и экспертных текстов. В этом смысле полезен опыт отечественной традиции судебной экспертизы, где, несмотря на разнообразие видов, типов и классов экспертизы, принято выделять такие общие виды ошибок как несоблюдение единства терминологии, неконкретность выводов, использование шаблонов в исследовательской части заключения и попытки юридической квалификации устанавливаемого факта [5]. В исследуемом кейсе можно говорить минимум о шести проблемах.

1. Предмет экспертизы не попадает под действие закона. Несмотря на широкий охват, нормативные требования в системе детской медиабезопасности в РФ имеют ограничения: закон не касается научной, научно-технической и статистической информации, произведений, имеющих значительную культурную ценность, а также информации, ограничение доступа к которой запрещено законодательно, и рекламы (п. 2 ст. 1). Кроме того, в требованиях к маркировке есть исключения для целого ряда случаев, в том числе прямого телеэфира, общественно-политической и спе-

¹ Гурьянов П. Зачем иностранному агенту учить детей неполноценности их родителей? // ИА Regnum. 29.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2339526.html> (дата обращения: 10.06.2018); Хайдарова Р. Памятник жертвам политических репрессий // Новый компаньон. 11.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-4347784.html> (дата обращения: 10.06.2018).

циализированной прессы, большинства интернет-ресурсов (п. 4 ст. 11) и печатной продукции, выпущенной в оборот до 1 сентября 2012 г. (п. 2 ст. 23). Примерно 10% от всех проанализированных случаев экспертизы касались продукции, которая не попадает под действие закона.

Одна из причин проведения экспертизы, когда она не нужна или не имеет смысла — незнание законодательства заказчиком или его желание перестраховаться. В результате экспертизу проводили на специализированные издания, как в случае с журналом «Арбитражный управляющий», которому эксперт присвоил категорию «0+», или на книги, опубликованные до 2012 г. Однако чаще эксперт выходил за рамки своих полномочий потому, что заказчик хотел изъять конкретный контент из общего доступа. Например, ООО «Юридическое бюро Юрьева» признало запрещенной для детей уличную рекламу презервативов, размещенную на стационарных носителях около остановок общественного транспорта в Новосибирске¹. В заключении был сделан вывод, что «реклама изделия является лишь прикрытием, маской для пропаганды навязываемого поставщиками этой информации образа жизни»².

2. На один продукт проводится несколько экспертиз.

Проведение повторной экспертизы конкретной информационной продукции, согласно закону, возможно только в одном случае — при рассмотрении судом споров, связанных с результатами уже проведенной экспертизы, и в порядке, установленном процессуальным законодательством (п. 6 ст. 18). Однако на практике было несколько случаев повторных экспертиз, не назначенных судом. Дважды проводилась экспертиза книги Крамер Стейс «50 дней до моего самоубийства» (АСТ, 2015), в обоих случаях с решением «18+». Две экспертизы с разными результатами были проведены в отношении материалов интернет-сообщества «Дети 404». Первая, по заказу общественной организации «Молодая гвардия «Единой России», обнаружила в них признаки пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, вторая, инициированная прокуратурой Тюменской области — нет. Наконец, четыре экспертизы было посвящено книге-блокноту Кери Смит «Уничтожь меня везде!». Фактическая возможность повторной экспертизы в ситуации, когда напрямую в судебном порядке не оспаривается результат первой экспертизы, может быть следствием плохой информированности заказчиков об уже имеющихся заключениях и невнимательности сотрудников Роскомнадзора. Однако она является критической уязвимостью всей системы, поскольку нивелирует ценность экспертного заключения.

3. Эксперт выходит за пределы своей компетенции.

Эта проблема хорошо известна и широко обсуждается в области судебной экспертизы. Общим правилом там является то, что вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний³. Нарушение чревато тем, что судья может не принять во внимание такое заключение, а если он сделает это, само судебное решение может быть отменено⁴. В исследуемой экспертизе подобные действия вообще нормативно не определены как нару-

¹ В соответствии с законом № 436-ФЗ (ст. 1, п. 2, пп. 4), его требования не распространяются на отношения в сфере рекламы (за исключением рекламы информационной продукции и рекламы в/около организаций для детей — это оговаривается в п. 10.1 и 10.2 ст. 5 закона «О рекламе» № 38-ФЗ).

² ООО «Юридическое бюро Юрьева», Экспертное заключение от 13.09.2016 № 3, с. 7 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/151354_16092016.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

⁴ Обзор практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам. Утвержден Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 14.12.2011.

шение и санкций за них не предусмотрено, хотя они размывают экспертный статус. Однако они встречаются, когда эксперт, руководствуясь собственными моральными нормами или желанием заказчика, выносит суждения правового характера либо делает выводы не только о возрастной классификации информационного продукта, но и о его образовательной, художественной или иной ценности. Например, когда эксперт констатирует, что исследуемый текст «попадает под определение пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних в понимании» статьи 6.21 КоАП¹.

Порой заказчик прямо включает в свой запрос задачи, выходящие за рамки закона № 436-ФЗ. Например, в экспертизе агитационного буклета РЖД, предназначенного для профилактики правонарушений на железной дороге, была сформулирована задача «дать заключение о возможности использования в образовательных организациях, подведомственных Департаменту образования города Москвы»².

4. Вывод эксперта дополнен суждениями, не относящимися к сфере действия закона.

Эксперт может оставаться в рамках компетенции специалиста в области детской психологии и педагогики, но при этом дополнять свое заключение суждениями, выходящими за сферу действия закона или за пределы прямого запроса заказчика. К такой практике я отношу случаи, когда он дает рекомендации по применению анализируемого продукта, изменению его содержания, запрету его обращения или предлагает возрастную категорию, которой нет в установленной законом классификации. Например, один из экспертов при классификации содержания настольных игр по своей собственной инициативе учитывал не только ограничения, предусмотренные законом, но и иные, обусловленные особенностями физического развития детей и их способности понимать и выполнять задания³. В результате он классифицировал продукцию знаком «14+», хотя такой категории вообще нет. Другой эксперт оценивала распространенный в Сети видеоролик со сценой убийства животного, который на всех анализируемых сайтах уже сопровождался знаком «18+». Поэтому эксперт попыталась обосновать необходимость полного запрета этого видео, ошибочно ссылаясь на рекомендации Роскомнадзора по ограничению телетрансляции «взрослой» информации с 4 до 23 часов⁴.

5. Эксперт приходит к неоднозначным выводам. Чаще всего это происходит потому, что он вынужден применять одновременно размытые и категоричные критерии опасной для детей информации, установленные законом, а оценочные методики не дают оснований для четких ответов на поставленные вопросы. Но также нельзя исключать фактора ангажированности эксперта и его желания запретить ту или иную информацию. В результате он выносит недостаточно аргументированное решение о классификации. Ниже представлены четыре варианта того, как проявляется эта проблема.

В сюжете рекламы «Дорожного радио» молодая женщина высовывает голову из окна вагона поезда — эксперт усмотрела информацию, побуждающую детей к совершению действий, представляющих угрозу жизни и здоровью. Хотя она уточнила, что «несмотря на то, что макет может мотивировать на аналогичное действие — вы-

¹ Степнова Л. А. Экспертное заключение от 11.10.2013 № 15 (5), с. 7 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/JEkspertnoe_zakljuchenie_N_15.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

² ГБУ «Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы» (эксперты Середенко Н. В., Паршина Н. Л.). Экспертное заключение от 31.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/docs/202606.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).

³ Лосев А. В. Экспертное заключение от 29.08.2016 № 77/1608-2 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/3Xerox_Phaser_3200MFP_20160901172314.tif (дата обращения: 01.04.2018).

⁴ Мясникова И. Ф. Экспертное заключение от 13.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/docs/ez20042016.tif> (дата обращения: 01.04.2018).

сунуть голову из окна вагона поезда, вероятность мотивации является низкой», в итоге получилось, что данная продукция относится к категории «18+» и должна быть запрещена для детей¹. Другой эксперт, оценивая книгу «Уничтожь меня везде!», констатировала, что «с формальной точки зрения блокнот косвенным образом оправдывает допустимость осуществления насилия и (или) жестокости по отношению к животным и, таким образом, содержит информацию, которая может побудить осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным»². По мнению третьего эксперта, реальным читателем журнала «Турбизнес» являются «взрослые, обладающие интеллектуальными и материальными ресурсами для приобретения и чтения данного издания». Однако она отнесла издание к категории «12+»³. Еще один эксперт, анализируя новостную заметку о самоубийстве пятиклассницы, не увидела прямого побуждения к совершению самоубийства, однако нашла там то, что «можно расценить как пропаганду способа самоубийства». Соответственно, публикация получила категорию «18+»⁴.

6. В тексте заключения есть самоплагиат или плагиат.

Наконец, к числу очевидных проблем качества экспертизы можно отнести практику некорректных заимствований в текстах заключений: вставки из приложений к Концепции информационной безопасности детей, учебников по психологии подростков или дублирование авторами собственных заключений, подготовленных на другие информационные продукты. Признаваемый критической ошибкой в научных и учебных работах, плагиат в сфере прикладного применения экспертного знания официально не является нарушением и не может быть основанием для того, чтобы признать экспертизу недействительной. Однако заимствования, как и повторные экспертизы, также разрушают легитимность экспертной деятельности, поскольку свидетельствуют либо о неспособности автора изложить результаты собственного интеллектуального труда по конкретному медиапродукту, либо об отсутствии такого труда.

В целом, даже если мы применяем к результатам экспертизы информационной продукции только формальные критерии, заметно, что ее качество страдает, т. е. специальные процедуры для предотвращения проблем все же необходимы. Вне зависимости от того, насколько часто эти проблемы возникали на практике за пять лет существования института, они серьезны, поскольку данная экспертиза имеет правовые последствия и влияет на доступность конкретного фильма, сайта, книги, иного медиаконтента для граждан.

Заключение

Исследуемый кейс ценен для обсуждения эффективности процедур обеспечения качества экспертной деятельности в первую очередь тем, что в нем видны проблемы, связанные с отсутствием таких процедур. Здесь периодически возникают ситуации, которые ставят под сомнение качество работы эксперта даже исходя из формальных критериев соответствия закону и правилам подготовки научных текстов. Четких же критериев качества, как и эффективных механизмов их обеспечения, не сложилось,

¹ Котлярова М. Б. Экспертное заключение от 17.05.2016 № 16-EC-01, с. 8, 17 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/00Xerox_Phaser_3200MFP_20160525150933.tif (дата обращения: 01.04.2018).

² Бычкова А. М. Экспертное заключение от 30.05.2017 № 3, с. 25 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/1_201133.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

³ Лисицина Н. А. Экспертное заключение от 28.03.2013 № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/docD_1623.doc (дата обращения: 01.04.2018).

⁴ Атемаскина Ю. В. Экспертное заключение от 13.05.2016, с. 4 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Xerox_Phaser_3200MFP_20160519172801.tif (дата обращения: 01.04.2018).

что усугубляет коллизии, заложенные в дизайне этого вида экспертизы законодателем. В отсутствие единых методик, единой научной базы, единого формата заключения результаты экспертиз разнятся, а контроля со стороны самого экспертного сообщества или государства как основного потребителя фактически нет.

Все это создает благоприятную почву для того, чтобы институт экспертизы вместо обеспечения соблюдения правил детской медиабезопасности использовался с целью «поправить» закон и доказать вредность той или иной продукции. Эксперты-информанты в интервью не раз говорили о том, что действующая нормативная база требует доработки в части расширения сферы действия закона, прежде всего, в интернете, и ужесточения норм. Тексты заключений свидетельствуют, что иногда и заказчики, и эксперты исходят из того, что экспертиза является самостоятельным инструментом воздействия на ситуацию и защиты интересов (в первую очередь — интересов детей, так, как они их понимают), а не вспомогательным средством выполнения закона.

В зависимости от того, каких позиций придерживается эксперт, от того, как лично он понимает тот или иной термин, зависит, обнаружит он опасную для детей информацию или нет. Этот субъективизм заинтересованные стороны воспринимают как естественный. В этом есть определенный резон, ведь по сути экспертное суждение является ничем иным, как аргументированным мнением человека, обладающего специальными знаниями в определенной области. Однако ценность и безопасность такого мнения обеспечивается как минимум двумя внешними факторами, которые не рассматривались специально в настоящей статье.

Во-первых, должна быть предусмотрена процедура отбора экспертов, позволяющая отсеять людей, знания и опыт которых в предметной области экспертизы не отличаются от профанных, от действительно компетентных специалистов, а также сами четкие критерии компетентности. В случае экспертизы информационной продукции процедура аккредитации экспертов и экспертных организаций такой возможности не дает, поскольку позволяет аккредитовать любого человека, у которого в вузовском дипломе есть дисциплины «педагогика» или «психология».

Во-вторых, у субъекта, пользующегося результатами экспертизы, должна быть возможность выбора: учитывать их или не учитывать при принятии решения, поскольку в конечном счете именно на нем, а не на эксперте, лежит ответственность за решение. Так, при рассмотрении обстоятельств дела судья может принять или не принять во внимание заключение эксперта, руководствуясь доверием к нему, а состояжающиеся стороны могут предложить критический отзыв на заключение или настоять на альтернативной (повторной) экспертизе. В исследуемом кейсе такой возможности не предусмотрено. Экспертное заключение автоматически становится основанием для признания информационной продукции несоответствующей требованиям закона № 436-ФЗ. Механизмы же ведомственного и судебного контроля над качеством экспертизы, как показано в статье, на практике не работают.

В целом, в рассматриваемом виде экспертизы предельно ярко представлен разрыв между заложенным в официальном дискурсе представлением об экспертном знании как результате всестороннего, неангажированного и валидного исследования, и практикой экспертизы как выражения субъективных мнений отдельных людей, получивших статус аккредитованного эксперта. Эти мнения могут подтверждаться, а могут и не подтверждаться необходимым исследованием, в зависимости от способностей и желания конкретного эксперта. Такая ситуация вряд ли свидетельствует о фиктивности данного института в целом, поскольку возможность для подготовки качественного заключения все же есть. Однако она показывает фактическую равнозначность для государства экспертизы фиктивной и реальной.

Литература

1. Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / отв. ред.: Н. Ю. Беляева; науч. ред.: Д. Г. Зайцев, Ш. Ш. Какабадзе. М. : РОССПЭН, 2013.
2. Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 18–27.
3. Бумагин Р. Е., Рогозин Д. М. Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 2. С. 86–117.
4. Галяшина Е. И. Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 34–35.
5. Голев Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2002. № 3. С. 15–30.
6. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. М. : Юрлитинформ. 2010.
7. Иванова О. С., Пласкин С. М. Анализ практики привлечения экспертных организаций (индивидуальных экспертов) к процессу исполнения государственных функций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 1. С. 5–32.
8. Крашенинникова Ю. Дети и страхи в массмедиа // Отечественные записки. 2013. № 2. С. 191–200.
9. Мазур Е. С. Проблема оценки достоверности заключения судебно-медицинского эксперта // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 102–106.
10. Масловская Е. В. Особенности взаимодействия экспертов со следственными и судебными органами (на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности) // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 4 (9). С. 148–153.
11. Минченко О. С. Теория и практика использования экспертизы в рамках реализации контрольно-надзорных функций государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 20–33.
12. Митрошенков О. А. Экспертиза и политика в России: коллизии роста и отношений // Личность. Культура. Общество. 2005. Вып. 1 (25). С. 160–182.
13. Нестеров А. В. Методология объективизации судебно-экспертной деятельности как фактор повышения доказательственного значения результатов судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4. С. 166–170.
14. Носкова М. В. Об актуальных вопросах взаимодействия экспертного сообщества и власти: концептуализация роли публичных экспертов в формировании повестки дня государства // Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 191–199.
15. Полякова В. Изменение социальной роли экспертного знания // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 77–85.
16. Россинская Е. Р., Корухов Ю. Г., Киселев С. Е., Гречуха Н. М. Проблемы негосударственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 38–49.
17. Сунгуров А. Ю. Роль и функции экспертов в процессе принятия властных решений // Управленческое консультирование. 2017. № 6. С. 8–15.
18. Сунгуров А. Ю., Карягин М. Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Политические исследования. 2017. № 3. С. 144–159.
19. Boswell C. The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research. Cambridge University Press, 2009.
20. Collins H., Evans R. Rethinking Expertise. The University of Chicago Press. 2007.
21. Democratization of expertise?: exploring novel forms of scientific advice in political decision-making. Ed. by Maasen S., Weingart P. Springer Science & Business Media. 2006.
22. Edelenbos J., Van Buuren A., Van Schie N. Co-producing knowledge: joint knowledge production between experts, bureaucrats and stakeholders in Dutch water management projects // Environmental Science & Policy. 2011. V. 14. N 6. P. 675–684.
23. Fischer F. Professional expertise in a deliberative democracy // The Good Society. 2004. V. 13. N 1. P. 21–27.
24. Howlett M., Migone A. Policy advice through the market: The role of external consultants in contemporary policy advisory systems // Policy and Society. 2013. V. 32. N 3. С. 241–254.

25. Jakobson L. Russian experts: missing actors of the budget process // *Post-Communist Economies*. 2017. V. 29. N 4. P. 491–504.
26. Jasanoff Sh. Quality control and peer review in advisory science // *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance*. Cambridge University Press, 2011. P. 19–35.
27. Jasanoff Sh. *The Fifth Branch. Science Advisers as Policymakers*. Harvard University Press. 1990.
28. Krick E. The epistemic quality of expertise: contextualized criteria for the multi-source, negotiated policy advice of stakeholder fora // *Critical Policy Studies*. 2018. V. 12. N 2. P. 209–226.
29. Lentsch J., Weingart P. Introduction: the quest for quality as a challenge to scientific policy advice: an overdue debate? // *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance*. Cambridge University Press, 2011. P. 3–18.
30. Page E. C. Bureaucrats and expertise: Elucidating a problematic relationship in three tableaux and six jurisdictions // *Sociologie du travail*. 2010. V. 52. N 2. P. 255–273.
31. Sutherland W., Burgman M. Policy advice: use experts wisely // *Nature News*. 2015. V. 526. N 7573. URL: <https://www.nature.com/news/policy-advice-use-experts-wisely-1.18539> (дата обращения: 10.11.2018).
32. Weingart P. *Scientific expertise and political accountability: paradoxes of science in politics* // *Science and public policy*. 1999. V. 26. N 3. P. 151–161.

Об авторе:

Крашенинникова Юлия Александровна, эксперт лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ (Москва, Российская Федерация), доцент департамента менеджмента НИУ ВШЭ в Перми, кандидат исторических наук; jkrashennnikova@hse.ru

References

1. Analytical communities in public policy: global phenomenon and Russian practices / Ex. edition: N.Yu. Belyaeva; scientific edition: D.G. Zaytsev, Sh.Sh. Kakabadze. M. : ROSSPEN, 2013. (In rus)
2. Baranov A.N. Linguistics in linguistic examination (a method and the truth) // *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics* [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Yazykoznanie]. 2017. T. 16, N 2. P. 18–27. (In rus)
3. Bumagin R.E., Rogozin D.M. Critics of polling approach to the analysis of mutual similarity in appearance of consumer products in one commodity category // *Economic sociology* [Ekonomicheskaya sotsiologiya]. 2018. V. 19. N 2. P. 86–117. (In rus)
4. Galyashina E.I. Problems of increase in efficiency and quality of judicial linguistic examination // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation* [Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii]. 2017. N 2. P. 34–35. (In rus)
5. Golev N.D. About objectivity and legitimacy of sources of linguistic examination // *Legal linguistic* [Yurislingvistika]. 2002. N 3. P. 15–30. (In rus)
6. Zaytseva E.A. *The concept of development of institute of judicial examination in the conditions of competitive criminal proceedings: monograph*. M. : Jurlitinform. 2010. (In rus)
7. Ivanova O.S., Plaksin S.M. Analysis of practice of involvement of the expert organizations (individual experts) to process of execution of the state functions // *Questions of the public and municipal administration* [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2009. N 1. P. 5–32. (In rus)
8. Krashennnikova Yu. Children and fears in mass media // *Domestic notes* [Otechestvennye zapiski]. 2013. N 2. P. 191–200. (In rus)
9. Mazur E.S. Problem of assessment of reliability of the conclusion of the forensic scientist // *Messenger of the Tomsk State University* [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2012. N 364. P. 102–106. (In rus)
10. Maslovskaya E.V. Features of interaction of experts with investigating and judicial authorities (on the example of forensic scientists and experts in the field of estimated activity) // *Russian journal of legal studies* [Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy]. 2016. N 4 (9). P. 148–153. (In rus)
11. Minchenko O.S. The theory and practice of use of examination within realization of control and supervising functions of the state // *Questions of the public and municipal administration* [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2012. N 4. P. 20–33. (In rus)

12. Mitroshenkov O.A. Examination and policy in Russia: collisions of growth and relations // Personality. Culture. Society [Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo]. 2005. Issue 1 (25). P. 160–182. (In rus)
13. Nesterov A.V. Methodology of objectification of judicial and expert activity as factor of increase in evidentiary value of results of judicial examination // Theory and Practice of Forensic Science [Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy]. 2015. N 4. P. 166–170. (In rus)
14. Noskova M.V. About topical issues of interaction of expert community and power: conceptualization of a role of public experts in formation of the agenda of the state // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 9. P. 191–199. (In rus)
15. Polyakova V. Change of a social role of expert knowledge // Social reality [Sotsial'naya real'nost']. 2007. N 5. P. 77–85. (In rus)
16. Rossinskaya E.R., Korukhov Yu.G., Kiselev S.E., Grechukha N.M. Problems of non-state judicial and expert activity in the Russian Federation // Laws of Russia: experience, analysis, practice [Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika]. 2011. N 12. P. 38–49. (In rus)
17. Sungurov A.Yu. A role and functions of experts in the course of adoption of imperious decisions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 6. P. 8–15. (In rus)
18. Sungurov A.Yu., Karyagin M.E. Russian expert community and power: main forms of interaction // Political researches [Politicheskie issledovaniya]. 2017. N 3. P. 144–159. (In rus)
19. Boswell C. The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research. Cambridge University Press, 2009.
20. Collins H., Evans R. Rethinking Expertise. The University of Chicago Press. 2007.
21. Democratization of expertise?: exploring novel forms of scientific advice in political decision-making. Ed. by Maasen S., Weingart P. Springer Science & Business Media. 2006.
22. Edelenbos J., Van Buuren A., Van Schie N. Co-producing knowledge: joint knowledge production between experts, bureaucrats and stakeholders in Dutch water management projects // Environmental Science & Policy. 2011. V. 14. N 6. P. 675–684.
23. Fischer F. Professional expertise in a deliberative democracy // The Good Society. 2004. V. 13. N 1. P. 21–27.
24. Howlett M., Migone A. Policy advice through the market: The role of external consultants in contemporary policy advisory systems // Policy and Society. 2013. V. 32. N 3. C. 241–254.
25. Jakobson L. Russian experts: missing actors of the budget process // Post-Communist Economies. 2017. V. 29. N 4. P. 491–504.
26. Jasanoff Sh. Quality control and peer review in advisory science // The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance. Cambridge University Press, 2011. P. 19–35.
27. Jasanoff Sh. The Fifth Branch. Science Advisers as Policymakers. Harvard University Press. 1990.
28. Krick E. The epistemic quality of expertise: contextualized criteria for the multi-source, negotiated policy advice of stakeholder fora // Critical Policy Studies. 2018. V. 12. N 2. P. 209–226.
29. Lentsch J., Weingart P. Introduction: the quest for quality as a challenge to scientific policy advice: an overdue debate? // The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance. Cambridge University Press, 2011. P. 3–18.
30. Page E.C. Bureaucrats and expertise: Elucidating a problematic relationship in three tableaux and six jurisdictions // Sociologie du travail. 2010. V. 52. N 2. P. 255–273.
31. Sutherland W., Burgman M. Policy advice: use experts wisely // Nature News. 2015. V. 526. N 7573. URL: <https://www.nature.com/news/policy-advice-use-experts-wisely-1.18539> (date of the address: 10.11.2018).
32. Weingart P. Scientific expertise and political accountability: paradoxes of science in politics // Science and public policy. 1999. V. 26. N 3. P. 151–161.

About the author:

Yulia A. Krashenninnikova, the expert of laboratory of municipal management of National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Associate professor of Department of Management of National Research University Higher School of Economics in Perm, PhD in History; jkrashenninnikova@hse.ru

Социальное влияние на пользователя в социальной сети: типы связей в оценке поведенческих рисков, связанных с социоинженерными атаками*

Хлобыстова А. О.^{1, 2}, Абрамов М. В.^{1, 2}, Тулупьева Т. В.^{1, 2, 3, *},
Тулупьев А. Л.^{1, 2}

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *tvt100a@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью данного исследования является изучение силы влияния возможных типов взаимоотношений между пользователями, которые представлены в социальной сети «ВКонтакте», на вероятность распространения социоинженерной атаки.

Методы. Для достижения поставленной цели был разработан опрос и создана web-страница, используемая для сбора ответов от респондентов. После получения данных был произведен анализ полученных результатов с использованием инструментов Microsoft Excel. Кроме того, для более глубокого анализа результатов была разработана программа на языке C, производящая подсчет необходимых характеристик и осуществляющая вывод результатов в документ Excel.

Результаты. В ходе анализа результатов опроса были выделены типы взаимоотношений между пользователями, при которых они готовы с большей вероятностью откликнуться на просьбу. Также было выявлено, что наиболее часто встречаются ответы, в которых нескольким или даже всем категориям в группах типов взаимоотношений между пользователями были присвоены одинаковые оценки степени готовности отреагировать на просьбу. Кроме того, стоит отметить, что нередко встречаются ответы, в которых респонденты выделили лишь один из представленных вариантов связи.

Выводы. По результатам исследования была выдвинута гипотеза о том, что оценки степени готовности откликнуться на просьбу вступить в сообщество для разных групп взаимоотношений различны, но внутригрупповые оценки отличаются мало. Полученные результаты, демонстрирующие отсутствие дифференциации значений внутри групп типов взаимоотношений, являются существенными, но в то же время требуется более глубокое изучение порядков, которые можно отследить в ответах ряда респондентов.

Ключевые слова: информационная безопасность, социоинженерные атаки, анализ защищенности пользователей, социальные сети, взаимодействие пользователей, распространение информации в социальных сетях

* Работа выполнена в рамках проекта по государственному заданию СПИИРАН № 0073-2018-0001, при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-01-00626 — Методы представления, синтеза оценок истинности и машинного обучения в алгебраических байесовских сетях и родственных моделях знаний с неопределенностью: логико-вероятностный подход и системы графов; проект № 18-37-00323 — Социоинженерные атаки в корпоративных информационных системах: подходы, методы и алгоритмы выявления наиболее вероятных траекторий.

Social Influence on the User in Social Network: Types of Communications in Assessment of the Behavioral Risks connected with the Socio-engineering Attacks

Anastasiia O. Khlobystova^{a, b}, Maxim V. Abramov^{a, b}, Tatiana V. Tulupyeva^{a, b, c, *}, Alexander L. Tulupiyev^{a, b}

^aSaint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

^bSaint-Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation

^cRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *vt100a@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of this study is to study the impact of possible types of relationships between users, which are represented in the social network "VKontakte", on the probability of the spread of a social engineering attack. **Methods.** To achieve this goal, a survey was developed and a web page was created, which is used to collect responses from respondents. After receiving the data, the obtained results were analyzed using the tools available in Microsoft Excel. In addition, for more in-depth analysis of the results, a C program was developed, which calculates the necessary characteristics and outputs the results to an Excel document. **Results.** In analyzing the results of the survey, the types of relationships between users were identified, in which they are more likely to respond to the request. It was also revealed that the answers are most often found in which several or even all categories in groups of relationship types between users were assigned the same assessments of the degree of readiness to respond to a request. In addition, it is worth noting that there are often answers in which respondents identified only one of the presented communication options. **Conclusion.** According to the study, it was hypothesized that the assessments of the degree of readiness to respond to a request to join the community for different groups of relationships are different, but the intragroup assessments differ little. The results obtained, demonstrating the lack of differentiation of values within groups of types of relationships, are significant, but at the same time, a deeper study of the orders that can be traced in the responses of a number of respondents is required.

Keywords: information security, social engineering attacks, user security analysis, social networks, user interaction, information distribution in social networks

Введение

В последнее время акцент злоумышленников, действующих через компьютерные сети, смещается со взлома самой сети (ее программно-технической составляющей) на получение информации или доступа к сети от пользователя¹. Все больше и больше становится социоинженерных атак, использующих уязвимости пользователя, а сами уязвимости, в свою очередь, связаны с психологическими особенностями пользователя. Под социоинженерными атаками в данной статье мы будем понимать набор прикладных психологических и аналитических приемов, которые злоумышленники применяют для скрытой мотивации пользователей публичной или корпоративной сети к нарушениям устоявшихся правил и политик в области информационной безопасности [2]. Убытки компаний от социоинженерных атак на пользователей информационных систем, а также затраты на расследования подобных преступлений продолжают расти². Атаки на пользователей с применением зло-

¹ Актуальные киберугрозы I квартал 2018 года [Электронный ресурс] // Positive Technologies. Сайт компании. Исследования. Аналитика. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2018-q1/>; Актуальные киберугрозы II квартал 2018 года [Электронный ресурс] // Positive Technologies. Сайт компании. Исследования. Аналитика. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2018-q2/> (дата обращения: 20.10.2018).

² Там же. См. также [3].

умышленниками методов социальной инженерии стали одними из наиболее эффективных, более 80% таких воздействий достигают успеха¹.

Актуальность проблемы защиты пользователей информационных систем от социоинженерных атак подчеркивается не только статистикой, но и экспертами в области информационной безопасности, лицами, принимающими решения, руководителями организаций². Одной из задач, связанных с защитой пользователей от социоинженерных атак, является задача разработки инструментов автоматизированного построения оценок вероятности успеха социоинженерной атаки, оценки защищенности (поражаемости) пользователей и, опосредованно, критичных документов. И здесь на первый план выходит изучение особенностей и характера взаимоотношений между людьми: какому человеку с большей вероятностью может быть передана информация, какой человек с большей охотой откликнется на просьбу. Иными словами, если известен тип социальной связи между двумя пользователями (а такие данные можно извлечь из анализа социальных сетей), то как она повлияет на возможность передачи критичной информации от одного пользователя к другому или на возможность того, что один пользователь выполнит просьбу другого что-то сделать, часто может оказаться рискованным с точки зрения информационной безопасности, в том числе — с точки зрения реализации социоинженерной атаки. Знание социальной психологии в сочетании с особенностями использования компьютерных сетей могут служить хорошей основой для профилактики успешности вредоносных атак.

Согласно подходу, предложенному в [1; 20], при многоходовой социоинженерной атаке оценки ее распространения зависят от интенсивности взаимодействия пользователей — сотрудников организации. То есть чем интенсивнее общаются между собой сотрудники организации, тем выше вероятность успешного распространения социоинженерной атаки между ними. В [1; 20] также предложен подход для оценки вероятности распространения многоходовой социоинженерной атаки на основе информации об интенсивности взаимодействия пользователей между собой, извлекаемой из контента, публикуемого ими в социальных сетях. На текущем этапе информация извлекается из социальной сети «ВКонтакте», поскольку она является наиболее популярной сегодня в России³. Указанная модель в качестве одного из параметров содержит выражение, значение которого зависит от типа (характера) взаимоотношений между пользователями. В силу этого, возникла необходимость определить возможные типы (характеры) взаимоотношений между пользователями, которые представлены в социальной сети «ВКонтакте», и оценить силу влияния каждого из них на вероятность распространения социоинженерной атаки, что и стало целью настоящей статьи. Для достижения цели был проведен опрос, в котором респондентам предлагалось оценить вероятность выполнения некоторого действия, если его об этом попросит пользователь, состоящий с ним в одном из типов взаимоотношений.

¹ Атаки на информацию с помощью методов социальной инженерии [Электронный ресурс] // ИТ-портал компании «Инфосистемы джет». Статьи. URL: <http://www.jetinfo.ru/stati/chelovek-cheloveku> (дата обращения: 24.09.2018). См. также [4].

² The Human Factor 2018 Report [Electronic resource] // Proofpoint. Threat center. URL: <https://www.proofpoint.com/us/human-factor-2018>; Warwick A. Social engineering is top hacking method, survey shows [Electronic resource] // News websites: Computer Weekly. URL: <https://www.computerweekly.com/news/4500272941/Social-engineering-is-top-hacking-method-survey-shows> (дата обращения: 25.03.2018).

³ Социальные сети в 2018 году: глобальное исследование [Электронный ресурс] // WebCanape. Кейсы. Бизнес-советы. URL: <https://www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie/> (дата обращения: 23.04.2018).

Краткий литературный обзор

Заделом для данного исследования послужили работы [1; 20], в которых анализируются сведения, получаемые из аккаунтов в социальных сетях и характеризующие интенсивность общения между сотрудниками компании. Авторы [18] сосредотачиваются на исследовании факторов, влияющих на взаимодействие пользователей на основе социальной сети Facebook, однако связи в социальных сетях рассматриваются в контексте маркетинга и не дифференцируются по категориям. В [17] предлагается подход к выявлению взаимодействия элементов социальной сети посредством ее графического представления и анализа различных показателей. Исследования интенсивности взаимосвязей в социальной сети, представленные в [12], основываются на выявлении и анализе четырех факторов (общественные круги, месторасположение, организация и прочность связи), которые могут быть использованы для группировки друзей. Авторы [15] в ходе исследования разработали математическую модель, позволяющую определить интенсивность дружбы двух пользователей на основе интенсивности их взаимодействия в Facebook, однако исследования были проведены только для категории «лучшие друзья». В [11] используется анализ социальных сетей для исследования взаимосвязей между сотрудниками птицеферм, с целью понимания того, как происходит распространение информации. Одной из задач исследования [14] является анализ социальной сети для изучения взаимодействия студентов и их социальной активности. Авторы [9] производят анализ распространения информации в социальных сетях на основе Facebook. В [19] сила связи предсказывается при помощи количественных оценок и методов машинного обучения, также показывается то, что метод «галстука-бабочки» наиболее точно предсказывает силу связи между людьми. Похожие исследования на основе подхода «галстука-бабочки» были предложены в [10; 13; 16]. Подход, представленный в [8], основывается на корреляции трех факторов, взятых из социальных сетей (взаимодействие на стене¹ пользователя, общее количество друзей, общие отметки на фотографиях), и степени доверия.

Материалы и методы

В социальной сети «ВКонтакте» существует несколько возможностей обозначения типов взаимоотношений (типов социальных связей) между двумя пользователями. Во-первых, пользователь может классифицировать списки своих друзей по ряду предлагаемых социальной сетью категорий. Результаты такой классификации будут видны другим пользователям. В социальной сети «ВКонтакте» предлагаются следующие категории: лучшие друзья, родственники, коллеги, друзья по вузу, друзья по школе. Также существует возможность указывать на своей странице некоторых родственников: дедушек и бабушек, родителей, братьев и сестер, сыновей и дочерей, внуков. Еще одна возможность классификации своих социальных связей с другим пользователем сводится к указанию семейного положения. Возможные статусы семейного положения следующие: не выбрано, не женат (не замужем), встречаюсь, помолвлен(а), женат (замужем), в гражданском браке, влюблен(а), все сложно, в активном поиске. Варианты «не выбрано», «не женат (не замужем)», «в активном поиске» не представляют для нас интереса в данном исследовании, поскольку не влияют на классификацию друзей (более широко — пользователей, с которыми установлены социальные связи), при выборе этих вариантов не выбирается пользователь, являющийся объектом отношений. Таким образом, итоговая классификация была составлена из пяти видов семейных положений, которые

¹ Стена пользователя социальной сети — область на странице пользователя, которая может содержать текстовую информацию и медиафайлы.

могут быть указаны в социальной сети «ВКонтакте»: с ним/ней встречаюсь, жених/невеста, муж/жена, в гражданском браке, влюблен/а, все сложно.

Скриншот веб-страницы с опросом представлен на рис. 1. В качестве вариантов ответа респондентам предлагалось установить бегунок на шкале от 0 до 100 с шагом 1, где значение 100 соответствует максимальной вероятности выполнения некоторого действия, если об этом попросит пользователь, относящийся к данной категории. 0 соответствует тому, что просьба, поступившая от пользователя указанной категории, не будет выполнена ни при каких условиях. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Представьте следующую ситуацию: вам пришло приглашение вступить в группу ВКонтакте. Оцените, пожалуйста, с какой вероятностью вы бы откликнулись на эту просьбу, если бы вам пришло приглашение от человека, который отмечен у вас в ВКонтакте, как...». Данное действие, с одной стороны, является активным, требующим от пользователя, к которому обращено, потратить свое личное время, с другой стороны, не затрагивает сферу, связанную с публичным актом (в отличие, например, от репоста¹).

Отметим, что некоторые категории в нашей классификации пересекаются, например, информация в «шапке» аккаунта о родственниках: братья и сестры, родители, бабушки и дедушки, внуки и друзья, отнесенные к публичному списку друзей — родственники. Понятно, что братья и сестры, родители, бабушки и дедушки, внуки относятся к родственникам. Но не всегда в социальной сети эти категории пересекаются. Например, пользователь может указать своего друга у себя на странице, скажем, бабушкой, но при этом не отнести его к публичному списку друзей «Родственники» или вообще не иметь разбиения друзей по группам. В данном исследовании было важно оценить вероятность выполнения некоторого действия отдельно при совершении просьбы пользователем, относящимся к одной из категорий. В связи с этим было сделано уточнение для респондентов, что имеется в виду именно категоризация «ВКонтакте», и если в какой-то из категорий такого человека нет, то необходимо было оценить вероятность выполнения действия, как если бы он был (см. рис. 1).

Результаты

В опросе приняли участие 145 человек, среди которых было 88 женщин и 57 мужчин. Их средний возраст составил 22 года, медиана по возрасту — 20 лет. Большая часть респондентов является студентами вузов России по техническим, гуманитарным и управленческим специальностям. Были получены следующие результаты. На гистограммах (рис. 2–4) представлены медианы и средние значения результатов опроса среди выделенных групп категорий (публичные списки друзей, основная информация в аккаунте, семейное положение). На рис. 2 видно, что большинство респондентов готовы откликнуться на просьбу тех пользователей, которые отнесены у них к списку лучших друзей. Также результаты показали, что степень готовности выполнить просьбу вступить в группу, поступившую от друзей, отнесенных к спискам родственников, коллег, друзей по университету и друзей по школе, существенно не отличается. Стоит отметить, что вероятность выполнения просьбы от друзей, которые не включены ни в одну из категорий, была оценена ниже.

На рис. 3 представлены медианы и средние значения результатов опроса для группы со степенью родства. Полученные значения в среднем выше, чем у групп публичных списков друзей, не относящихся к категории лучших друзей. Несколько выделяются значения категории братьев и сестер, остальные — имеют схожие значения. Вероятность позитивной реакции (то есть того, что пользователь пред-

¹ Репост — вторичная публикация сообщения, размещенного другим пользователем в социальной сети или блоге, со ссылкой на источник.

Отношения в социальной сети

Представьте следующую ситуацию: Вам пришло приглашение вступить в группу ВКонтакте. Оцените, пожалуйста, с какой вероятностью Вы бы откликнулись на эту просьбу, если бы Вам пришло приглашение от человека*, который отмечен у Вас в ВКонтакте как:

* Если в какой-то из категорий такого человека нет, то представьте, что было бы, если бы он был.

Указывается в графе публичные списки друзей:

1. Лучший друг	0	Значение: 50	100
2. Родственник	0	Значение: 50	100
3. Коллега	0	Значение: 50	100
4. Друг по вузу	0	Значение: 50	100
5. Друг по школе	0	Значение: 50	100

Указывается в графе основная информация на главной страничке:

6. Дедушка или бабушка	0	Значение: 50	100
7. Родитель	0	Значение: 50	100
8. Брат или сестра	0	Значение: 50	100
9. Сын/дочь	0	Значение: 50	100
10. Внук	0	Значение: 50	100

Указывается в графе семейное положение на главной страничке:

11. С ним встречается	0	Значение: 50	100
12. Жених/невеста	0	Значение: 50	100
13. Муж/жена	0	Значение: 50	100
14. В гражданском браке	0	Значение: 50	100
15. Возлюбленный	0	Значение: 50	100
16. С ним "все сложно"	0	Значение: 50	100

Без указания категории:

17. В списке друзей	0	Значение: 50	100
---------------------	---	--------------	-----

Уточните, пожалуйста, следующую информацию о себе:

Пол:

Число полных лет:

Знак зодиака:

Результат умножения дня рождения на месяц:

(Ответы на последние два пункта нужны для сопоставления результатов опроса)

Если у вас появились вопросы или затруднения – пожалуйста, обращайтесь: feedback.survey.fl@gmail.com

Рис. 1. Скриншот веб-страницы опроса
Fig. 1. Survey web page screenshot

примет действие, о котором его попросили) на просьбу братьев и сестер выше, чем для других родственников.

На рис. 4 представлены медианы и средние значения результатов опроса для групп категорий семейных положений. Полученные значения в среднем выше, чем у групп публичных списков друзей, не относящихся к категории лучших друзей и групп родственников. Аналогично значения в этой группе сильно не отличаются друг от друга. Закономерно выделяются значения для категории «все сложно» — они ниже других.

Таким образом, максимальные значения по результатам опроса имеют пользователи, которые отнесены к публичным спискам лучших друзей. Следующей группой друзей пользователя по степени готовности откликнуться на просьбу вступить в группу являются лица, указанные в семейном положении, за исключением статуса «все сложно». Выше значений, установленных по умолчанию, но в среднем ниже, чем у первых двух групп, получились в категории родственников. Интересно, что братья и сестры оказались менее влиятельными в данном контексте, чем лучшие друзья и партнеры в отношениях, но более — среди остальных родственников.

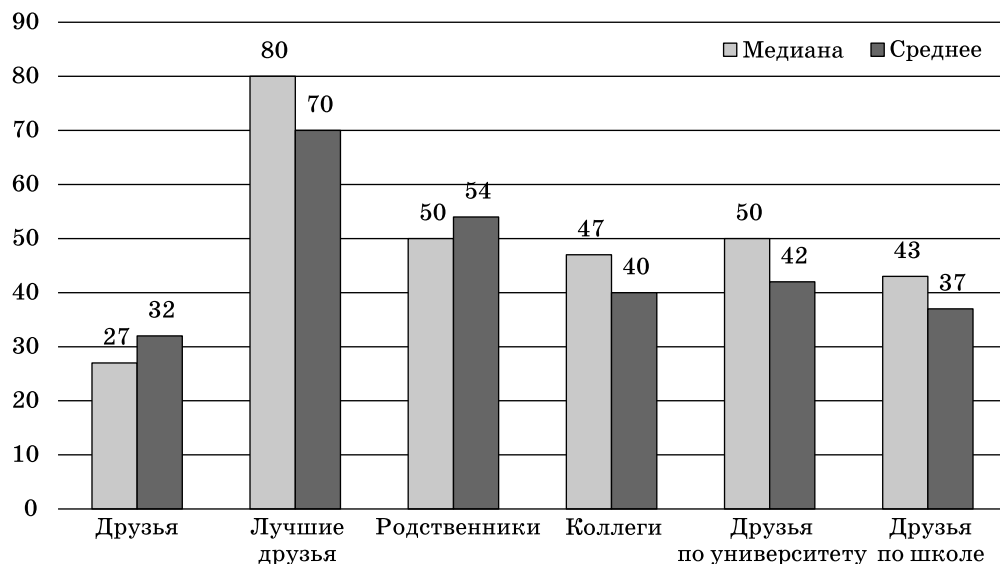

Рис. 2. Медианы и средние значения результатов опроса среди категорий публичных списков друзей

Fig. 2. Survey results' medians and mean values among category of public friend lists

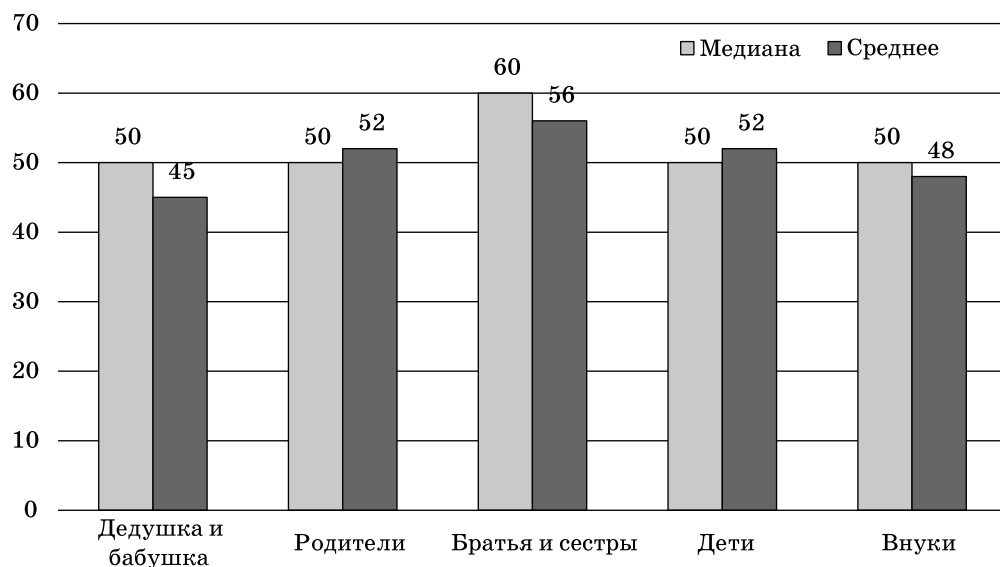

Рис. 3. Медианы и средние значения результатов опроса среди категорий основной информации в аккаунте

Fig. 3. Survey results' medians and mean values among category of main information in account

В ходе анализа результатов опроса также было отмечено, что ряд пользователей не различали две или более категории. То есть часто встречались ответы, в которых нескольким или даже всем категориям в группе были присвоены одинаковые оценки

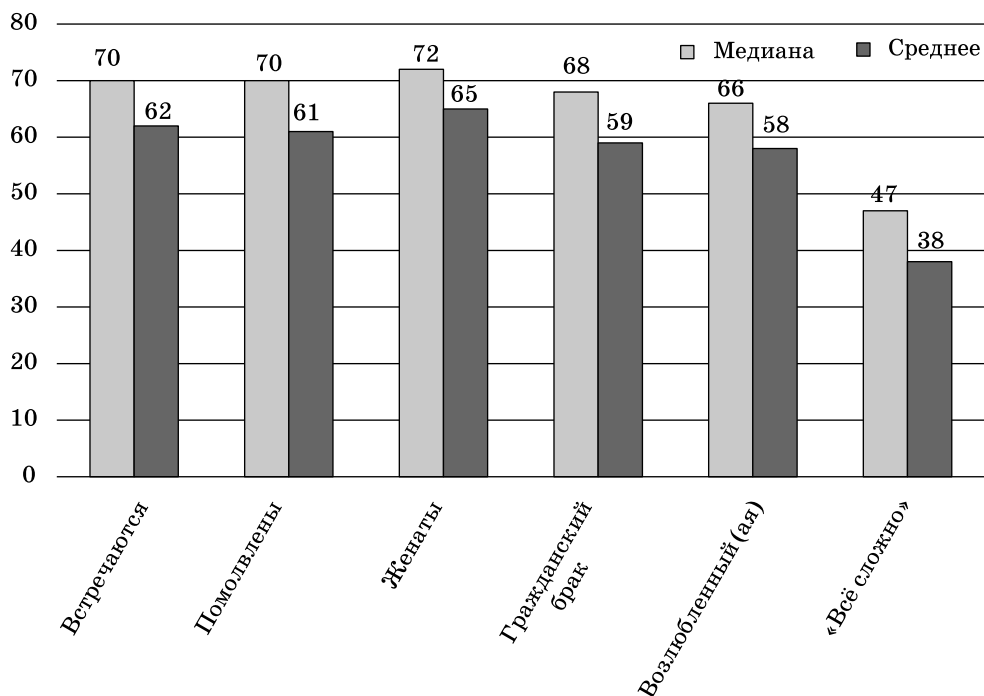

Рис. 4. Медианы и средние значения результатов опроса среди категорий семейного положения

Fig. 4. Survey results' medians and mean values among category of relationship status

степени готовности отреагировать на просьбу. Например, среди родственников, отмеченных пользователем в основной информации аккаунта, существенная часть респондентов отметили одинаковые оценки готовности откликнуться на просьбу. Получилось, что заметная часть пользователей позитивно отреагирует на просьбу бабушки/дедушки, родителя, брата/сестры с одинаковой вероятностью. В связи с этим было решено определить число респондентов, расположивших пользователей из разных категорий в одинаковом порядке (более точно, неявно присвоивших им одинаковый ранг при ранжировании).

Для достижения этой цели были взяты ответы на вопросы одного из респондентов. К примеру, респондент с $id = 17$ оценил свою готовность откликнуться на просьбу со стороны пользователей из разных категорий следующим образом: «дружья» — 80, «лучшие друзья» — 95, «коллеги» — 50, «дружья по университету» — 50, «дружья по школе» — 50, «семья» — 90, «дедушка/бабушка» — 95, «родители» — 100, «брат/сестра» — 95, «внук/внучка» — 85, «встречаются» — 91, «помолвлены» — 93, «женаты» — 99, «гражданский брак» — 99, «влюблен» — 95, «все сложно» — 50. Из данных ответов была выделена выборка, в которую вошли все категории одной группы (группы разделены линиями на рис. 1). Из ответов респондента с $id = 17$ были взяты следующие категории и соответствующие им значения: «встречаются», «помолвлены», «женаты», «гражданский брак», «влюблен», «все сложно», как относящиеся к одной группе — семейное положение. Данные категории были расположены в порядке возрастания значений ответов по ним. Для рассматриваемого примера был получен следующий порядок: «все сложно» — 50, «встречаются» — 91, «помолвлены» — 93, «влюблен» — 95, «женаты» — 99, «гражданский брак» — 99.

Стоит отметить, что в данном примере категории «женаты» и «гражданский брак» имеют одинаковые значения, это также было учтено и в таблице с результатами выделено зеленым или голубым цветами. Совокупность категорий, расположенных в порядке возрастания их значений, была названа комбинацией. Примерами комбинаций для рассматриваемого случая являются: «все сложно» — 50, «встречаются» — 91, «помолвлены» — 93, «влюблен» — 95, «женаты» — 99, «гражданский брак» — 99 и «коллеги» — 50, «друзья по университету» — 50, «друзья по школе» — 50, «друзья» — 80, «лучшие друзья» — 95. Аналогичные действия были произведены по каждой группе и по ответам каждого респондента. В каждой группе была посчитана частотность каждой комбинации, т.е. число раз, когда встречалась та или иная комбинация. Для анализа полученных результатов использовались инструменты, доступные в Microsoft Excel. Также была разработана специальная программа на языке С для расчета частотности, которая выводила результаты в документ Excel. Результат работы программы представлен на рис. 5.

Под словами «неразличимы», «не разделяют связи» или «не дифференцируют связи» будем понимать то, что при ответе на вопрос бегунок был установлен на одинаковых значениях по нескольким категориям в группе. Так, к примеру, порядок ответов: дедушка/бабушка, семья, брат/сестра, ребенок, внук/внучка с различными значениями по каждой из позиции встретился один раз. А порядок ответов: дедушка/бабушка, родители, брат/сестра, ребенок, внук/внучка, семья — 7, причем первые 4 позиции были неразличимы.

В результате исследования полученных соотношений было выявлено, что во всех категориях более, чем для трети респондентов указанные взаимосвязи практически неразличимы. В категории друзья 50 человек практически не разделяют (не раз-

	A	B	C	D	E	F	G	H
1	[123456]	24	Семья	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Ребенок	Внук/внучка
2	[23456]1	7	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Ребенок	Внук/внучка	Семья
3	1[23456]	5	Семья	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Ребенок	Внук/внучка
4	[1234][56]	3	Семья	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Ребенок	Внук/внучка
5	[2356]41	2	Дедушка/бабушка	Родители	Ребенок	Внук/внучка	Брат/сестра	Семья
6	[61234]5	2	Внук/внучка	Семья	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Ребенок
7	1[2364]5	2	Семья	Дедушка/бабушка	Родители	Внук/внучка	Брат/сестра	Ребенок
8	[12356]4	2	Семья	Дедушка/бабушка	Родители	Ребенок	Внук/внучка	Брат/сестра
9	1[6234]5	2	Семья	Внук/внучка	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Ребенок
10	[41256]3	2	Брат/сестра	Семья	Дедушка/бабушка	Ребенок	Внук/внучка	Родители
11	231654	1	Дедушка/бабушка	Родители	Семья	Внук/внучка	Ребенок	Брат/сестра
12	[634]512	1	Внук/внучка	Родители	Брат/сестра	Ребенок	Семья	Дедушка/бабушка
13	1[24]365	1	Семья	Дедушка/бабушка	Брат/сестра	Родители	Внук/внучка	Ребенок
14	263[41]5	1	Дедушка/бабушка	Внук/внучка	Родители	Брат/сестра	Семья	Ребенок
15	654312	1	Внук/внучка	Ребенок	Брат/сестра	Родители	Семья	Дедушка/бабушка
16	652431	1	Внук/внучка	Ребенок	Дедушка/бабушка	Брат/сестра	Родители	Семья
17	214356	1	Дедушка/бабушка	Семья	Брат/сестра	Родители	Ребенок	Внук/внучка
18	[23]41[56]	1	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Семья	Ребенок	Внук/внучка
19	416325	1	Брат/сестра	Семья	Внук/внучка	Родители	Дедушка/бабушка	Ребенок
20	231456	1	Дедушка/бабушка	Родители	Семья	Брат/сестра	Ребенок	Внук/внучка
21	[156]324	1	Семья	Ребенок	Внук/внучка	Родители	Дедушка/бабушка	Брат/сестра
22	[612]534	1	Внук/внучка	Семья	Дедушка/бабушка	Ребенок	Родители	Брат/сестра
23	234615	1	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Внук/внучка	Семья	Ребенок
24	235641	1	Дедушка/бабушка	Родители	Ребенок	Внук/внучка	Брат/сестра	Семья
25	2[13]4[56]	1	Дедушка/бабушка	Семья	Родители	Брат/сестра	Ребенок	Внук/внучка
26	621354	1	Внук/внучка	Дедушка/бабушка	Семья	Родители	Ребенок	Брат/сестра
27	135624	1	Семья	Родители	Ребенок	Внук/внучка	Дедушка/бабушка	Брат/сестра
28	2[65]134	1	Дедушка/бабушка	Внук/внучка	Ребенок	Семья	Родители	Брат/сестра
29	4[56]123	1	Брат/сестра	Ребенок	Внук/внучка	Семья	Дедушка/бабушка	Родители
30	[2365]14	1	Дедушка/бабушка	Родители	Внук/внучка	Ребенок	Семья	Брат/сестра
31	123[46]5	1	Семья	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Внук/внучка	Ребенок
32	[645]123	1	Внук/внучка	Брат/сестра	Ребенок	Семья	Дедушка/бабушка	Родители
33	12[34]56	1	Семья	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Ребенок	Внук/внучка
34	2356415	1	Дедушка/бабушка	Родители	Брат/сестра	Семья	Ребенок	Внук/внучка
	Result_Friend	Result_Family	Result_Relations	Interpretation	+			

Рис. 5. Пример обработанных результатов опроса
Fig. 5. Example of survey processed results

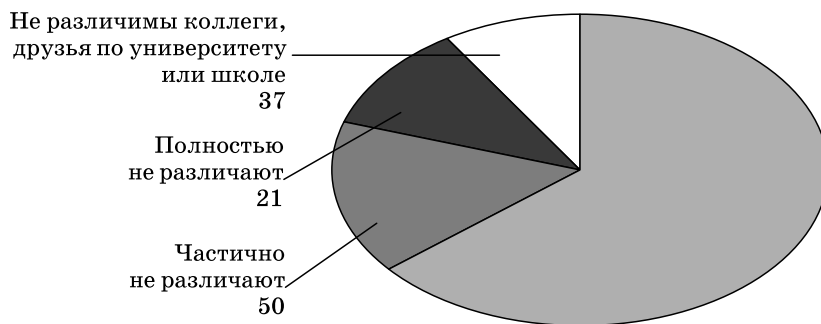

Рис. 6. Соотношение результатов в категории друзья
Fig. 6. Results ratio in the category of friends

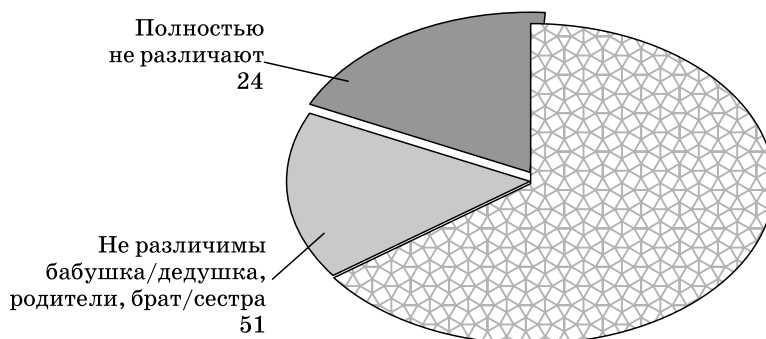

Рис. 7. Соотношение результатов в категории родственники
Fig. 7. Results ratio in the category of relatives

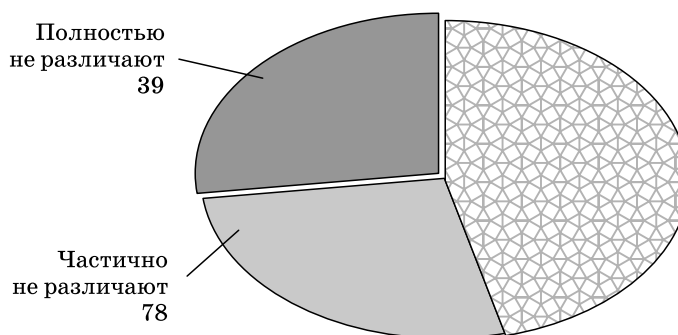

Рис. 8. Соотношение результатов в категории семейное положение
Fig. 8. Results ratio in the category of relationship status

личают при ранжировании) связи, из них 37 человек не разделяют (не различают при ранжировании) связи типа: коллеги, друзья по университету, друзья по школе и 21 — полностью не различают (не различают при ранжировании) связи данной категории (рис. 6). В категории родственники 51 респондент не разделяет связи

типа: дедушка/бабушка, родители и брат/сестра, из них 24 человека присвоили одинаковые оценки всем связям данной категории (рис. 7). Безразличных по дифференциации в категории семейное положение более половины опрошенных — 78 человек, из них 39 человек полностью не дифференцируют связи данной категории (рис. 8).

Кроме того, стоит отметить, что встречаются расстановки для групп, в которых респонденты выделили лишь один из вариантов связи. Например, в группе публичных списков друзей встретилось 7 ответов, в которых оценка готовности откликнуться на просьбу, поступившую от друга, коллеги, друга по университету или друга по школе осталась на уровне по умолчанию — 50, а от пользователя, отнесенного к списку лучших друзей — выше 50. В группе с семейными отношениями встретилось 19 ответов с одинаковыми оценками откликнуться на просьбу от пользователей, с которыми у текущего обозначены отношения как «все сложно», «встречаются», «женаты», «гражданский брак» и отличающейся оценкой для пользователей, с которыми у текущего обозначены отношения «влюблен».

Обсуждение

Основная гипотеза, выдвинутая по результатам данного исследования и требующая проверки, заключается в том, что оценки степени готовности откликнуться на просьбу вступить в сообщество для разных групп взаимоотношений различны, но мало отличаются внутри группы. То есть сильно отличаются степени готовности откликнуться на просьбу, поступившую от друга, родственника или партнера в отношениях, но внутри этих групп сильной дифференциации не фиксируется. Однако стоит отметить, что есть респонденты, которые сильно дифференцировали значения внутри групп.

Полученные результаты, демонстрирующие отсутствие дифференциации значений внутри групп типов взаимоотношений, являются существенными, но в то же время требуется более глубокое изучение порядков, которые можно отследить в ответах ряда респондентов. Вместе с этим для массовых исследований нельзя игнорировать то, что были рассмотрены далеко не все возможные сочетания, а реализация расстановки отношений может быть более многообразной. Для изучения этого в перспективе видится углубление исследования и проведения опроса среди более широкого круга респондентов. Стоит отметить, что в таком исследовании даже малые доли будут являться весомыми и могут вносить свой вклад в такие показатели, как вероятность успешной реализации социоинженерной атаки, ожидаемый ущерб от социоинженерной атаки и др.

Кроме того, стоит отметить, что пространство предпочтений может иметь достаточно сложную структуру, что создает основу интереса для изучения кластеров предпочтений. Однако для этого требуется иметь выборку большего объема. Еще одним направлением дальнейших исследований может послужить отслеживание динамики по возрастным категориям. Возможно, отсутствие дифференциации связей присуще только рассматриваемой возрастной категории (18–25 лет), в связи с отсутствием жизненного опыта. Планируется проведение повторного опроса тем же инструментом с целью проверки устойчивости оценивания связей. Для интерпретации результатов целесообразным видится использование метода Н. В. Хованова [5–7], которое позволяет исследовать отношения порядков друг к другу. Предполагается, что выбор конкретной численной позиции случаен, а разработанный инструмент помогает респондентам отобразить ранжирование связей. Вероятно, результаты, полученные с применением метода Хованова, окажутся более устойчивыми к небольшим вариациям предпочтений респондентов, чем те, что опираются на явные численные оценки, содержащиеся в ответах респондентов. Указанные

результаты в перспективе позволят явно задавать параметры моделей для построения оценок распространения многоходовых социоинженерных атак.

Заключение

В статье были приведены возможные типы (характеры) взаимоотношений между пользователями, которые представлены в социальной сети «ВКонтакте», произведена оценка силы влияния каждого из них на вероятность распространения социоинженерной атаки. Для этой оценки был проведен опрос, в котором респондентам предлагалось оценить вероятность выполнения некоторого действия, если его об этом попросит пользователь, состоящий с ним в одном из типов взаимоотношений.

Практическая значимость полученных результатов заключается в создании научной основы для определения значений ряда параметров вероятностных графических и родственных им математических моделей сложных социкиберфизических систем, используемых при расчете оценок вероятности распространения многоходовой социоинженерной атаки на пользователя [8; 16].

Литература

1. Абрамов М. В., Тулупьев А. Л., Сулейманов А. А. Задачи анализа защищенности пользователей от социоинженерных атак: построение социального графа по сведениям из социальных сетей // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2018. Т. 18. № 2. С. 313–321.
2. Азаров А. А., Тулупьева Т. В., Суворова А. В., Тулупьев А. Л. и др. Социоинженерные атаки: проблемы анализа. СПб.: Наука, 2016.
3. Зиненко О. Актуальные киберугрозы: тренды и прогнозы // Positive Technologies. 2018. С. 12–15.
4. Каталков Д. Как социальная инженерия открывает хакеру двери в вашу организацию // Positive Technologies. 2018. С. 26–30.
5. Колесников Г. И., Хованов Н. В., Юдаева М. С. Применение метода квантификации нечисловых оценок вероятности для выбора оптимального портфеля ценных бумаг // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2007. № 3. С. 58–67.
6. Хованов Н. В. Статья о построении рейтинга российских научных журналов как повод подумать об общих принципах применения метода сводных показателей // Управление большими системами: сборник трудов. 2009. № 27. С. 76–80.
7. Хованов Н. В., Федотов Ю. В. Модели учета неопределенности при построении сводных показателей эффективности деятельности сложных производственных систем // Научные доклады. 2006. № 28R-2006.
8. Bapna R., Gupta A., Rice S., Sundararajan A. Trust and the Strength of Ties in Online Social Networks: An Exploratory Field Experiment // MIS Quarterly. 2017. Vol. 41. N 1. P. 115–130.
9. Beam M. A., Child J. T., Hutchens M. J., Hmielowski J. D. Context collapse and privacy management: Diversity in Facebook friends increases online news reading and sharing // New media & society. 2017. Vol. 20. N 7. P. 2296–2314.
10. Bogaert M., Ballings M., Van den Poel D. Evaluating the importance of different communication types in romantic tie prediction on social media // Annals of Operations Research. 2018. Vol. 263. N 1–2. P. 501–527.
11. Cadena M., Hoffman M., Gallardo R. A., Figueroa A. et al. Using social network analysis to characterize the collaboration network of backyard poultry trainers in California // Preventive veterinary medicine. 2018. T. 158. P. 129–136.
12. Chang H. T., Li Y. W., Mishra N. mCAF: a multi-dimensional clustering algorithm for friends of social network services // SpringerPlus. 2016. Vol. 5. N 1. P. 757.
13. Gillath O., Karantzas G. C., Selcuk E. A Net of Friends: Investigating Friendship by Integrating Attachment Theory and Social Network Analysis // Personality and Social Psychology Bulletin. 2017. Vol. 43. N 11. P. 1546–1565.
14. Karimi F., Matous P. Mapping diversity and inclusion in student societies: A social network perspective // Computers in Human Behavior. 2018. T. 88. P. 184–194.

15. *Krakan S., Humski L., Skočir Z.* Determination of friendship intensity between online social network users based on their interaction // *Tehnički vjesnik*. 2018. Vol. 25. N 3. P. 655–662.
16. *Liberatore F., Quijano-Sanchez L.* What do we really need to compute the Tie Strength? An empirical study applied to Social Networks // *Computer Communications*. 2017. Vol. 110. P. 59–74.
17. *Lisbõa E. S., Coutinho C. P.* SNA: a framework for analyzing interaction in a social network // *EDULEARN13 Proceedings*. IATED 2013. P. 6549–6555.
18. *Maiz A., Arranz N., Fdez de Arroyabe J. C.* Factors affecting social interaction on social network sites: the Facebook case // *Journal of Enterprise Information Management*. 2016. Vol. 29. N 5. P. 630–649.
19. *Mattie H., Engø-Monsen K., Ling R., Onnela J. P.* Understanding tie strength in social networks using a local “bow tie” framework // *Scientific Reports*. 2018. Vol. 8. N 1. P. 9349.
20. *Suleimanov A., Abramov M., Tulupyyev A.* Modelling of the social engineering attacks based on social graph of employees communications analysis // *Proceedings of 2018 IEEE Industrial Cyber-Physical Systems (ICPS)*. SPb., 2018. P. 801–805.

Об авторах:

Хлобыстова Анастасия Олеговна, студент кафедры информатики Санкт-Петербургского государственного университета, стажер лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); akhlobystova@yandex.ru

Абрамов Максим Викторович, научный сотрудник лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук, старший преподаватель кафедры информатики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук; mva16@list.ru

Тулупьева Татьяна Валентиновна, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), старший научный сотрудник лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук, доцент кафедры информатики Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент; tv100a@mail.ru

Тулупьев Александр Львович, главный научный сотрудник с возложениями обязанностей заведующего лабораторией теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук, профессор кафедры информатики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор физико-математических наук, доцент; alexander.tulupyyev@gmail.com

References

1. Abramov M. V., Tulupyyev A. L., Suleymanov A. A. Analysis of users' protection from socio-engineering attacks: social graph creation based on information from social network websites // *Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics [Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki]*. 2018. V. 18. N 2. P. 313–321. (In rus)
2. Azarov A. A., Tulupyyeva T. V., Suvorova A. V., Tulupyyev A. L. at al. Socio-engineering attacks: analysis problems. SPb. : Science, 2016. (In rus)
3. Zinenko O. Relevant cyberthreats: trends and forecasts // *Positive Technologies [Positive Technologies]*. 2018. P. 12–15. (In rus)
4. Katalkov D. As the social engineering opens for the hacker of a door in your organization // *Positive Technologies [Positive Technologies]*. 2018. P. 26–30. (In rus)
5. Kolesnikov G. I., Hovanov N. V., Yudayeva M. S. Application of a method of quantification of non-numerical estimates of probability for the choice of an optimal portfolio of securities // *Bulletin of the St. Petersburg University. Series 5. Economy [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 5. Ekonomika]*. 2007. N 3. P. 58–67. (In rus)
6. Hovanov N. V. Article about creation of rating of the Russian scientific journals as an occasion to think about general principles of application of a method of summary indicators // *Management*

- of big systems: collection of works [Upravlenie bol'shimi sistemami: sbornik trudov]. 2009. N 27. P. 76–80. (In rus)
7. Hovanov N. V., Fedotov Yu. V. Model of accounting of uncertainty at creation of summary indicators of efficiency of activity of complex production systems // Scientific reports [Nauchnye doklady]. 2006. N 28R-2006. (In rus)
 8. Bapna R., Gupta A., Rice S., Sundararajan A. Trust and the Strength of Ties in Online Social Networks: An Exploratory Field Experiment // MIS Quarterly. 2017. Vol. 41. N 1. P. 115–130.
 9. Beam M. A., Child J. T., Hutchens M. J., Hmielowski J. D. Context collapse and privacy management: Diversity in Facebook friends increases online news reading and sharing // New media & society. 2017. Vol. 20. N 7. P. 2296–2314.
 10. Bogaert M., Ballings M., Van den Poel D. Evaluating the importance of different communication types in romantic tie prediction on social media // Annals of Operations Research. 2018. Vol. 263. N 1–2. P. 501–527.
 11. Cadena M., Hoffman M., Gallardo R. A., Figueroa A. et al. Using social network analysis to characterize the collaboration network of backyard poultry trainers in California // Preventive veterinary medicine. 2018. T. 158. P. 129–136.
 12. Chang H. T., Li Y. W., Mishra N. mCAF: a multi-dimensional clustering algorithm for friends of social network services // SpringerPlus. 2016. Vol. 5. N 1. P. 757.
 13. Gillath O., Karantzas G. C., Selcuk E. A Net of Friends: Investigating Friendship by Integrating Attachment Theory and Social Network Analysis // Personality and Social Psychology Bulletin. 2017. Vol. 43. N 11. P. 1546–1565.
 14. Karimi F., Matous P. Mapping diversity and inclusion in student societies: A social network perspective // Computers in Human Behavior. 2018. T. 88. P. 184–194.
 15. Krakan S., Humski L., Skočir Z. Determination of friendship intensity between online social network users based on their interaction // Tehnički vjesnik. 2018. Vol. 25. N 3. P. 655–662.
 16. Liberatore F., Quijano-Sanchez L. What do we really need to compute the Tie Strength? An empirical study applied to Social Networks // Computer Communications. 2017. Vol. 110. P. 59–74.
 17. Lisboa E. S., Coutinho C. P. SNA: a framework for analyzing interaction in a social network // EDULEARN13 Proceedings. IATED 2013. P. 6549–6555.
 18. Maiz A., Arranz N., Fdez. de Arroyabe J. C. Factors affecting social interaction on social network sites: the Facebook case // Journal of Enterprise Information Management. 2016. Vol. 29. N 5. P. 630–649.
 19. Mattie H., Engø-Monsen K., Ling R., Onnela J. P. Understanding tie strength in social networks using a local “bow tie” framework // Scientific Reports. 2018. Vol. 8. N 1. P. 9349.
 20. Suleimanov A., Abramov M., Tulupyyev A. Modelling of the social engineering attacks based on social graph of employees communications analysis // Proceedings of 2018 IEEE Industrial Cyber-Physical Systems (ICPS). SPb., 2018. P. 801–805.

About the authors:

Anastasiia O. Khlobystova, Student of Computer Science Department of St. Petersburg State University, Trainee of Laboratory of Theoretical and Interdisciplinary Problems of Informatics of St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation); akhlobystova@yandex.ru

Maxim V. Abramov, Research Associate of Laboratory of Theoretical and Interdisciplinary Problems of Informatics of St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of Computer Science Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Science; mva16@list.ru

Tatiana V. Tulupyyeva, Associate Professor of the Chair of Public Relations and Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Senior Research Associate of Laboratory of Theoretical and Interdisciplinary Problems of Informatics of St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of Computer Science Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Psychology; tv100a@mail.ru

Alexander L. Tulupyyev, Principal Research Associate with the duties of the head of the Laboratory of Theoretical and Interdisciplinary Problems of Informatics of St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences, Professor of Computer Science Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Dr. Sci. (Phys. and Math.), Associate Professor; alexander.tulupyyev@gmail.com

Обучение за рубежом и зарубежные стажировки студентов и специалистов как эффективный стимул повышения уровня развития человеческого капитала в лесной отрасли Вьетнама

Доан Т. М. Х.¹, Нуген В. Л.^{3, *}

¹ Университет труда и социальных вопросов, Вьетнам

³ ООО «Грифон Персонал», Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vanlocspb@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследован ряд актуальных феноменов, характерных для процессов развития человеческого капитала в рамках международного обучения и стажировок. В частности, произведен анализ распределения численности выезжающих на обучение по принимающим странам для студентов из таких стран АТР, как Вьетнам и Китай; сгруппированы мотивы и стимулы, которые оказывают влияние на решение родителей студента об его отправке на зарубежное обучение; проанализирована современная форма соединения высшего образования со стажировками в известных и привлекательных для студентов из-за рубежа компаниях «принимающей» страны, что является эффективным функциональным и имиджевым приемом в арсенале маркетинговых инструментов вузов, которые участвуют в высококонкурентной борьбе на мировом рынке высшего образования за платежеспособных клиентов. Определены ключевые элементы повышения качества «человеческого капитала» в ходе обучения вьетнамских студентов в вузах Санкт-Петербурга.

В исследовании сделан вывод о том, что российским вузам, в частности вузам, связанным с подготовкой специалистов для ЛПК, следует более активно пропагандировать свои образовательные услуги во Вьетнаме, указывая на наличие современной технологической и образовательной базы, фактическое использование знаний и технологий, которые применяются в передовых компаниях ЛПК Канады, стран Скандинавии, США, России.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, обучение за рубежом, международные стажировки, академическая мобильность, академический обмен

Education Abroad and Foreign Training of Students and Specialists as an Effective Incentive of Increasing the Level of Human Capital Development in the Forestry of Vietnam

Doan T. M. H.^a, Nguyen V. L.^{b, *}

^a University of Labor and Social Affairs, Vietnam

^b LLC "Griffin-staff", St. Petersburg, Russian Federation; *vanlocspb@mail.ru

ABSTRACT

The article examines a number of current phenomena characteristic of the processes of human capital development in the framework of international education and internships. In particular, an analysis was made of the distribution of the number of people leaving for study in host countries for students from such Asian-Pacific countries as Vietnam and China; motives and incentives are grouped into two large groups that influence the decision of a particular student's parents to send them to foreign studies; analyzed the modern form of combining higher education with internships in well-known and attractive for students from abroad companies of the "host" country, which is an effective functional and image reception in the arsenal of marketing tools of universities that are highly competitive in the global higher education market for solvent customers. The key elements of improving the quality of "human capital" during the training of Vietnamese students in universities of St. Petersburg are identified.

The study concluded that Russian universities, in particular those connected with the training of specialists for the forestry complex, should more actively promote their educational services in Vietnam, pointing to the presence of modern technological and educational base, actual use of knowledge and technologies that are used in leading companies in the forest industry of Canada, Scandinavia, USA, Russia.

Keywords: timber industry complex, forestry complex, study abroad, international internships, academic mobility, academic exchange

Введение и цели работы

Глобальный способ производства подразумевают развитие широкой сети обучения и обмена опытом (производственных, научных стажировок) — между студентами и преподавателями из других стран, специалистами, между работниками подразделений крупных транснациональных компаний и т. д. Наиболее популярным и массовым является обучение студентов из той или иной страны за рубежом, что входит в понятия «академическая мобильность / обмен». По данным ЮНЕСКО, уровень международной мобильности студентов вырос за период 1990–2015 гг. в 3 раза, к 2025 г. число получающих образование за рубежом составит около 5 млн чел. [11, с. 39].

Инновационность, понятая как способность к поступательному развитию и совершенствованию как частных, так и государственных бизнес-структур [8; 9], во многом зависит от динамичного развития человеческого капитала, способов и форм управления трудовыми ресурсами, профессионального совершенствования работников (исполнителей) и руководителей той или иной структуры. Данное положение относится ко всем отраслям, сферам или секторам экономики.

В данной работе объект исследования ограничен кругом специалистов, проходящих обучение в России с целью получения знаний и опыта для применения в области управления развитием лесного сектора (лесопромышленного комплекса — или ЛПК) Вьетнама (Социалистической Республики Вьетнам — СРВ), однако, многие положения работы применимы ко всему процессу получения высшего образования и прохождения стажировок за рубежом как предмету изучения в рамках более общих тематик управления развитием человеческого капитала в большинстве отраслей производства.

Цель настоящей работы состоит в определении актуальных сегодня подходов и способов повышения качества «человеческого капитала», факторов и феноменов, оказывающих влияние на получение в ходе зарубежного обучения и стажировок перспективными управленческими кадрами необходимых современных знаний, механизмов («шаблонов») управленческого мышления и принятия решений, а также деловых контактов, в частности, для ЛПК СРВ.

Применяемые методы включают общенаучные методы познания — синтеза и анализа, исторический метод, методы сравнений и экспертных оценок. Необходимо отметить, что проблематика развития человеческого капитала в связи с реализацией программ международного обучения частично освещена в работах ряда авторов: Ю. Г. Быченко [1], Д. А. Веселова [3], Д. В. Диденко [4], М. М. Хайкина [12] (развитие концепции «сервисного капитала») и др.

Согласно традиционному определению, человеческий капитал — это способности как работника — исполнителя, так и руководителя осуществлять (реализовывать) набор своих профессиональных функций (накопленный «профессиональный» человеческий капитал, уже реализуемое профессиональное Призвание — Calling), а также обучаться новым знаниям, проявлять ту или иную степень гибкости, открытости к новым знаниям и информации, способности ее воспринимать и применять на новом или текущем месте работы.

Некоторые показатели академической мобильности выезда студентов из Вьетнама и Китая и обучения иностранных студентов в вузах Санкт-Петербурга и России

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР), ВВП которых составляет все большую долю в мировой экономике, концентрируют значительное внимание на повышении качества собственного человеческого капитала — на «профессионализации» кадров с целью повышения численности и влияния в национальных управленческих структурах различных отраслей специалистов мирового уровня.

В университетах АТР обучается около 60% от числа всех студентов в мире, при этом велики показатели «академического обмена» (число прибывающих учиться студентов из-за рубежа и число выезжающих). Так, наиболее значительная доля иностранных студентов в АТР — от 20 до 50% от общего числа — обучается в Макао, Австралии и Сингапуре. Число студентов, получающих образование за границей, в ряде стран региона АТР в 2017 г. следующее (общее число выехавших и оценка удельного веса этого значения в общем числе студентов в стране) [5, с. 73]:

- Китай: 510 тыс. чел., 4,2%;
- Южная Корея: 125 тыс., 6,4%;
- Малайзия: 50 тыс., 1,9%;
- Вьетнам: 50 тыс., 3,9%;
- Япония 40 тыс., 3,7%.

Для Вьетнама и Китая актуальны количественные оценки распределения численности студентов по принимающим странам, приведенные в таблице.

Таким образом, если для китайских студентов США являются приоритетной страной для выбора зарубежного обучения, на втором месте находятся страны ЕС, а Россия — на четвертом, то для студентов из Вьетнама зарубежное обучение наиболее популярно в ЕС (принимающие страны, прежде всего, Франция и Вели-

Таблица

Распределение численности выезжающих на обучение за рубеж студентов по принимающим странам для студентов из Китая и Вьетнама, данные за 2015–2016 гг.

Table. Distribution of number of the students who are going abroad on training in host countries for students from China and Vietnam, given in 2015–2016

Принимающая страна	Китай		Вьетнам	
	Число студентов, тыс. чел.	Удельный вес, %	Число студентов, тыс. чел.	Удельный вес, %
США	235,0	46,6	12,5	25,0
Страны ЕС	150,0	29,8	14,5	29,0
Япония	86,0	17,1	1,5	3,0
Россия	22,0	4,4	4,5	9,0
Австралия	3,0	0,6	9,5	19,0
другие страны	8,0	1,6	7,5	15,0
ИТОГО	504,0	100	50	100

Примечание: составлено авторами по данным статистических управлений Вьетнама и Китая, а также [2, с. 65].

кобритания), США и Австралия. Именно туда уезжают учиться в настоящее время $\frac{3}{4}$ вьетнамских студентов, направляющихся за рубеж. Обучение в РФ по популярности также находится на четвертом месте, но Россия по указанным данным была существенно более привлекательна для вьетнамских студентов, чем для китайских по относительному показателю — доле студентов, выехавших в РФ, в общем числе зарубежных студентов. Для Вьетнама эта доля в 2015/2016 уч. г. была более чем в 2 раза выше аналогичной доли студентов из Китая — 9% и 4,4% соответственно.

По оценке вьетнамского ученого Нгуен Кань Тоана, ежегодно на обучение детей за границей вьетнамские граждане тратят около 2 млрд долл. (расходы в основном несут родители)¹. К сожалению, популярность Российской Федерации среди вьетнамских студентов, которые в последующем остаются работать в стране («образовательных мигрантов»), стремительно сокращается. Если в 2008 г. на долю РФ приходилось около 10% всех образовательных мигрантов из Вьетнама, то в 2014 г. — только около 3% [10, с. 208].

Россия стремится сохранить свою долю на международном рынке образовательных услуг, однако после событий 2014 г. и введения режима санкций число иностранных студентов в РФ сократилось на 15–20%. Если в 2012 г. на территории РФ в более чем 750 образовательных учреждениях обучалось около 250 тыс. иностранных студентов из 150 государств, то в 2014/2015 уч. г. численность студентов-иностранцев сократилась до 240 тыс.² В 2015/2016 уч. г. произошло дальнейшее сокращение. Согласно справочникам «Россия в цифрах» за 2016 и 2017 г., в 2015 г. в России обучалось в государственных и частных вузах 202 тыс. иностранных студентов, а в 2016 г. — 213 тыс., удельный вес иностранных студентов в общей численности студентов в России составил в 2016 г. 7%. Около половины всех иностранных студентов составляют студенты из стран СНГ и «ближнего зарубежья», общее число которых — более 100 тыс. человек.

В Санкт-Петербурге количество иностранных студентов в долгосрочном периоде растет. С 2010 г. численность иностранных студентов, обучающихся по программам высшего образования, возросла в 2 раза и в 2017 г. составила более 26,5 тыс. иностранных студентов³, из которых около 800 человек — из Вьетнама. Около 120 вьетнамских студентов обучаются в Санкт-Петербургском государственном лесотехническом университете, ряд из них получают постдипломное образование, защищают квалификационные работы на степень кандидата экономических наук. По возвращении во Вьетнам многие занимают руководящие позиции в ЛПК СРВ, в органах управления других отраслей, а также в структурах менеджмента государственных и частных компаний в производственных и обслуживающих отраслях.

Условия, причины, формы и методы развития человеческого капитала, а также развития инновационной направленности образования в рамках обучения и стажировок за рубежом

Как отмечается многими исследователями, на зарубежное обучение, с одной стороны, отправляются уже относительно независимые, сравнительно «пассионарные», а также, как правило, обеспеченные материально студенты, во многом уже заочно

¹ The Database «UIS.Stat» of United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 12.10.2018).

² Ивойлова И. За какими профессиями едут в Россию // RG.RU: интернет-портал «Российская газета». «Российская газета» — федеральный выпуск № 6676 (105) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/05/18/filippov.html> (дата обращения: 12.10.2018).

³ Паспорт Санкт-Петербурга. Сокращенная версия [Электронный ресурс]. URL: kvs.spb.ru/media/uploads/userfiles/2018/07/02/Паспорт_сокращ.версия.doc (дата обращения: 12.10.2018).

принадлежащие к управленческой / интеллектуальной элите «отправляющей» страны (home-country). На основе зарубежного обучения, таким образом, осуществляется воспроизводство управленческой и интеллектуальной элиты отправляющей страны [6; 7].

С другой стороны, известно, что при определенных условиях «принимающие» страны в ряде случаев занимаются фактически программами «перетаскивания мозгов», также «внедрения» в элиты отправляющих стран, которое происходит, когда талантливым, но относительно необеспеченным, потенциальным представителям управленческой и интеллектуальной элиты из других стран предлагается бесплатное обучение, стажировки с перспективой трудоустройства в более материально благополучной в данное время стране. Такие программы осуществлял СССР в период расцвета своего могущества в 1970–80-х годах для студентов из развивающихся стран. Аналогично поступали и в настоящее время поступают многие западные страны, «переманивая» талантливых людей из материально менее благополучных стран. В период после крушения советского блока «в орбиту» интересов привлечения ценных специалистов для США, Германии, Великобритании попали республики бывшего СССР и страны ранее «советского лагеря».

В качестве известного примера можно привести программу «Freedom support act», инициированную в начале 1990-х годов сенатором Конгресса США У. Брэдли (Bradley), по которой на обучение с проживанием в семьях или в студенческом общежитии в США ежегодно в течение 1993–2014 гг. отправлялось около тысячи отобранных в России и странах СНГ школьников и студентов в возрасте 16–19 лет на бесплатной основе. В настоящее время Россия также старается осуществлять аналогичные мероприятия по привлечению талантливой молодежи из других стран. В частности, Россия ежегодно распределяет на конкурсной основе и выплачивает около 15 тыс. стипендий для иностранных студентов, обучающихся в вузах России. О фактах и размере выплат каких-либо стипендий студентам из Вьетнама со стороны заинтересованных государственных инстанций РФ авторам данной работы неизвестно.

В результате, по мнению авторов, проявления «академической мобильности» следует рассматривать исходя из следующей «дуальной» основы мотивов и стимулов, определяющих решение конкретных родителей конкретного студента о его отправке на зарубежное обучение. Академическая мобильность обусловлена двумя основными «субъективными» причинами, соответствующее решение принимают:

- 1) состоятельные родители; родители, заботящиеся о будущем своих детей, в частности, в связи с возможными перспективами собственной эмиграции в страны с более высоким уровнем жизни;
- 2) родители, которым предложили бесплатно обучать их ребенка за рубежом в течение определенного периода организации из стран с, как правило, более высоким уровнем жизни и заинтересованные в «привлечении» («охоте за мозгами», откуда происходит известный в HR термин head hunter) перспективных интеллектуальных, управленческих и научных кадров в собственные структуры.

Так как около 90–95% всего обучения за рубежом осуществляется на платной основе — как самого образования, так и проживания для отправляющихся за рубеж, — и рынок расширяется в последние два десятилетия, то данный рынок предоставляет возможности существенного заработка для высших учебных заведений и становится все более конкурентным. Многие передовые вузы мира рекламируют себя специально (помимо уже устоявшейся репутации и «сарафанного маркетинга»), чтобы привлечь именно в свои стены состоятельных студентов из других стран, в «рыночную игру» пытаются включиться новые игроки — вузы из стран АТР, БРИКС.

Однако престиж образования в вузах западных стран пока является для большинства «потребителей» неоспоримым, хотя некоторые вузы из стран АТР (Китай,

Макао, Сингапур, Австралия) и отвоевывают себе все более значительные места в мировых образовательных рейтингах. Российские вузы стремятся сохранить свою долю, но опираются в основном на студентов из развивающихся стран — традиционных партнеров СССР в 1950–1990-х гг. Отток иностранных студентов из России после 2014 г., кроме того, обусловлен использованием «административного ресурса» конкурирующими западными вузами в виде антироссийской политики и риторики руководства западных стран. Такая риторика распространяется не только на сферу спорта (антидопинговые скандалы), но и, в частности, заключается в распространении мнений и суждений, что российские дипломы не признаются во многих странах и многими международными компаниями, что побуждает родителей из «третьих стран» делать выбор в пользу западных вузов (в первую очередь, расположенных в англосаксонских странах — США, Великобритания, Австралия).

Согласно некоторым исследованиям, имидж и репутация западных вузов, а тем более их недоступно высокие показатели в международных образовательных рейтингах не всегда основываются на объективных показателях, для ряда второстепенных вузов — определяются субъективно и по правилам, разработанным якобы «международными» и независимыми организациями, однако, имеющими происхождение в тех же странах, вузы которых оказываются не только на первых местах, но и «заполняют» первые десятки и сотни мест в указанных рейтингах. Прием с созданием «независимых международных» рейтингов, инициируемых правительствами стран, заинтересованных в привлечении в собственные вузы платежеспособных потребителей и талантливой молодежи из других стран, целесообразно заимствовать странам, чьи вузы сейчас вступают в конкурентную борьбу с вузами из англосаксонских стран.

Формы и методы зарубежного обучения, а также стажировок носят, по всей видимости, подчиненный характер по отношению к приоритетам бизнеса (повышения дохода национальных вузов той или иной страны) и политики. В ходе рабочих стажировок специалистов во многом реализуются конкретные интересы транснациональных компаний или крупных национальных компаний, которые осуществляют в определенный период времени значительные международные проекты. К таким проектам, например, можно отнести строительство платных автотрасс «ЗСД Санкт-Петербурга», «М-91. Москва — Санкт-Петербург» силами российских, итальянских и турецких подрядчиков при существенных вложениях инвесторов из Греции и Кипра в 2012–2020 гг.

Форма соединения образования со стажировками в известных и привлекательных для студентов из-за рубежа компаниях «принимающей» страны является эффективным функциональным и имиджевым (PR, «брендинговым») приемом для привлечения зарубежных студентов. Так, в Южной Корее обучение в ключевых университетах предполагает прохождение стажировок в крупнейших компаниях (Hyundai, LG, Samsung и др.), что значительно стимулирует приток иностранных студентов и является отражением инновационного подхода в образовательном бизнесе.

Ключевые элементы повышения качества «человеческого капитала» и формирования механизмов управленческого мышления и принятия решений у вьетнамских студентов в России при подготовке кадров для ЛПК СРВ

Для многих выезжающих на обучение студентов из Вьетнама наиболее принципиальным фактором выбора является страна, в которую они направляются (вузы США и Австралии более популярны в Южном Вьетнаме, учебные заведения ЕС и Рос-

сии — у выходцев из Северного Вьетнама), в то время как специальность и направление подготовки имеют зачастую прикладное или «клановое» значение (в случае, если направляющая студента семья уже имеет значительные владения или претендует на государственные посты в той или иной отрасли или бизнесе).

Необходимо отметить, что выезд за рубеж на обучение — также один из способов расширения численности диаспор вьетнамцев за рубежом для ведения международного бизнеса. Наиболее влиятельная национальная диаспора вьетнамцев, по ряду оценок, проживает в США, и начала формироваться там в середине прошлого, XX в. В период перехода к рыночным отношениям в 1990-х гг. связи между зарубежной диаспорой и основным населением страны усилились, особенно в сфере бизнеса. Это дало толчок к «перетоку» организационного и коммерческого опыта выехавших ранее за рубеж вьетнамцев для применения в проектах, в частных компаниях и государственных организациях внутри страны.

Вьетнамцы в США занимаются разными видами бизнеса, включая строительный, торговый и др. С учетом того, что в 2000–2010-е гг. в США существенно возрос объем экспорта вьетнамской мебели, изготавливаемой зачастую из элитных сортов деревьев по индивидуальному заказу потребителей, выросло и влияние той части вьетнамской диаспоры в США, которая занимается оказанием торговых и посреднических услуг между производителями мебели на частных предприятиях Южного Вьетнама и заказчиками — жителями США.

Несмотря на то что вьетнамцы — эмигранты («вьеткеу») предпочитают вести дела с опорой на собственные или дружественные компании, занимающиеся производством во Вьетнаме, как в ЛПК, так и в других отраслях, они также осуществляют и многочисленные закупки мебели и другой продукции у производителей из ряда других стран АТР, включая Мьянму, Индонезию, Малайзию, Китай.

В это же время производители в отраслях ЛПК из Северного Вьетнама также поставляют часть своей продукции через торговые сети, организованные ранее выходцами из Южного Вьетнама. Таким образом, осуществляется взаимопроникновение делового опыта между представителями разных частей страны. Представители ЛПК из северных частей страны, как правило, занимаются производством продукции первичной переработки, целлюлозы, реже — мебели и ДВП, а также выращиванием леса, лесовосстановлением. В российских вузах, в частности, в Санкт-Петербургском государственном лесотехническом университете, будущие специалисты и руководители ЛПК СРВ получают ценный опыт и знания по методикам лесовыращивания, ухода за лесами, технологиям деревообработки.

Наличие значительной вьетнамской диаспоры в городе позволяет также осуществлять общение, открывать медицинские центры, в которых применяются приемы и технологии национальной медицины, заведения общественного питания и другие места работы и досуга, в которых проживающие в городе вьетнамцы могут встречаться, обмениваться разнообразным опытом, принимать гостей из числа местных жителей, петербуржцев.

Ключевыми элементами повышения качества «человеческого капитала» в ходе обучения вьетнамских студентов в вузах Санкт-Петербурга, таким образом, следует считать:

- наличие качественного технологического и управленческо-экономического высшего образования, предоставляемого вузами;
- наличие возможностей стажировок на крупных лесозаготовительных и лесобрабатывающих предприятиях Ленинградской области и других регионов России в рамках образовательного процесса;
- наличие диаспоры внутри города, позволяющей реализовать как потребности общения во время пребывания в России, так и возможности реализации в по-

следующем с открытием собственного бизнеса, расширением контактов с местными жителями, петербуржцами.

Заключение и основные выводы

В статье был рассмотрен ряд актуальных понятий, связанных с развитием человеческого капитала в рамках реализации процессов зарубежного (международного) обучения и стажировок, включая:

- распределение численности выезжающих на обучение за рубеж студентов по принимающим странам для студентов из таких стран, как Вьетнам и Китай;
- система мотивов и стимулов, определяющих решение конкретных родителей конкретного студента о его отправке на зарубежное обучение;
- современная форма соединения высшего образования со стажировками в известных и привлекательных для студентов из-за рубежа компаниях «принимающей» страны, что является эффективным функциональным и имиджевым приемом для привлечения студентов из-за рубежа;
- ключевые элементы повышения качества «человеческого капитала» в ходе обучения вьетнамских студентов в вузах Санкт-Петербурга.

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что российским вузам, в частности вузам, связанным с подготовкой специалистов для ЛПК, следует более активно пропагандировать свои образовательные услуги во Вьетнаме, указывая на наличие современной технологической и образовательной базы, использовании знаний и технологий, которые применяются в передовых компаниях ЛПК Канады, стран Скандинавии, США, России.

Дальнейшие исследования в рамках выбранной области, по мнению авторов, могут быть нацелены на повышение широты знаний, охвата новых объектов исследования, а одна из важных задач будет состоять в том, чтобы наметить пути повышения эффективности международного образовательного обмена между Вьетнамом и Россией, другими дружественными странами.

Литература

1. Быченко Ю. Г. Управление развитием человеческого капитала. Саратов : Сарат. гос. аграр. ун-т, 2005.
2. Ван Бин. Экономические факторы, влияющие на международное образовательное сотрудничество между КНР и РФ, и способы его оптимизации // Вестник ВГУЭС. Территория новых возможностей. 2014. № 4. С. 63–66.
3. Веселов Д. А. Переход от стагнации к развитию в теории экономического роста с человеческим капиталом : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». М., 2012.
4. Диденко Д. В. Интеллектуально-экономическая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб. : Алетей, 2015.
5. Логвиненко И. С. Интеграционные процессы высшего образования на примере стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Вестник ВГУЭС. Территория новых возможностей. 2018. № 4. С. 67–74.
6. Нгуен Т. Н., Нгуен В. Л. Влияние мирового рынка на особенности развития лесопромышленного комплекса стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Управленческое консультирование. 2016. № 4. С. 281–289.
7. Нгуен Т. Н., Нгуен В. Л. Государственное регулирование лесопромышленного комплекса во Вьетнаме // Управленческое консультирование. 2016. № 10. С. 253–262.
8. Радужинский Д. А. Оценка интегрального экономического эффекта от реализации инновационных проектов в рамках государственно-частного партнерства с учетом их коммуникативной составляющей // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. Т. 16. № 4. С. 623–641.

9. Радужинский Д. А. Оценка интегрального экономического эффекта от привлечения иностранных партнеров в проекты государственно-частного партнерства, связанные с созданием инновационной продукции // Деньги и кредит. 2017. № 10. С. 33–39.
10. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Миграционные планы вьетнамской молодежи в контексте российской политики привлечения образовательных мигрантов // Вьетнамские исследования. 2017. № 7. С. 204–211.
11. Сагинова О. В. Проблемы и перспективы интернационализации высшего образования // Экономика образования. 2005. № 1. С. 38–48.
12. Хайкин М. М. Управление сферой услуг в развитии человеческого капитала. Санкт-Петербург, СПбГУЭиФ, 2010.

Об авторах:

Доан Тхи Май Хьонг, Университет труда и социальных вопросов (Вьетнам), кандидат экономических наук

Нгуен Ван Лок, директор по экономике ООО «Грифон персонал» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; vanlocspb@mail.ru

References

1. Bychenko Yu. G. Management of the human capital development. Saratov: Saratov State Agrarian University, 2005. (In rus)
2. Wang Bing. The economic factors influencing the international educational cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation, and ways of its optimization // Messenger of VSUES. Territory of new opportunities [Vestnik VGUES. Territoriya novykh vozmozhnostei]. 2014. N 4. P. 63–66. (In rus)
3. Veselov D. A. Transition from stagnation to development in the theory of economic growth with the human capital. Dissertation abstract. National Research University Higher School of Economics. M., 2012. (In rus)
4. Didenko D. V. Intellectually capacious economy: the human capital in the Russian and world social and economic development. SPb. : Aletheia, 2015. (In rus)
5. Logvinenko I. S. Integration processes of the higher education on the example of the countries of the Pacific Rim // VSUES Bulletin. Territory of new opportunities [Vestnik VGUES. Territoriya novykh vozmozhnostei]. 2018. N 4. P. 67–74. (In rus)
6. Nguyen T. N., Nguyen V. L., Influence of the world market on features of development of timber processing complex of the countries of the Pacific Rim // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 4. P. 281–289. (In rus)
7. Nguyen T. N., Nguyen V. L. State regulation of timber processing complex in Vietnam // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 10. P. 253–262. (In rus)
8. Radushinsky D. A. Assessment of integrated economic effect of implementation of innovative projects within public-private partnership taking into account their communicative component // Messenger UrFU. Series economy and management [Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie]. 2017. V. 16, N 4. P. 623–641. (In rus)
9. Radushinsky D. A. Assessment of integrated economic effect of involvement of foreign partners in the projects of public-private partnership connected with creation of innovative products // Money and the credit [Den'gi i kredit]. 2017. N 10. P. 33–39. (In rus)
10. Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E. Migration plans of the Vietnamese youth in the context of the Russian policy to attract educational migrants // Vietnamese researches [V'etnamskie issledovaniya]. 2017. N 7. P. 204–211. (In rus)
11. Saginova O. V. Problems and prospects of internationalization of the higher education // Education Economy [Ekonomika obrazovaniya]. 2005. N 1. P. 38–48. (In rus)
12. Khaykin M. M. Management of services sector in development of the human capital. St. Petersburg, SPbSUEF, 2010. (In rus)

About the authors:

Doan T. M. H., University of Labor and Social affairs (Vietnam), PhD in Economics
Nguyen Van Loc, Director of Economics of LLC "Griffin-staff" (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; vanlocspb@mail.ru

Перспективы государственно-частного партнерства в развитии отрасли электроснабжения на основе экологических и интеллектуальных технологий

Гусейнов С. А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; samirsg@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены актуальные вопросы привлечения инвестиций в развитие инновационной инфраструктуры электроснабжения в рамках механизмов государственно-частного партнерства. На основе изучения теоретического и статистического материала показаны основные преимущества возобновляемой энергетики и интеллектуальных систем передачи и распределения электроэнергии. Определены эффективные формы привлечения средств кредиторов в “зеленые” проекты в рамках партнерства государственных и частных структур. Выявлены подходы к оценке социально-экологических эффектов от реализации проектов государственно-частного партнерства в отрасли электроснабжения. Показано, что при изменении формата реализации проектов в исследуемой отрасли, уходе от передачи электроэнергии в общую сеть к работе на конкретных потребителей, партнерство власти и бизнеса становится более привлекательным и стимулирует развитие потенциально высокодоходных, экологических и социально целесообразных проектов в отрасли электроснабжения.

Ключевые слова: государственно-частное проектное инвестирование, инфраструктура электроснабжения, возобновляемые источники энергии, цифровые технологии, социально-экологическая эффективность

Prospects for Public-private Partnership in the Development of the Electricity Supply Sector Based on Environmental and Intelligent Technologies

Samir A. Guseinov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; samirsg@yandex.ru

ABSTRACT

This article focuses on the actual issues of attracting investment in the development of innovative electricity supply infrastructure through public-private partnership mechanisms. Based on a study of theoretical and statistical material, the main advantages of renewable energy and intelligent electricity transmission and distribution systems are shown. The effective forms of creditors' funds attraction to “green” projects within the framework of a partnership of public and private structures are defined. The approaches of the socio-environmental effects assessment of public-private partnership implementation in the electricity supply industry are identified. It is shown that by changing the format of projects execution in the analyzing industry, from the transmission of electricity to the general network to operation towards specific consumers, the partnership of government and business becomes more attractive and stimulates the development of potentially high-yield, environmentally friendly and socially expedient projects in the electricity supply sector.

Keywords: public-private project investment, electricity supply infrastructure, renewable energy sources, digital technologies, socio-environmental effectiveness

Введение

В период реформирования российской электроэнергетики с начала 2000 до начала 2010-х годов происходил поиск новых парадигм развития и компромисса

между государственным регулированием и рыночным ценообразованием в исследуемой отрасли. Являющаяся неотъемлемым элементом электроэнергетики отрасль электроснабжения включает в себя целый ряд организационных моделей — от вертикально-интегрированной схемы, где в отрасли доминирует подконтрольный государству монополист, до конкурентной модели, в которой зачастую преобладает частный капитал [9, с. 23–24]. В результате реформ были открыты возможности движения по пути выделения из естественной электроэнергетической монополии конкурентных видов деятельности и их либерализации. Либерализация рынка электроэнергии была важным элементом реформы отрасли, что дало возможность привлекать частный капитал¹. Так, к 2011 г. на территории практически всей страны появился полноценный конкурентный оптовый рынок генерации электроэнергии.

Проекты в сегменте производства электроэнергии и сегодня имеют наибольший отклик у инвесторов, а соответствующие мощности создаются преимущественно по договорам о предоставлении мощности (ДПМ), в рамках которых фиксируется тариф. Однако прослеживается тенденция к усложнению правил ДПМ: так, отраслевая ассоциация «НП Совет рынка» и представители генерирующих компаний периодически ведут переговоры по возможности ужесточения штрафов за непоставку мощности по ДПМ, а также одностороннего расторжения таких договоров в случае выхода оборудования из строя на длительный период. Одностороннее расторжение может крайне негативно повлиять на инвестиционный климат рынка ДПМ, поскольку генерирующие компании лишаются стимула к восстановлению объектов производства электроэнергии.

По мнению автора, сегодня в отрасли электроснабжения в России в основном применяются морально устаревшие подходы к организации инвестиционной деятельности, где развитие инфраструктуры осуществляет либо государство, либо частный сектор. Такое положение дел является одной из причин недостаточности инноваций в исследуемой отрасли, что включает низкий уровень цифровизации, недостаточность мер по обеспечению экологической безопасности. В этой связи необходим переход на передовой вектор развития отрасли электроснабжения. Инновационные проекты в инфраструктурных отраслях имеют значительный потенциал для развития в рамках механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) [3, с. 23–28].

Преимущества активного использования механизмов ГЧП в электроснабжении заключаются в том, что публичный партнер зачастую гарантирует минимальный доход и оказывает иную поддержку частному инвестору, включая предоставление различных льгот и преференций. Отличительной чертой партнерства, к примеру, от взаимодействия, является взаимное согласование целей и рациональное распределение обязанностей с учетом сравнительных преимуществ каждой стороны партнерства [13, с. 215–231]. Так, в рамках ГЧП орган власти, представляющий интересы общества, имеет возможность оптимизировать бюджет, задействовав компетенции и ресурсы частного сектора, а инвестор получает доступ к социально значимым инфраструктурным проектам.

Выгоды ГЧП могут компенсировать дополнительные расходы, связанные с привлечением частных средств, так как участие государства позволяет привлекать финансирование по более низкой ставке [23, с. 445–450]. За счет справедливого распределения рисков между государством, инвестором и кредиторами также зачастую возможно значительно увеличить долю используемого заемного финансирования в проекте ГЧП [2, с. 445]. При этом оптимальным является такое распре-

¹ Нечаев А. Кризис перекинулся в реальный сектор экономики [Электронный ресурс] // The New Times. 2008. 1 декабря. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/3226/> (дата обращения: 10.01.2019).

деление правомочий сторон, при котором предпринимательские риски относятся на частного партнера, в то время как административно-контрольные функции и политико-макроэкономические риски несет публичный партнер [2, с. 444]. Снижению рисков также способствует, к примеру, система компенсаций затрат инвестора в случае изменения существенных условий концессионного соглашения¹ — наиболее популярной формы ГЧП в нашей стране.

Материалы и методы

Электроснабжение относят к сфере услуг, так как электроэнергия переносит свою стоимость на создаваемый продукт, не внося в него каких-либо изменений материально-вещественного характера [4, с. 80]. Процесс создания услуг становится ближе к конечным потребителям [12, с. 846–860], что в полной мере должно относиться и к инфраструктурным услугам по снабжению потребителей электроэнергией. Так, помимо развития централизованных энергосистем, включающих генерирующие мощности тепловых, атомных и гидроэлектростанций, необходим постепенный переход к инновационным, наиболее подходящим к конкретным природным условиям и потребителям, технологиям электроснабжения. Решение поставленных задач требует повышения энергоэффективности, интеллектуализации систем электроснабжения с использованием современных цифровых технологий, широкого распространения энергосберегающих технологий и снижения нагрузки на окружающую среду².

В последние десятилетия роль властных структур в предоставлении инфраструктурных услуг изменилась: оставаясь их гарантом, государство все чаще уже не является их поставщиком, фактически, частный сектор играет все более важную роль в предоставлении таких услуг [18, с. 107–118]. Актуальной проблемой является то, что подход ГЧП может повлечь к менее тщательному отбору проектов государственными органами и дальнейшему неэффективному управлению [19, с. 217–218]. Факторы политического риска, макроэкономических провалов и неправильного структурирования контрактов нарушают эффективность инвестиций в инфраструктуру, особенно в развивающихся странах, что приводит к неблагоприятному отношению к ГЧП [24, с. 7–12]. Однако оптимальное распределение рисков нивелирует экономические издержки, вносит стимулы для эффективного управления и снижает необходимость перезаключения контрактов в будущем, в том числе по требованию кредиторов [10, с. 1–13]. Анализ эффектов рыночных реформ в отрасли электроснабжения в 27 странах-участниках ОЭСР определил, что как приватизация, так и регулирование оказывают отрицательное влияние на рынок, в то время как либерализация рынка несет в себе положительные перемены [20, с. 1–16].

Создание и модернизация объектов генерации, передачи и распределения электроэнергии через механизмы ГЧП являются новой формой привлечения инвестиций. ГЧП может быть привлекательным для развития экономически целесообразных, низкоуглеродистых, ориентированных на конкретные климатические условия инфраструктурных проектов, при наличии достаточного институционального потенциала, стабильной нормативно-правовой среды и правильного структурирования [15, с. 43–44]. ГЧП, ориентированное на инновационную модель комплексного освоения природных ресурсов, имеет значительные перспективы также и в рос-

¹ О концессионных соглашениях: федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 20.

² Проект Энергостратегии Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. 2017. 1 февраля. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1920> (дата обращения: 22.01.2019).

сийской энергетике, несмотря на медленное текущее развитие [22, с. 8]. В нашей стране имеется возможность создания научно-исследовательских центров на базе ГЧП, деятельность которых будет направлена на становление устойчивого национального инновационного энергетического сектора [11, с. 6]. Интеллектуальная энергосистема признается новым элементом эффективной инфраструктуры для энергоснабжения потребителей в цифровой экономике России в XXI в. [1, с. 43–52].

Результаты

В наши дни наиболее перспективным и распространенным в мировой практике является переход на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), в первую очередь, на солнечные и ветровые электростанции, малые ГЭС, доля которых на российском рынке генерации пока сравнительно мала (рис. 1). Между тем, согласно статистике Всемирного банка, по капиталоемкости проектов ГЧП в электроснабжении за I полугодие 2018 г., 64% занимали именно проекты по созданию и модернизации инфраструктурных объектов ВИЭ¹.

Согласно международной практике, механизмы ГЧП являются важным аспектом в поддержке наукоемких энергетических отраслей, в том числе в области возобновляемой энергетики [17, с. 22], распределенной генерации «MicroGrid» [25, с. 181–192] и «умных» IT-систем управления электросетями «SmartGrid» [16, с. 94–114]. С помощью распределенной генерации, в том числе на основе ВИЭ, необходимо в первую очередь решить вопрос устойчивого энергоснабжения потребителей, расположенных на отдаленных территориях, а также на территориях с подходящими природными условиями². Такие системы представляют собой локальную изолированную сеть, которая может функционировать как подключаясь к центральной электросети, так и автономно, используя мощности ВИЭ. В изолированных энергосистемах имеет место большое количество рассредоточенных потребителей, электроснабжение которых может осуществляться только от автономных источников энергии [8, с. 131–142]. Помимо распределенной генерации, в целях передового развития, важно обеспечить внедрение интеллектуальных систем управления электросетевым хозяйством на базе цифровых технологий³. Реализация указанных мер может быть осуществлена посредством развития вышеуказанных «умных» электросетей, функционирующих с использованием коммуникационных и информационных технологий. С помощью подобных инновационных систем возможно оперативное перераспределение электроэнергии между потребителями, предупреждение перебоев в электроснабжении, а также обеспечение дистанционного контроля над исправностью инфраструктуры.

Основным ограничением к широкому использованию технологий ВИЭ является их недостаточная текущая экономическая конкурентоспособность в сравнении с централизованной системой электроснабжения⁴. Дополнительным ограничением для «зеленой» энергетики в России является отсутствие недостатка мощностей в большинстве российских регионов, а возврат инвестиций по возобновляемой

¹ Private Participation in Infrastructure Database [Электронный ресурс] // Всемирный банк. URL: <http://ppi.worldbank.org/> (дата обращения: 15.01.2019).

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: утв. указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 14.01.2019).

³ Там же.

⁴ Проект Энергостратегии Российской Федерации на период до 2035 года. [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. 2017. 1 февраля. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1920> (дата обращения: 22.01.2019).

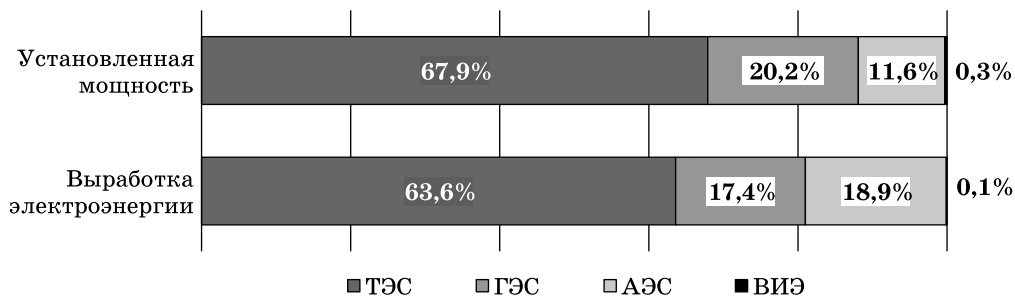

Рис. 1. Структура установленной мощности и выработки электроэнергии в Российской Федерации за 2017 г.

Fig. 1. Structure of installed capacity and electricity generation in the Russian Federation for the year 2017

Основные характеристики российской электроэнергетики [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/532> (дата обращения: 21.12.2018).

или «чистой» энергии обеспечивается за счет повышенных тарифов. Вместе с тем средняя расчетная себестоимость производства возобновляемой электроэнергии стремительно сокращается по сравнению с традиционными источниками генерации (рис. 2). Удешевление использования передовых технологий ВИЭ в совокупности с развитием систем хранения позволят ускорить процесс децентрализации производства электроэнергии.

В целом, в сравнении с опытом других стран, можно говорить о том, что потенциал ВИЭ на рынке генерации в России значителен (рис. 3). В долгосрочной перспективе наша страна может стать одним из крупнейших рынков возобновляемой энергии, учитывая существенный территориальный потенциал и внутренний рынок. В отечественном рынке ВИЭ уже сегодня заинтересованы китайские, финские и иные иностранные инвесторы. Так, объем заявок в ходе конкурентного отбора мощности по ДПМ солнечной и ветровой генерации превысил квоты на 2019–2023 гг. в 2–4,5 раза¹, что подтверждает необходимость ускоренного внедрения новых механизмов взаимодействия с частными инвесторами в рамках ГЧП.

В номинальном выражении крупнейшей страной по генерации электроэнергии посредством ВИЭ является КНР. Объем генерации электроэнергии на основе ВИЭ в КНР равняется практически половине совокупной выработки электроэнергии всеми видами источников у нас в стране. Только за период 2016–2017 гг. рынок ВИЭ Китая показал рост в 31%². Вторым по сопоставимости рынком ВИЭ являются США, однако темпы роста за тот же период составили всего 14%³. С другой стороны, нашей стране не нужен чрезмерно ускоренный переход на ВИЭ, направленный на попытку замены традиционных источников генерации электроэнергии. К примеру, в КНР все более актуальными становятся вопросы экологичности производства оборудования для солнечных панелей и иного оборудования ВИЭ. В целом переход на технологии ВИЭ должен быть постепенным, но не отстающим от общемировых трендов, на уровне ежегодных темпов прироста в 16–17%⁴.

¹ Конкурсный отбор проектов ВИЭ [Электронный ресурс] // Администратор торговой системы оптового рынка электроэнергии. URL: <https://www.atsenergo.ru/vie> (дата обращения: 17.01.2019).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

долл./МВт·ч

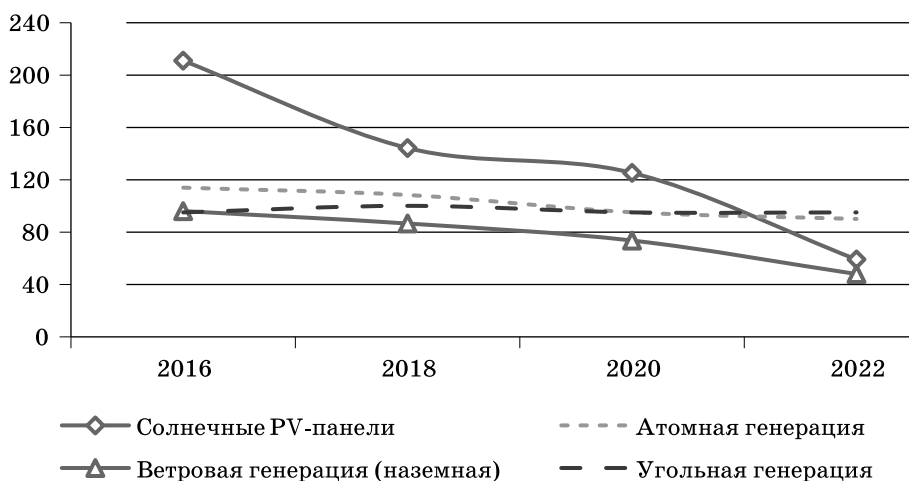

Рис. 2. Средние издержки по источникам генерации электроэнергии¹
Fig. 2. Average costs by sources of electricity generation

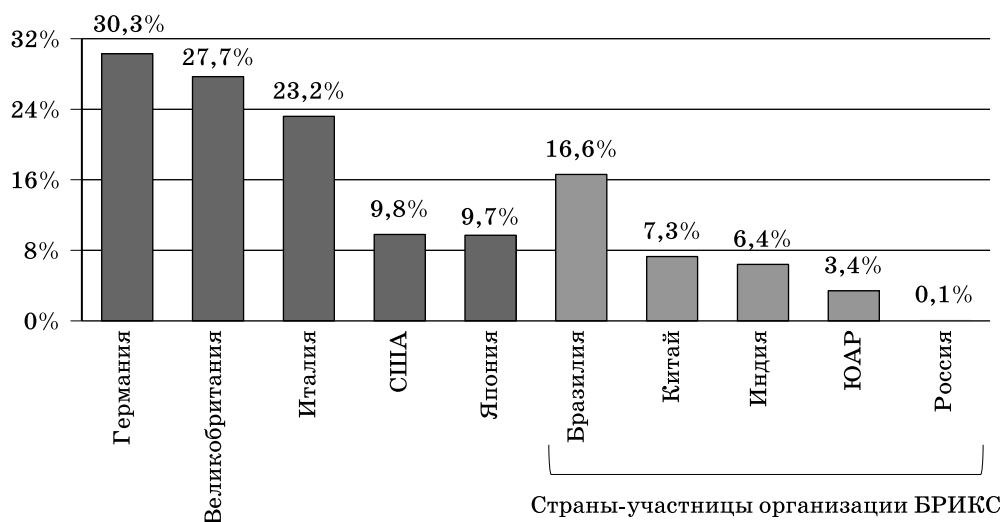

Рис. 3. Генерация электроэнергии посредством технологий ВИЭ в разрезе стран²
Fig. 3. Generation of electricity using renewable energy technologies by country

¹ Annual Energy Outlook [Электронный ресурс] // U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/aeo/> (дата обращения: 11.01.2019).

² BP Statistical Review of World Energy 2018 [Электронный ресурс] // BP. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (дата обращения: 09.01.2019).

Ускоренная замена централизованных источников генерации электроэнергии затруднена и экономически нецелесообразна, поэтому передавать в концессию и заключать соглашения ГЧП необходимо и по объектам традиционной генерации. Сдерживающими факторами в этом случае является высокая капиталоемкость таких объектов и сравнительно большая техническая сложность.

Важнейшим аспектом экологичного развития отрасли электроснабжения является своевременное и достаточное финансирование таких инфраструктурных проектов в рамках ГЧП. Проекты ВИЭ, или так называемые «зеленые» проекты, имеют значительный потенциал для развития в рамках ГЧП, заключающийся в возможности привлечения средств отечественных и международных банков развития. Участие в инфраструктурных проектах авторитетных агентств развития является положительным фактором в укреплении и расширении обязательств частного сектора [14, с. 52]. Так, в России имеется хоть и пока единичный в рамках ДПМ, но все же положительный опыт заключения кредитного договора между частным инвестором, с одной стороны, и Евразийским банком развития и Международным инвестиционным банком, с другой, где привлеченные заемные средства покрыли 69% капитальных затрат проекта строительства малых ГЭС в Республике Карелия¹.

Помимо кредитов одним из передовых инструментов инвестирования в экологичные проекты ВИЭ в рамках ГЧП могут стать особые финансовые инструменты — зеленые облигации. В целом зеленые облигации направлены на финансирование проектов в сферах энергоэффективности, ВИЭ, контроля за природными ресурсами, повышения экологичности транспорта, производства экологически безопасной продукции. Объем рынка зеленых облигаций только в 2018 г. составил 167,3 млрд долл.². В России имеется достаточно большое число потенциальных эмитентов в сфере электроэнергетики и электроснабжения, уже сегодня раскрывающих в проспекте облигационных эмиссий «зеленую» тематику — это РусГидро, Энел Россия, крупные межрегиональные распределительные сетевые компании [5, с. 52–55]. Для внедрения этого инструмента необходимо изменение нормативно-правовой базы в части снижения нормы резервирования для «зеленых» проектов и предоставление специальных фискальных преференций.

Более того, важен не только анализ коммерческой и бюджетной эффективности проектов ГЧП в электроснабжении посредством метода «затраты-выгоды». К примеру, индикатором социального эффекта проекта ГЧП могут являться различные индексы качества окружающей среды [26, с. 67–71]. В исследуемой отрасли предлагается введение оценки социально-экологических эффектов, которые бы позволили избрать оптимальные технологические решения по реализации проектов ГЧП. В качестве ключевого индикатора таких эффектов может выступать индекс качества атмосферного воздуха (AQI) [21, с. 269]. Указанный показатель, трансформированный для отрасли электроснабжения, будет иметь следующий вид:

$$AQI = \sum (C_i \cdot W_i) / C_s$$

$$\sum W_i = 1, 0 \leq W_i \leq 1,$$

где C_i — предполагаемый объем каждого вида загрязнения, производимого используемыми в рамках проекта ГЧП объектами электроснабжения (в первую очередь, объектами генерации электроэнергии); W_i — определяемый экспертным методом

¹ ЕАБР и МИБ открыли компании «Норд Гидро — Белый порог» кредитную линию на 8,15 млрд руб. для строительства малых ГЭС в Карелии [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. 2017. 3 апреля. URL: <https://eabr.org/press/news/eabr-i-mib-otkryli-kompanii-nord-gidro-belyy-porog-kreditnuyu-liniyu-na-8-15-mlrd-rublei-dlya-stroita/> (дата обращения: 18.12.2018).

² Green Bonds Market 2018 [Электронный ресурс] // Climate Bonds Initiative. URL: <https://www.climatebonds.net/> (дата обращения: 28.01.2019).

удельный вес социального эффекта от каждого вида загрязнения, производимого используемыми объектами электроснабжения; C_s — максимальный объем загрязнения, предусмотренный местным законодательством.

По нашему мнению, помимо финансово-экономической оценки проектов ГЧП в электроснабжении, крайне важен анализ социальных эффектов от применения экологических и передовых технологий.

Обсуждение

Сегодня наша страна находится на 64-м месте из 140 стран в рейтинге по технологической развитости инфраструктуры электроснабжения¹. Использование систем «MicroGrid» и «SmartGrid» наряду с передовыми инструментами финансирования таких технологий в рамках ГЧП позволит подключить новых потребителей к электроснабжению, снизить уровень технологических потерь, выравнивая при этом нагрузку на распределительные сети.

Таким образом, по мнению автора, необходимо:

- 1) приоритетное использование технологий «MicroGrid», в частности ВИЭ, в качестве экологичного источника генерации электроэнергии;
- 2) применение инновационных цифровых технологий «SmartGrid».

Пилотными регионами для внедрения предлагаемых решений в области «MicroGrid» могут стать изолированные энергосистемы, расположенные в геостратегических северо-восточных территориях страны. Ряд регионов в Сибири и на Дальнем Востоке, не имея подключения к единой национальной (общероссийской) электросети, испытывают дефицит резервных источников электроэнергии.

Следует отметить, что в целях модернизации отрасли электроснабжения и повышения качества оказываемых услуг, необходимо административное стимулирование участников рынка к выбору экологических подходов к достижению поставленных задач в этой области, в том числе посредством постепенного увеличения платы за негативное воздействие на окружающую среду. Также на территории страны необходимо наращивать производство оборудования для рассматриваемых технологий. К примеру, имеется опция использования систем на основе литиевых батарей при локализации производства инфраструктурных элементов для хранения электроэнергии. В условиях девальвации рубля движение в сторону локализации производства становится дополнительным преимуществом для привлечения инвестиций в развитие технологий «MicroGrid» и «SmartGrid» на территории России.

Ключевые игроки рынка ВИЭ, в том числе Росатом, Хевел — совместное предприятие Роснано и Ренова, а также ряд зарубежных производителей и инвесторов, уже начинают разворачивать строительство заводов по сборке необходимого оборудования и составных элементов для солнечной и ветровой генерации в России [7, с. 104–108]. Ускорение процесса локализации производства оборудования для рассматриваемых технологий имеет потенциал через заключение соглашений ГЧП, предусматривающих, в отличие от концессий, возможность инвестирования в промышленные объекты и прямое участие иностранных инвесторов в качестве частной стороны [3, с. 25]. Помимо этого, могут быть использованы иные формы партнерства государственных и частных структур, среди которых следует выделить механизмы специальных инвестиционных контрактов, особых экономических зон технико-внедренческого и промышленно-производственного типов, территорий опережающего развития.

¹ The Global Competitiveness Report 2018 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).

Следует помнить, что структурировать проекты ГЧП в отрасли электроснабжения следует таким образом, чтобы позволить инвесторам добиваться продвижения инновационных технологий с получением доходности, которая должна быть как минимум сопоставима с соответствующими показателями при инвестициях в другие инфраструктурные отрасли, на уровне порядка 11–15,5% [6, с. 4].

Выводы

Экономика генерации электроэнергии посредством ВИЭ на сегодняшний день уступает неэкологичным видам производства электроэнергии, однако именно данные технологии считаются наиболее перспективными и поэтому должны в первую очередь развиваться при поддержке государства и с участием частного капитала в рамках механизмов ГЧП. Применение инновационных IT-технологий «SmartGrid» в электроснабжении имеет еще более значительный потенциал, расширяя возможности использования электрической тяги в транспортной инфраструктуре, в первую очередь в городском транспорте и высокоскоростном железнодорожном сообщении. Предлагаемые в рамках настоящей статьи решения привнесут положительные изменения в улучшение экологической обстановки в стране. Рассмотренные социальные и экологические эффекты в конечном итоге позволят обеспечить энергетическую безопасность и повысить качество оказываемых обществу услуг электроснабжения.

Литература

1. Веселов Ф. В., Дорофеев В. В. Интеллектуальная энергосистема России как новый этап развития электроэнергетики в условиях цифровой экономики // Энергетическая политика. 2018. № 5. С. 43–52.
2. Гусейнов С. А. Государственно-частное партнерство как механизм модернизации региональной инфраструктуры // Экономика и предпринимательство. 2017. № 5–1 (82-1). С. 442–447.
3. Гусейнов С. А. Инвестиционный потенциал государственно-частного партнерства в развитии инфраструктуры инновационного типа // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 7. С. 23–28.
4. Дамбаева Е. Ж. Электроэнергия как специфический товар // Известия ИГЭА. 2010. № 2 (70). С. 78–81.
5. Зеленые финансы: повестка дня для России // Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. 2018. 63 с.
6. Инвестиции в инфраструктуру: ждать ли масштабных вложений в 2019 году? // InfraONE Research. 2019. № 1. С. 1–6.
7. Копылов А. Е. Требования локализации оборудования ВИЭ — императив продления программы поддержки ВИЭ после 2024 г. // Мат. IV Международного Конгресса «Возобновляемая энергетика XXI век: энергетическая и экономическая эффективность». Сколково, 5–6 июня 2018 г. М. : ОИВТ РАН, 2018.
8. Суслов К. В. Развитие систем электроснабжения изолированных территорий России с использованием возобновляемых источников энергии // Вестник ИрГТУ. 2017. Т. 21. № 5. С. 131–142.
9. Хант С., Шаттлуорт Г. Конкуренция и выбор в электроэнергетике [Электронный ресурс] // National Economic Research Associates. URL: http://www.libertarium.ru/files/lib_energy_con/russbook.pdf (дата обращения: 25.01.2019).
10. Asenova D., Beck M. Crucial silences: When accountability met PFI and finance capital // Critical Perspectives on Accounting. 2010. Vol. 21 (1). P. 1–13.
11. Belitskaya A. Public-private partnership in the energy sector of Russia: legal aspect [Электронный ресурс] // 2011. URL: http://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/environment_energy_resources/resources/belitskaya_energy_partnerships.authcheckdam.pdf (дата обращения: 10.01.2019).
12. Bovaird T. Beyond Engagement and Participation: User and Community Coproduction of Public Services // Public Administration Review. 2007. Vol. 67 (5). P. 846–860.

13. *Brinkerhoff J.M.* Assessing and Improving Partnership Relations and Outcomes: A Proposed Framework // *Journal of Evaluation and Program Planning*. 2002. Vol. 25 (3). P. 215–231.
14. *Callan M., Davies R.* When business meets aid: analyzing public-private partnerships for international development // *Development Policy Centre Discussion Paper*. 2013. N 28. P. 1–59.
15. *Corfee-Morlot J., Marchal V., Kauffmann C., Kennedy C., Stewart F., Kaminker C., Ang G.* Towards a Green Investment Policy Framework: The Case of Low-Carbon, Climate-Resilient Infrastructure // *OECD Environment Working Papers*. 2012. N 48.
16. *Cruz C.O., Sarmento J.M.* Reforming traditional PPP models to cope with the challenges of smart cities // *Competition and Regulation in Network Industries*. 2017. Vol. 18 (1–2). P. 94–114.
17. *David D., Venkatachalam A.* A comparative study on the role of public–private partnerships and green investment banks in boosting low-carbon investments // *ADB Working Paper*. 2018. N 870. P. 1–26.
18. *Grimsey D., Lewis M.K.* Evaluating the risks of public private partnerships for infrastructure projects // *International Journal of Project Management*. 2002. Vol. 20 (2). P. 107–118.
19. *Heald D., Georgiou G.* The Substance of Accounting for Public Private Partnerships // *Financial Accountability & Management*. 2011. Vol. 27 (2). P. 217–247.
20. *Lee J., Cho Y., Koo Y., Park C.* Effects of Market Reform on Facility Investment in Electric Power Industry: Panel Data Analysis of 27 Countries // *Sustainability*. 2018. Vol. 10 (9). P. 1–16.
21. *Nigam S., Rao B. P. S., Kumar N., Mhaisalkar V.A.* Air Quality Index — A Comparative Study for Assessing the Status of Air Quality // *Research Journal of Engineering and Technology*. 2015. Vol. 6 (2). P. 267–274.
22. *Nikitenko S.M., Goosen E.V.* The problems and prospects of the public–private partnership in the Russian fuel and energy sector // *IOP Conference Series: Earth Environmental Science*. 2017. Vol. 53 (1). P. 1–9.
23. *Quiggin J.* Public–Private Partnerships: Options for Improved Risk Allocation // *Australian Economic Review*. 2005. Vol. 38 (4). P. 445–450.
24. *Reside R.E.* Global Determinants of Stress and Risk in Public-Private Partnerships (PPP) in Infrastructure // *Asian Development Bank Institute Working Paper*. 2009. N 133. P. 1–54.
25. *Sovacool B.K.* Expanding renewable energy access with pro-poor public private partnerships in the developing world // *Energy Strategy Reviews*. 2013. Vol. 1 (3). P. 181–192.
26. *Zhao G., Wang S.* Indicators of social impact assessment for BOT/PPP projects // *Proceedings of the International Symposium on Social Management Systems*. Yichang, 2007, March 9–11. P. 64–72.

Об авторе:

Гусейнов Самир Агамуса оглы, аспирант кафедры макроэкономической политики и стратегического управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); samirsg@yandex.ru

References

1. *Veselov F.V., Dorofeev V.V.* Smart Grid of Russia as a new stage of power engineering development under conditions of digital economy // *Energy Policy [Energeticheskaya politika]*. 2018. N 5. P. 43–52. (In rus)
2. *Guseinov S.A.* Public-private partnership as a mechanism for modernization of regional infrastructure // *Journal of Economy and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]*. 2017. N 5-1 (82-1). P. 442–447. (In rus)
3. *Guseinov S.A.* Investment potential of the public-private partnership in development of the innovative type infrastructure // *Intelligence. Innovations. Investments [Intellekt. Innovatsii. Investitsii]*. 2018. N 7. P. 23–28. (In rus)
4. *Dambaeva E.Z.* Electric power as a specific product // *Proceedings of ISEA [Izvestiya IGEA]*. 2010. N 2 (70). P. 78–81. (In rus)
5. *Green Finance: An Agenda for Russia* // *Expert Council on the Long-Term Investments Market at the Bank of Russia [Ekspertnyi sovets po rynku dolgosrochnykh investitsii pri Banke Rossii]*. 2018. (In rus)
6. *Investments in infrastructure: whether to wait for large-scale investments in 2019?* // *InfraONE Research*. 2019. N 1. P. 1–6. (In rus)
7. *Kopylov A.E.* Extension of national RES support program beyond 2024 is an imperative to keeping local content requirements for RES equipment // *Proceedings of the IV International Congress*

“Renewable Energy XXI Century: Energy & Economic Efficiency” [Materialy IV Mezhdunarodnogo Kongressa “Vozobnovlyayemaya energetika XXI vek: energeticheskaya i ekonomicheskaya effektivnost”]. Skolkovo, 05–06 iyunya 2018 g.]. Skolkovo, 2018, June 5–6. Moscow : JIHT RAS, 2018. (In rus)

8. Suslov K. V. Development of power supply systems of Russian isolated territories using renewable energy sources // Proceedings of IrSTU [Vestnik IrGTU]. 2017, Vol. 21. N 5. P. 131–142. (In rus)
9. Hunt S., Shuttleworth G. Competition and Choice in Electricity [Electronic resource] // National Economic Research Associates. URL: http://www.libertarium.ru/files/lib_energy_con/russbook.pdf (date of access: 25.01.2019). (In rus)
10. Asenova D., Beck M. Crucial silences: When accountability met PFI and finance capital // Critical Perspectives on Accounting. 2010. Vol. 21 (1). P. 1–13.
11. Belitskaya A. Public-private partnership in the energy sector of Russia: legal aspect [Electronic resource] // 2011. URL: http://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/environment_energy_resources/belitskaya_energy_partnerships.authcheckdam.pdf (date of access: 10.01.2019).
12. Bovaird T. Beyond Engagement and Participation: User and Community Coproduction of Public Services // Public Administration Review. 2007. Vol. 67 (5). P. 846–860.
13. Brinkerhoff J. M. Assessing and Improving Partnership Relations and Outcomes: A Proposed Framework // Journal of Evaluation and Program Planning. 2002. Vol. 25 (3). P. 215–231.
14. Callan M., Davies R. When business meets aid: analyzing public-private partnerships for international development // Development Policy Centre Discussion Paper. 2013. N 28. P. 1–59.
15. Corfee-Morlot J., Marchal V., Kauffmann C., Kennedy C., Stewart F., Kaminker C., Ang G. Towards a Green Investment Policy Framework: The Case of Low-Carbon, Climate-Resilient Infrastructure // OECD Environment Working Papers. 2012. N 48.
16. Cruz C. O., Sarmento J. M. Reforming traditional PPP models to cope with the challenges of smart cities // Competition and Regulation in Network Industries. 2017. Vol. 18 (1–2). P. 94–114.
17. David D., Venkatachalam A. A comparative study on the role of public–private partnerships and green investment banks in boosting low-carbon investments // ADBI Working Paper. 2018. N 870. P. 1–26.
18. Grimsey D., Lewis M. K. Evaluating the risks of public private partnerships for infrastructure projects // International Journal of Project Management. 2002. Vol. 20 (2). P. 107–118.
19. Heald D., Georgiou G. The Substance of Accounting for Public Private Partnerships // Financial Accountability & Management. 2011. Vol. 27 (2). P. 217–247.
20. Lee J., Cho Y., Koo Y., Park C. Effects of Market Reform on Facility Investment in Electric Power Industry: Panel Data Analysis of 27 Countries // Sustainability. 2018. Vol. 10 (9). P. 1–16.
21. Nigam S., Rao B. P. S., Kumar N., Mhaisalkar V. A. Air Quality Index — A Comparative Study for Assessing the Status of Air Quality // Research Journal of Engineering and Technology. 2015. Vol. 6 (2). P. 267–274.
22. Nikitenko S. M., Goosen E. V. The problems and prospects of the public–private partnership in the Russian fuel and energy sector // IOP Conference Series: Earth Environmental Science. 2017. Vol. 53 (1). P. 1–9.
23. Quiggin J. Public–Private Partnerships: Options for Improved Risk Allocation // Australian Economic Review. 2005. Vol. 38 (4). P. 445–450.
24. Reside R. E. Global Determinants of Stress and Risk in Public-Private Partnerships (PPP) in Infrastructure // Asian Development Bank Institute Working Paper. 2009. N 133. P. 1–54.
25. Sovacool B. K. Expanding renewable energy access with pro-poor public private partnerships in the developing world // Energy Strategy Reviews. 2013. Vol. 1 (3). P. 181–192.
26. Zhao G., Wang S. Indicators of social impact assessment for BOT/PPP projects // Proceedings of the International Symposium on Social Management Systems. Yichang, 2007, March 9–11. P. 64–72.

About the author:

Samir A. Guseinov, Postgraduate student of the Chair of Macroeconomic Policy and Strategic Management of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); samirsg@yandex.ru

Управление международной компанией в виртуальном пространстве

Колмыков А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; alankol@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные особенности управления международной организацией в виртуальном пространстве. В ходе исследования на основе анализа различных источников сделан вывод об основных причинах и факторах, которые способствовали возникновению феномена виртуальной организации. Ключевыми факторами, от которых зависят скорость и вектор развития направления, являются экономический и технический факторы. В ходе исследования сделан вывод о том, что они могут быть как локомотивами для развития феномена, так и сдерживать развитие в силу разных причин. Автором проведен сравнительный анализ свойств виртуальной компании и традиционной компании, который позволил выделить ряд преимуществ, исходя из современных тенденций. Одновременно с этим затронут аспект непостоянства виртуальных организаций, как один из наиболее существенных негативных явлений. Автором рассмотрен ряд проблемных вопросов, в частности подбор персонала, чрезмерная экономическая зависимость от партнеров и т. д., которые требуют принятия взвешенных решений и разработки отдельных подходов для обеспечения деятельности виртуальной организации. Акцент при принятии решений должен делаться на мнение каждого участника виртуальной организации, что, так или иначе, будет способствовать их самомотивации. На основе собранных мнений сделан вывод о перспективности рассматриваемого феномена. Вместе с тем отсутствие полноценной теоретической базы обуславливает необходимость проведения дополнительных исследований, в том числе эмпирического характера. Статья может быть использована в качестве научно-теоретической базы для проведения дальнейших исследований, в частности для устранения пробелов и проблемных вопросов в деятельности виртуальных международных компаний.

Ключевые слова: международная организация, виртуальное пространство, управление, экономические факторы, технические факторы

Management of the International Company in Virtual Space

Alan Kolmykov

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; alankol@gmail.com

ABSTRACT

The article deals with the main features of the management of an international organization in the virtual space. In the course of the study on the basis of the analysis of various sources concluded the main causes and factors that contributed to the emergence of the phenomenon of virtual organization. The key factors that determine the speed and direction of development vector are economic and technical factors. The study concluded that they can be both locomotives for the development of the phenomenon and deter development for various reasons. The author conducted a comparative analysis of the properties of a virtual company and a traditional company, which allowed to identify a number of advantages, based on current trends. At the same time, the aspect of the volatility of virtual organizations, as one of the most significant negative phenomena, will be touched upon. The author considers a number of problematic issues, in particular, recruitment, excessive economic dependence on partners, etc., which require informed decisions and the development of individual approaches to ensure the activities of the virtual organization. The emphasis in decision-making should be on the opinion of each member of the virtual organization, which, one way or another will contribute to their self-motivation. On the basis of the collected opinions it is concluded about the prospects of the phenomenon under consideration. In the place

with that, the lack of a full theoretical base necessitates additional research, including empirical nature. The article can be used as a scientific and theoretical basis for further research, in particular to eliminate gaps and problematic issues in the activities of virtual international companies.

Keywords: international organization, virtual space, management, economic factors, technical factors

За последние два десятилетия одной из реалий мировой экономики стало возникновение виртуальной деятельности, в том числе управленческой. В настоящее время наблюдается тенденция виртуализации управления, в том числе международными организациями. Кроме того, в настоящее время наблюдается тенденция перехода многих организаций в виртуальное пространство, позволяющее реализовывать проекты различного уровня с одновременной экономией финансовых, временных и иных ресурсов.

В ряде исследований отмечается, что виртуальные организации являются одной из качественно новых и потенциально важных организационных хозяйственных форм¹. На развитие новых форм организаций и их управление в большей степени повлияли такие тенденции развития современных рынков, как глобализация, повышение важности сохранения устойчивых отношений с потребителем (индивидуальным заказчиком), а также возрастающее значение степени применения новых коммуникационных и информационных технологий.

В отечественных и зарубежных исследованиях виртуальные организации обозначаются и иными терминами: «безграничные организации», «сетевые организации», «расширенные организации» и др. Как правило, под такими терминами авторами исследований подразумевается существование целой сети партнеров (организаций, предприятий, отдельных коллективов и людей), которые совместно осуществляют деятельность по разработке, производству и сбыту определенного товара или услуг [1]. Вместе с тем под виртуальным предприятием (организацией) (ВП) следует понимать систему удаленных разнородных предприятий и подразделений, имеющих возможность оперативно корректировать свою деятельность и конфигурацию с помощью сетевых и интеллектуальных информационных технологий с целью оптимизации получения дохода каждым из участников в условиях общественной интеграции ресурсов [3].

Целью настоящего исследования является рассмотрение основных особенностей и возможностей управления международной организацией в виртуальном пространстве. В ходе настоящего исследования выявлена проблема отсутствия должной исследованности данного вопроса в отечественной литературе, а также отсутствие отечественного теоретического базиса относительно возможности управления международной компанией в виртуальном пространстве. Кроме того, интерес к указанному вопросу продиктован отсутствием крупных международных виртуальных компаний, имеющих российское происхождение.

Теоретические и методические основы изучения виртуальных отношений были заложены многими отечественными и зарубежными учеными, что обеспечило базу для исследования проблем формирования и управления виртуальной организацией. Разработкой этих проблем занимались такие отечественные ученые, как И. Н. Алексеев, Б. З. Мильнер, С. Е. Галкин, В. В. Чекмарев, И. Г. Горбунов, Д. В. Иванов, Г. Р. Латфуллин, А. В. Панкратов, В. И. Тищенко, В. В. Трофимов и др., а также ряд зарубежных ученых: Д. Сигел, М. Уорнер, М. Витцель, Б. Гейтс и др.

¹ Виртуальные организации как новейшая форма сетевых структур [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/virtualnye-organizatsii-kak-noveyshaya-forma-setevykh-struktur> (дата обращения: 20.03.2019).

Вместе с тем проблема отсутствия теории управления международным предприятием в виртуальном пространстве во многом обуславливает научную новизну настоящего исследования и необходимость проведения анализа возможностей и преимуществ управления международной компанией в виртуальном пространстве, как перспективного направления для развития отечественных компаний. Вышеперечисленные моменты обуславливают актуальность настоящей статьи.

В ряде исследований выделяется две группы факторов, которые послужили причиной для возникновения виртуальных организаций, в том числе и международно-го уровня:

- группа экономических факторов: расширение экономических связей, углубление кооперации, государственная поддержка технических инноваций, усиление конкурентного давления, ослабление преференций, эволюция денежно-кредитной системы и т. д.;
- группа технических факторов: развитие it-технологий, повышение производительности труда в производстве, гибкость производства, развитие локальных и глобальных сетевых технологий.

Указанные факторы способствовали возникновению международных виртуальных организаций и обеспечили возможность их функционирования.

Результаты проведенного автором исследования отражены в приведенных ниже сравнительных таблицах. Они позволяют также сделать вывод о необходимости проведения дальнейших исследований в части возможностей управления международной компанией в виртуальном пространстве. В качестве основных свойств информационно-коммуникационной сети, которая является технологической основой виртуальной организации, следует выделить следующие:

- интерактивность — расположенность гиперсреды к участию, осуществлению «живого» общения в диалоге с пользователем и, тем самым, к реализации свойства гиперсреды «виртуальной реальности», т.е. такой реальности, которая наблюдается и в материальном смысле существует (виртуальные магазины, выставки, офисы, биржи и т. д.);
- гипертекст — гипертекстовая природа информационно-коммуникационной сети позволяет производить организацию материала (информации, знания) в цифровом виде, используя различные типы связей; движение человека в виртуальной среде становится более гибким, соответствующим его потребностям, знаниям, способностям, квалификации;
- мультимедиа — мультимедиа-технологии позволяют производить интеграцию статической и динамической информации с учетом механизмов восприятия и интерпретации ее индивидом;
- эффект присутствия — этот эффект обеспечивает общение людей в разных государствах не с помощью гиперсреды (как посредника и коммуникатора между персоналом виртуальной международной компании), а непосредственно с самой гиперсредой, для которой характерна роль «квазиживого» коммуникатора;
- сетевая навигация — возможность для самопроизвольного движения персонала в рамках виртуального пространства с целью поиска и дальнейшей селекции информации, знаний или контроля коммуникаций.

Необходимо отметить, что для виртуальной международной компании свойственно иметь ряд существенных отличий от обычной международной компании [4]. При этом между международной виртуальной компанией и виртуальной компанией отсутствуют существенные отличия в характерных признаках. Интерпретируя результаты сравнительного анализа традиционной организации и виртуальной организации, полученного Е. Н. Ткачевой [6, с. 14–15], можно представить сравнительный анализ характеризующих признаков традиционной и международной компании, управляемой в виртуальном пространстве (табл. 1).

Сравнительный анализ характеризующих признаков традиционной и международной компании, управляемой в виртуальном пространстве

Table 1. The comparative analysis of the characterizing signs of the traditional and international company operated in virtual space

Характеризующий признак	Традиционная компания	Международная компания в виртуальном пространстве
Особенности функционирования	Функционирует постоянно, обособленно	Функционирует непостоянно, открыто
Положение персонала	Взаимозаменяемость, зависимость	Информированность, независимость, большая степень лояльности к компании
Гибкость с позиции изменений в мировой экономике	Низкая	Высокая
Управление влиянием	Находится в зависимости от выстроенной иерархии	Находится в зависимости от умений, навыков и знаний
Управление взаимоотношениями: «начальник—подчиненный», «подчиненный—начальник»	Отношения подчинения	Договорные, партнерские, отсутствие критерия подчинения
Использование механизмов для осуществления управленческих действий	С помощью привычных средств связи: мобильная связь, локальная телефонная связь, внутренняя электронная почта, факс, неинтегрированные информационные системы, касающиеся отдельных сфер деятельности организации	Интегрированные информационные системы
Организационная культура	Предполагающая формализм	Предполагающая доверительные отношения
Возможности для сотрудничества	Низкие	Широкий спектр
Цели организации	Максимизация выпуска	Оптимизация выгоды

Анализ положений, изложенных в табл. 1, показал, что функционирование в виртуальной реальности отличается непостоянством. В свою очередь, возможность непостоянства функционирования позволяет подстраиваться под конъюнктуру рынка.

Большая степень лояльности персонала к результатам деятельности компании во многом обеспечит максимальные результаты, в том числе выраженные в получении дополнительной прибыли. Критерий отсутствия строгой подчиненности «начальник-подчиненный» во многом обуславливает большую вовлеченность персона-

ла. Зависимость международной компании от навыков и знаний персонала во многом подразумевает риски, что обуславливает необходимость более тщательного подбора персонала [5].

Важно также отметить широкий спектр возможностей для сотрудничества при управлении виртуальной международной компанией.

Исходя из представленных выше отличительных признаков, необходимо отметить, что управление международной компанией имеет ряд особенностей, представленных в табл. 2.

По мнению ряда авторов, взаимное доверие персонала и менеджмента служит основой для согласия и взаимопонимания, детерминирует мотивацию к достижениям и является неотъемлемым условием делегирования полномочий и командной деятельности [8]. Следует отметить, что такой подход положительным образом сказывается на координации деятельности. В свою очередь, функционирование на основе самоуправления следует понимать как демократизацию управления, обеспечивающую работникам возможность участвовать в процессе принятия решений, влиять на положение дел в организации.

В.Л. Кабушкиным понятие «самоуправление» рассматривается в качестве довольно устойчивого типа социального образования или общественных отношений. Самоуправление на любом уровне управления можно представить в качестве процесса превращения человека, всего трудового коллектива из объекта управленческой деятельности в ее непосредственный субъект. В свою очередь данный вариант организации управления подразумевает ситуацию, когда самим коллективом или отдельным работником решается широкий спектр вопросов [2]. На рисунке наглядно представлена специфика самоуправления персонала в виртуальном пространстве.

В представленной схеме отражено понятие самоуправления в качестве сочетания управления и труда. Мотивация трудовой деятельностью, самомотивация персонала предполагает, что сотрудник, который осуществляет свою трудовую деятельность

Таблица 2

**Основные преимущества управления международной компанией
в виртуальном пространстве**

Table 2. The main advantages of management of the international company
in virtual space

Элементы организации	Управление международной виртуальной компанией
Координация деятельности	Из любой точки планеты, в которой есть возможность доступа в Интернет, функционирование в атмосфере доверия
Характер функционирования	Самоуправление, распределенный тип производства, особая повышенная роль заказчика в рамках производства товаров или предоставления услуг
Управление мотивацией	Мотивация трудовой деятельностью, самомотивация персонала (не требуется дополнительная мотивация со стороны руководства)
Управление инновациями	Создание и последующее управление бизнес-моделью организации, основанной на инновациях

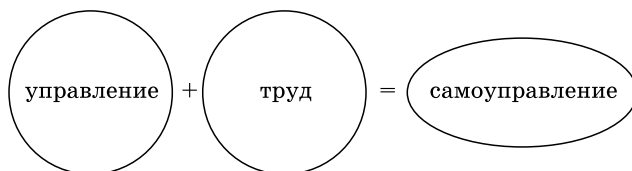

Рис. Сущность самоуправления персонала

Fig. Essence of self-government of personnel

в виртуальной международной компании, получает удовольствие от работы и, соответственно, его мотивация к продолжению деятельности в компании будет выше. Насильственным образом данного аспекта невозможно достичь¹.

Одновременно с этим самомотивация персонала позволяет менеджеру не отвлекаться на поиск дополнительных материальных и нематериальных стимулов. Кроме того, мотивация трудовой деятельности позволяет наиболее активным членам удаленной команды участвовать одновременно в нескольких проектах. Развитию работников способствует овладение несколькими специальностями [7]. В компании отсутствуют формальные должности — сотрудники выполняют то, что считают нужным на данный момент. Преодолеть возможный хаос позволяет четкое определение бизнес-процессов: «Чем строже определены границы процессов, тем более гибкой становится деятельность». Отсутствие отделов означает ликвидацию местничества и позволяет сбалансировать нагрузку сотрудников [Там же].

Необходимо отметить, что управление международной компанией в виртуальном пространстве предполагает дифференцированность предпочтений заказчика. В ряде исследований отмечается, что роль заказчика в рамках виртуального пространства возрастает в связи с тем, что он становится «сопроизводителем» продукции, заранее оплачивая ее выпуск. Делая заказ, потребитель продукции одновременно оплачивает ее будущий выпуск с помощью электронных кошельков и банковских карт.

При управлении международной компанией в виртуальном пространстве необходимо обеспечить взаимодействие с иными участниками рынка, в том числе с иными компаниями, которые смогут обеспечить в случае необходимости удовлетворение спроса. Кроме того, требуется создание сетей с поставщиками и заказчиками, что позволяет реализовывать «виртуальные цепочки поставок», а также

- повышать эффективность управления бизнес-процессами организаций виртуального типа;
- снижать транзакционные издержки агентов сети;
- усиливать обратную связь между членами цепочки;
- проводить при необходимости переконфигурацию агентов внутри виртуального проекта для наиболее полного удовлетворения клиентов.

Необходимо отметить, что управление международной компанией в виртуальном пространстве порождает вопросы как принятия виртуальную команду, так и адаптации менеджеров. Требуется принятие определенного набора приемов и приобретение новых навыков для управления задачами коммуникации, оценки, обучения и определения стоимости конечной продукции.

В ряде зарубежных исследований отмечается, что во многом на управление виртуальной организацией влияет создание корпоративных знаний [9]. Именно этот процесс необходимо использовать для обеспечения выживания корпораций в элек-

¹ Мотивация персонала: основные виды и методы. Система мотивации персонала // BusinessMan.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://businessman.ru/motivatsiya-personala-osnovnyie-vidyi-i-metodyi-sistema-motivatsii-personala.html> (дата обращения: 24.07.2018).

тронной экономике. Создание корпоративных знаний предполагает развитие инфраструктуры, позволяющей получать информацию, проводить ее анализ и последующее преобразование в знания. Одновременно с этим должно происходить приспособление традиционных задач и приемов управления к виртуальной среде.

Так как выбор соединения материальных и виртуальных элементов в организации отражает набор компромиссов, цель которых — достижение максимальной пользы и ценности, приемы управления в таких организациях требуют аналогичного набора компромиссов, основанных на прагматичном понимании того, что требуется для эффективного менеджмента [10].

Наряду с перечисленными выше достоинствами, необходимо отметить и недостатки, которыми обладают виртуальные предприятия, в том числе и международного уровня:

- чрезмерная экономическая зависимость от партнеров, что связано с узкой специализацией участников сети;
- фактическое отсутствие материальной и социальной поддержки своих партнеров по причине отказа от использования классических долгосрочных договорных форм и обычных трудовых отношений;
- опасность, связанная с возможностью чрезмерного усложнения, которая вытекает, в частности, из разнородности членов предприятия, неясности в отношении членства в ней, динамики самоорганизации, открытости сетей, неопределенности в планировании для членов виртуального предприятия¹. Речь идет о системе, где те, кто осуществляют трудовую деятельность, единолично принимают решение, что они должны делать и как это сделать в тех границах, которые налагает на них сосуществование в рамках их деятельности.

Таким образом, решения, которые касаются работника, должны быть приняты работником организации; решения, которые касаются нескольких работников, — собранием этих работников (в том числе виртуальным). Данные аспекты требуют дополнительного исследования и теоретического обоснования с целью последующего применения тех или иных решений в практике управления международными виртуальными предприятиями.

Подводя итог, отметим, что управление международной организацией в виртуальном пространстве является многоуровневым процессом, который должен включать многие аспекты обычного управления, но с учетом особенностей, возможностей информационно-телекоммуникационной сети. Вопрос управления международными организациями в виртуальном пространстве требует дальнейшего исследования по мере интенсификации научно-технического прогресса, в частности, в связи с внедрением облачных технологий и искусственного интеллекта.

Литература

1. Гольштейн Г. Я. Стратегический инновационный менеджмент [Электронный ресурс]. URL: http://www.aup.ru/books/m92/12_3.htm (дата обращения: 24.07.2018).
2. Кабушкин Н. Л. Основы менеджмента [Электронный ресурс]. URL: <https://finlit.online/page/mededzh/ist/ist-7--idz-ax253--nf-20.html> (дата обращения: 24.07.2018).
3. Катаев А. В. Анализ особенностей организации и управления виртуальными предприятиями // Известия Южного федерального университета. Технические науки [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-osobennostey-organizatsii-i-upravleniya-virtualnymi-predpriyatiyami> (дата обращения: 24.07.2018).
4. Мартынов Л. М. Виртуальное информационно-коммуникационное пространство для управления предприятиями // REDS: Телекоммуникационные устройства и системы. 2014. Т. 4. № 4. С. 307–309.

¹ Виртуальные предприятия. Клуб логистов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.logists.by/library/view/virtualnye-predpriyatiya> (дата обращения: 24.07.2018).

5. Петров В. И. Управление полиструктурными социально-экономическими системами: теория и методология [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/upravlenie-polistrukturnymi-sotsialno-ekonomicheskimi-sistemami-teoriya-i-metodologiya> ixzz5N2WfDjFT (дата обращения: 24.07.2018).
6. Ткачева Е. Н. Виртуальные организации как новая форма экономических систем: функциональное содержание и принципы управления: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2005.
7. Филипп Х. Квинтэссенция, или менеджмент для менеджеров [Электронный ресурс]. URL: <https://staff.wikireading.ru/6657> (дата обращения: 24.07.2018).
8. Яхонтова С. Доверие в управлении персоналом. Зарубежные подходы и отечественный опыт оценки [Электронный ресурс]. URL: <https://psyfactor.org/lib/trust.htm> (дата обращения: 24.07.2018).
9. Inouye F. Creating the virtual oil company // Petroleum Economist. Houston, 67, 11, (Nov. 2000). P. 28–32.
10. Faucheux C. How virtual organizing is transforming management science // Association for Computing Machinery. Communications of the ACM. NY, Sep. 1997.

Об авторе:

Колмыков Алан, аспирант кафедры международного бизнеса СПбГЭУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); alankol@gmail.com

References

1. Golstein G.Ya. Strategic innovative management [Electronic resource]. URL: http://www.aup.ru/books/m92/12_3.htm (date of the address: 24.07.2018). (In rus)
2. Kabushkin N. L. Management bases [Electronic resource]. URL: <https://finlit.online/page/menedzh/ist/ist-7--idz-ax253--nf-20.html> (date of the address: 24.07.2018). (In rus)
3. Katayev A. V. Analysis of features of the organization and management of the virtual enterprises // News of Southern Federal University. Technical science [Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki] [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-osobennostey-organizatsii-i-upravleniya-virtualnymi-predpriyatiyami> (date of the address: 24.07.2018). (In rus)
4. Martynov L. M. Virtual information and communication space for management of the enterprises // REDS: Telecommunication devices and systems [REDS: Telekomunikatsionnye ustroystva i sistemy]. 2014. V. 4. N 4. P. 307–309. (In rus)
5. Petrov V. I. Management of polystructural social and economic systems: theory and methodology [Electronic resource]. URL: <http://www.dissercat.com/content/upravlenie-polistrukturnymi-sotsialno-ekonomicheskimi-sistemami-teoriya-i-metodologiya> ixzz5N2WfDjFT (date of the address: 24.07.2018). (In rus)
6. Tkachyova E. N. Virtual organizations as new form of economic systems: functional contents and principles of management: Dissertation abstract. Rostov-on-Don, 2005. (In rus)
7. Phillip H. A quintessence or management for managers [Electronic resource]. URL: <https://staff.wikireading.ru/6657> (date of the address: 24.07.2018). (In rus)
8. Yakhontova S. Trust in human resource management. Foreign approaches and domestic experience of assessment [Electronic resource]. URL: <https://psyfactor.org/lib/trust.htm> (date of the address 24.07.2018). (In rus)
9. Inouye F. Creating the virtual oil company // Petroleum Economist. Houston 67, 11 (Nov 2000). P. 28–32.
10. Faucheux C. How virtual organizing is transforming management science // Association for Computing Machinery. Communications of the ACM. NY, Sep 1997.

About the author:

Alan Kolmykov, Postgraduate student of the Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation); alankol@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

- Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

- Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

- Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.
Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

- Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

- О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

- О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

- Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

- Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).
2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 3(123)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.03.2019.

Подписано к печати 15.03.2019.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,10. Тираж 200 экз.

Заказ № 3/19.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97